PHOTOS BY ANDREY G AKA DONUT190

В. ВЛАДИСЛАВСКИЙ

Всё начинается с детства

В. ВЛАДИСЛАВСКИЙ

Всё начинается с детства

МИНСК
«ВЫШЭЙШАЯ ШКОЛА»
1989

ББК 74.90
В57

Рецензент: доктор психологических наук, профессор *Я. Л. Коломинский*

Владиславский В.
В57 Все начинается с детства.— Мн.: Выш. шк., 1989.— 192 с.
ISBN 5-339-00239-X.

Рассматриваются основные ошибки воспитания — прежде всего родительского. Анализируются результаты этих ошибок — инфантилизм, иждивенчество, нечестность, бездушие, бездуховность, безволие, жестокость... В книге почти нет рекомендаций, но анализ причин, породивших ошибки, способствует их исправлению.

Для широкого круга читателей.

В $\frac{4312000000-162}{М304(03)-89}$ 97—89

ББК 74.90

Научно-популярное издание

Владиславский Владислав

ВСЕ НАЧИНАЕТСЯ С ДЕТСТВА

Заведующий редакцией В. З. Солоухин. Редактор В. И. Ганестова. Младший редактор А. Я. Сыромятникова. Художник-оформитель В. С. Соколова. Художественный редактор В. И. Шелк. Технический редактор Г. М. Романчук. Корректор Н. Б. Кучмель.

ИБ № 2846

Сдано в набор 08.06.88. Подписано в печать 23.12.88. АТ 12733. Формат 84×108/32. Бумага кн.-журнальная. Гарнитура обыкновенная новая. Офсетная печать. Усл. печ. л. 10,08. Усл. кр.-отт. 10,5. Уч.-изд. л. 10,88. Тираж 120 000 экз. Заказ 1014. Цена 1 р.

Издательство «Вышэйшая школа» Государственного комитета БССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 220048. Минск, проспект Машерова, 11.

Ордена Трудового Красного Знамени типография издательства ЦК КП Белоруссии. 220041. Минск, Ленинский пр., 79.

ISBN 5-339-00239-X

© Издательство «Вышэйшая школа», 1989

ТАК ЧТО ЖЕ НАЧИНАЕТСЯ С ДЕТСТВА!

(Заметки рецензента)

Перед нами новая книга о детстве.

На первый взгляд может показаться, что теперь «все» пишут о воспитании и в этой области сказать что-либо новое уже невозможно. Это во-первых. А во-вторых, не насыщен ли книжный рынок научно-популярной литературой по педагогике настолько, что уже и читателей на каждую книгу не хватит. И первое, и второе сомнение отпадают, если вспомнить, что воспитание — это такое творческое и динамичное явление, что никто никогда не напишет по этому поводу строгую научную книгу, которая даст ответы на все главные вопросы. Новые книги по воспитанию всегда будут необходимы еще и потому, что и темы воспитания, и его методы, и его объекты (попросту говоря, дети) неразрывно слиты, спаяны с определенными историческими периодами общественного развития, органически обусловлены социальными воздействиями. По этой причине даже хорошие книги о воспитании детей в семье быстро устаревают в наш стремительный век, в период перестройки, которая охватывает не только сферу производственных отношений, но и отношения семейные, личные, дружеские и родственные.

Насыщенность книжного рынка также иллюзия. Она должна быть такой, чтобы каждый семейный и потенциально семейный гражданин мог купить не одну, а несколько книг о семье и семейном воспитании. В условиях нашей системы образования, когда не ведется систематической подготовки к социальным ролям мужа, жены, отца, матери, на научно-популярной литературе лежит особая ответственность. С этой позиции оцениваем мы и те повторы, которые случаются у разных авторов, пи-

пущих на данную тему. Кстати сказать, сама тема семьи и семейного воспитания делает их неизбежными. Мы исходим здесь из интересов читателя. При все еще слабой насыщенности книжного рынка подобной литературой маловероятно, чтобы у многих читателей оказалось сразу несколько книг на одну и ту же тему. А если человеку попадается только одна-единственная книга о воспитании? Не означает ли это, что в таких книгах следует всегда стремиться дать информацию по всем главным вопросам? В какой-то мере поступить по принципу комплектования аптечек неотложной помощи, где должно быть самое необходимое на первый случай. А дальше — к услугам читателя должны быть основательно укомплектованные библиотеки («аптеки»), опытные педагоги, психологи-консультанты и т. д.

«Должны быть» — написал я уже в который раз. Если уж продолжить аналогию с медициной, то следует с грустью констатировать, что таблички «Поликлиника» и «Аптека» встречаются, мягко говоря, гораздо чаще, чем вывески «Психолого-педагогическая консультация». Фактически их пока нет. И вот квалифицированная, умная, доступно и увлекательно написанная книга призвана их заменить хоть в какой-то степени. Может быть, и не следовало писать столь длинное вступление, чтобы сказать — такая книга перед вами... Итак, книга автору удалась. Это своеобразная энциклопедия ошибок семейного воспитания, написанная врачом. Психолог обо всем, чему посвящена книга В. Владиславского, написал бы по-иному, специалист по эстетике создал бы свой вариант и т. д. Вариант В. Владиславского оказался чрезвычайно информативным, убедительным и, что, может быть, особенно важно — убеждающим. В относительно небольшой книге автор смог затронуть много по-настоящему актуальных вопросов семейного воспитания: здесь и психологические проблемы способностей и индивидуальных различий, и дискуссия о роли, вернее, месте телевидения в семье, и тревожные предупреждения относительно компьютеризации (их можно было бы сделать и более категорично), и многое другое. Хорошо, что время от времени на авансцену выходит сам автор. Создается определенный его образ — взволнованный, искренний, наблюдательный детский врач ведет задушевный и откровенный разговор с читателем, которому он доверяет. Кстати, представиться, сказать о себе как о враче можно было бы и раньше.

чем это сделано на страницах книги. И я этот «недочет» исправляю.

Книга публицистична в лучшем смысле слова. Автор широко использует свое право на собственную позицию. Но и у меня как рецензента, а это значит чуть ли не первого читателя, тоже появилась потребность высказать некоторые мысли, вызванные книгой, к чтению которой вы приступаете.

Каждой матери и каждому отцу хочется, чтобы ребенок был хорошим, душевно и физически совершенным, чтобы он вырос счастливым, наделенным всевозможными талантами. Другое дело — как это получается на практике. Одна из причин — очень существенная! — разрыв между тем, чего родители хотят, и тем, что они реально делают для осуществления желаемого. Противоречия здесь подчас прямо-таки поразительные. В принципе и в других областях нашей жизни нередко получается так, что мы хотим одного, выражаем это по-другому, а поступаем по-третьему. Здесь нужен пристальный самоконтроль. Но в деле воспитания самоконтроль необходим, как нигде. Ведь контроля внешнего, так сказать, со стороны — почти нет. Вернее, начинается он тогда, когда уже допущено столько промахов, что впору приступить к «работе над ошибками». Есть такой элемент в обучении — вместо неправильной запятой, буквы или цифры ставится правильная, и вот диктант или контрольная по математике уже выглядит вполне прилично. Но в детской душе нельзя ничего зачеркнуть, переписать заново — исправить без ущерба для возникающей — уже возникшей! — личности ребенка.

Если жизненный путь человека, орбиту его судьбы (помните у А. Вознесенского: «судьба, как ракета, летит по параболе...») сравнить с космической трассой, детство — начальный, самый ответственный, во многом определяющий все остальное этап. Достаточно при запуске ошибиться хотя бы на несколько сантиметров, чтобы потом орбита отклонилась от расчетной — задуманной, запланированной, желанной! — на тысячи и тысячи километров. Дорога цена каждой из наших ошибок на ранних стадиях жизни. Трассу космического корабля можно скорректировать. Ошибки воспитания исправить уже почти невозможно. Сегодня ученые пришли к неутешительному выводу о том, что если что-то упущено (или того хуже — искажено) на ранних этапах, отголоски будут

слышны на протяжении всей жизни. В отношении развития творческих способностей человека один опытный педагог даже термин специальный придумал и большими буквами его написал — НУВЭРС. Расшифровывается так: необратимое угасание возможностей эффективного развития способностей. Но мы здесь пока говорим не о специальных способностях, хотя на этом примере легче всего доказать невозвратимость упущенного, а о нравственных качествах человека; если хотите, об изъянах характера, возникающих по нашей вине в душах детей, которые вырастают и передают дальше эстафетную цепочку ошибок, потерь, разочарований.

Ошибки легче предотвратить, чем исправить. Малоутешительная аксиома, если учесть, что зачастую мы этих ошибок даже не замечаем. Может быть, теперь самое главное понять (и чем раньше, тем лучше), в чем же мы чаще всего ошибаемся. Самые главные, самые живучие, заразительные и неосознаваемые ошибки родители совершают в самой главной сфере — сфере взаимоотношений и общения с детьми. Попробуем некоторые типичные назвать. При этом мы надеемся — иначе зачем было бы огород городить, то бишь книги писать,— на самоанализ и честное признание тех, кто эти строки читает: а ведь и со мной такое случается. Если так подумалось — вы на правильном пути: процесс самовоспитания начался. А если нет? Один опытный учитель математики мне сказал: «Знаешь, кого труднее всего научить? Не того, кто не понимает, а того, кто не понимает, что он не понимает». Самый тяжелый случай и для любого педагога и для автора — это самоуверенный невежда, который во всех вопросах полагается лишь на свой собственный (поневоле весьма ограниченный!) жизненный опыт, подкрепленный расхожими формулами домостроевских времен. Впрочем, мы очень надеемся, что среди наших собеседников-читателей таковых не окажется: ведь такие и книг-то почти не читают...

Начнем с преодоления одной из самых распространенных ошибок — *непонимания*. Чего же *не понимают* родители? Лучше было бы, может быть, сказать: кого? Как это, на первый взгляд, ни удивительно, прежде всего *самих себя*, затем *своего ребенка* и, наконец, *последствий своего поведения* по отношению к детям. Впрочем, это третье непонимание — от соединения двух первых.

Есть смысл рассказать о некоторых наиболее типичных причинах неправильного воспитания, источниками которых являются эти непонимания. Может быть, это поможет нам более конкретно ответить на вопрос: что же все-таки начинается с детства и почему? Ну, например, многие ли знают, что возрастное развитие психики ребенка — это процесс неравномерный, что здесь годы спокойного развития сменяются периодами перехода от одного возрастного этапа к другому, которые характеризуются конфликтами и противоречиями. Как говорил выдающийся советский психолог Л. С. Выготский, развитие ребенка есть диалектический процесс, в котором переход от одной ступени к другой совершается не эволюционным, а революционным путем. В основе всех революционных перестроек (и психического развития тоже) всегда лежат какие-то кризисы, состояния, когда назревает известная ситуация: «низы не хотят, а верхи — не могут». Чего же не хотят, иными словами, чего хотят «низы», в нашем случае — дети, и чего не могут, не умеют, потому что не понимают, родители, взрослые?

С первым возрастным кризисом взрослые сталкиваются на переломе от младенчества — первый год жизни — к раннему детству, которое охватывает второй и третий годы. Примерно к концу первого года своей жизни ребенок впервые «показывает характер»: упрямится, капризничает, не слушается. Ох уж это «не слушается»... Если присмотреться к реальной воспитательной практике родителей (да и учителей нередко!), то можно установить печальный факт: послушание — главная доблесть, которой реально, а не на словах (на словах, помните, мы говорили: чтоб был умным, инициативным, творческим и т. д. ...) добиваемся мы от детей. Хороший — значит послушный, покорный, уступчивый, сговорчивый, спокойный. Послушный — значит не мешает нам заниматься важными взрослыми делами, в том числе — смотреть телевизор, разговаривать по телефону, читать газету и т. д. Так и хочется напомнить: если бы дети всегда беспрекословно слушались родителей, мы бы до сих пор жили в пещерах и вряд ли изобрели колесо. Всякий новатор — это человек непослушный, неудобный, неспокойный. А растущий человек — по природе своей новатор... Он мешает, отвлекает, призывает, ломает... Но ведь и строит же! Но это выясняется потом. А пока — надо слушаться! Надо ли? Всегда ли? Так вот, вчерашний младенец пере-

стает слушаться: назрела революционная ситуация. Чего хотят дети? Более содержательного общения со взрослыми. Они уже знают больше, чем умеют выразить словами. Чего не могут взрослые? Не умеют их понять. И не понимают, что именно это их непонимание — причина конфликтов... Выход находят дети — они овладевают речью. Вот их революционное завоевание...

А впереди новый возрастной кризис, новая возрастная революция, которая назревает к концу третьего года жизни. Человек прожил три года. Много это или мало? Чтобы ответить на этот вопрос, приглашаю читателя принять участие в умственном эксперименте, который придумала английский психолог Ф. Гудинаф. Постарайтесь возможно более ясно представить себе новорожденного... Что он умеет, а чего не умеет делать... А теперь подумайте о взрослом человеке... Рассмотрите подробно, что он может делать, в особенности из того, что принято считать признаками интеллекта... А теперь вернемся к отправному пункту, к новорожденному... Пройдитесь медленно по возрастной шкале и на каждой ступени спрашивайте себя: на кого больше похож типичный ребенок этого возраста тем, что он способен делать,— на взрослого или на новорожденного? Продолжайте это занятие до тех пор, пока вы не найдете возраст, в котором, по вашему мнению, сходства и различия так точно уравновешивают друг друга, что трудно отдать предпочтение тем или другим.

Попробуйте предложить этот опыт вашим друзьям и знакомым, мамам и папам маленьких детей. Удивительный результат, который чаще всего можно получить: три года. Первые три года, а потом целая жизнь... Преувеличение? Ничуть. Давайте разберемся, что именно сближает на этом рубеже маленького человека со взрослым. Трехлетний малыш уже прекрасно двигается, многое умеет делать самостоятельно. Он, по выражению французского психолога Р. Заззо, не только умеет любить и бояться, но с силой, свойственной слабым, с гневом и капризами (не забудем об этом!) упорно проявляет свою личность, демонстрирует, на что способен. Пожалуй, ключевое слово здесь — личность! Маленький человек говорит о себе «Я»: «Я хочу», «Мне больно»... И вообще (а не это ли одно из главных завоеваний человека разумного — Homo sapiens!?) он говорит! Говорит много, охотно, правильно... Говорит и мыслит, задает вопросы, ставит проблемы...

Чтобы понять, вошел ли ребенок в эту эпоху своего развития, не обязательно смотреть в метрики (тем более, что темп психического развития часто не соответствует календарю). У этого возраста есть свой пароль, любимое, я бы сказал, программное заявление ребенка этой поры: «Я сам!» А что на это отвечают взрослые? Вспомнили? Да, это не менее традиционное: «Нельзя!» Итак, лозунги выставлены, стороны вступают в неравный бой, где у ребенка единственным оружием становятся слезы, капризы, упрямство, аффективные вспышки. А взрослые? О, они, конечно, сильнее. Но наша победа над стремлением малыша к самостоятельности равна педагогическому поражению: на выходе либо безвольный и малоинициативный слюнтяй, либо упрямый, жестокий, а порой и истеричный самодур... Того ли мы хотели?

Впрочем, процесс воспитания нельзя описывать как сводку с театра военных действий. Взрослые вполне могут найти правильные пути: достаточно изменить тактику отношения с ребенком, расширить зону его самостоятельной деятельности, проявить на деле понимание его потребностей и интересов, и «революция» пройдет мирным путем. Это, разумеется, касается не только той, что на пороге от раннего детства к дошкольному, но и всех последующих. Кстати, из кризиса, который мы описали, ребенок выходит, осваивая новую ведущую деятельность, ролевую, творческую игру. Об этом хорошо говорится в книге, которую вы теперь читаете, и не будем забегать вперед.

Итак, понимать ребенка — это прежде всего меняться вместе с ним, с каждым годом становиться мудрее, терпимее, наблюдательнее. И знать, что каждый новый период жизни ребенка готовит нам новые сюрпризы. Хорошо, что для знающего они уже не столь неожиданны: он готов, он перестраивается, его не застанешь врасплох.

Кстати о сюрпризах. Когда мы произносим красивую формулу: «Все начинается с детства» и еще более красивую: «Дети — цветы жизни»,— не делаем ли мы при этом упор на достижениях в развитии личности ребенка, на тех радостях, которые приносят нам дети своими достижениями? Не забываем ли мы, что формула «Все начинается с детства» может быть прочитана вдруг с сильным логическим ударением на слове все? А все это значит, что по мере развития личности ребенка у него могут возникать не только новые положительные черты,

но и, как полярное их отражение (помните: наши недостатки — продолжение наших достоинств...) — негативные... Такие, как ложь, зависть, ревность... Присмотримся внимательнее, например, к детской лжи. Оказывается, ребенок может солгать, сказать неправду по самым различным мотивам, в том числе из лучших побуждений. Например, ему очень хочется (это одна из сильных потребностей ребенка) получить признание, одобрение, а порой и восхищение от взрослых и сверстников. Хорошо это или плохо? Само по себе очень хорошо: ради удовлетворения этой потребности ребенок стремится быть «таким, как я хочу» («Я» - в данном случае - взрослый или сверстник, которому ребенок стремится понравиться) — совершает одобряемые поступки, действует в соответствии с моральными нормами и т. д.

А если так не получается, а признания все-таки хочется... Вот тогда-то ребенок порой и прибегает ко лжи, хвастовству, самовосхищению. Особый случай — ложь во спасение. А спасает здесь ребенок свое лицо перед другими людьми, спасает свое положение среди детей и взрослых. То есть, конечно, надеется, что спасает. А на самом деле — роняет себя в их глазах. Выход? Если мы пустим дело на самотек: либо более тонкая ложь, либо «выпадение» из-под влияния, потеря веры в себя и обида на окружающих. Это если «громить» его разоблачениями и не помочь утвердиться по-настоящему. Здесь в руках взрослого оружие огромной созидательной (или разрушительной, если использовать бездумно) силы: оценка поступков и личности ребенка. Я глубоко убежден, что главные тайны отношений между людьми, главные пружины межличностного общения и взрослых друг с другом, и отцов и детей кроются в тонких механизмах взаимного оценивания.

Давайте чуть повнимательнее, чем это происходит в повседневной суете жизни, когда нам вечно некогда, когда мы действуем порой на автоматическом уровне (привычно, как принято, по обыкновению, как все и т. д.), присмотримся, прислушаемся к внутренним мотивам наших слов и поступков. Особенно к случаям, когда слово становится поступком, когда в нем - оценка другого человека — маленького или взрослого. В человеке живет жажда оценки. Что бы мы ни делали, всегда подспудно к окружающим, особенно к тем, с кем считаемся, идет запрос — как получилось, одобрят или осудят

я «на уровне» или провалился? Ведь недаром же (патология здесь, как и во многих других случаях, заостряет то, что есть в норме) в печальную знаменитой диаде или триаде сонаркотизаторов (соотравителей!) алкогольного зелья почти всегда возникает: «А ты меня уважаешь?» Болезненная тяга получить положительную оценку любой ценой, хотя бы вот такой ее замутненный суррогат...

Но это, как говорится, особая проблема, а пока вернемся к взаимному оцениванию взрослых и детей. Именно к взаимному: надо избавиться от иллюзии односторонности. Оценка человека человеком никогда не бывает магистралью с односторонним движением. Неравноправной — да. Но оценивание всегда взаимное. Другое дело, что вторая сторона (дети, подчиненные и т. д.) не всегда имеет возможность вслух оценить оценивающего. Что случается, когда дети пытаются оценить поступки взрослого, прекрасно показала В. Панова в своей тонкой и психологически достоверной повести «Сережка». Помните, там есть такой эпизод: знакомый дядя угощает шестилетнего малыша конфетой. Тот разворачивает угощение — бумажка пустая. Удивленный и огорченный Сережа задает взрослому вопрос, в котором содержится совершенно справедливая оценка: «Дядя, вы дурак?..» Разумеется, родители наказали... Сережу. Так приучаем мы детей скрывать свои чувства и порывы.

А свои? О, здесь мы часто не стесняемся — ведь перед нами ребенок (подчиненный) — существо, которое обязано внимать и опять-таки слушаться. Чего же мы не стесняемся, иначе говоря, какую главную ошибку мы совершаем, оценивая другого? Об этом хорошо говорится в книге, но проблема так важна, что хочется подчеркнуть главную мысль еще раз. Сначала примеры: «Ты вечно опаздываешь», «Никогда ты не убираешь за собой», «Всегда ты не вовремя задания выполняешь», «Ты вообще лентяй (грязнуля, копуша, неряха, лгун, трусиха, бездельник)». Уловили главную закономерность, основную, порой роковую ошибку оценивания? Совершенно верно: она заключается в скверной привычке давать общие отрицательные оценки личности по поводу ее частных, конкретных проявлений. Такие оценки всегда воспринимаются и остро переживаются как несправедливые, уничтожающие, унижающие. Они всегда вызывают чувство обиды и никакой созидательной задачи

не решают. Из таких обид строится между нами и тем, кого мы так неумело оценили, барьер непонимания и недоверия, через который и справедливые упреки пробиться не могут.

Общие оценки по частным поводам всегда уязвимы, потому, что их легко опровергнуть. Учительница подростку: «Ты вечно с неподготовленными уроками приходишь...» Он ей (молча или вслух, значения не имеет): «А вот и неправда. В прошлой четверти вы меня один раз даже похвалили...» Два-три таких эпизода, и барьер готов... Ведь и ребенок склонен давать общие оценки по частным поводам! В данном случае: «Учительница ко мне несправедлива, она меня не любит, презирает, терпеть не может» и т. д. Точно так же обстоит дело и при взаимном оценивании родителей и детей, мужа и жены.

В книге вы прочтете еще несколько примеров подобного, а пока я сформулирую золотое правило оценивания: не давайте общих оценок личности на основе частных проявлений. Иначе: оценивайте конкретный поступок, а не личность в целом. «Ты сегодня поступил необдуманно...», «На этот раз у тебя не получилось». А в ответ у того, кого оценивают, вспыхивает надежда: «Завтра обязательно исправлюсь», «В следующий раз получится»... При этом открывается перспектива усовершенствования, не убивается вера в себя. И нет необходимости... обманывать, чтобы заслужить одобрение.

Впрочем, детская ложь может иметь своим источником не только описанные здесь сложные личностные причины, но и некоторые другие особенности психики ребенка. Их тоже полезно знать, чтобы не судить его слишком строго. Наблюдения и специальные исследования свидетельствуют о том, что дети порой не различают образы фантазии и образы восприятия. Попросту говоря, они путают то, что они себе представили, вообразили, нафантазировали, с тем, что было на самом деле. Поощрять такие выдумки, разумеется, не следует, но и обрушивать за них на ребенка лавину родительского гнева тоже не стоит. Лучше всего спокойно вместе установить истину и отделить то, «что было», от того, что «показалось», что «могло случиться, но не случилось» и т. д. К этим «творческим порывам» следует относиться бережно: а вдруг перед нами будущий создатель фантастических рассказов, сказочник, изобретатель. Одним словом, творец...

Наконец, есть еще один безобидный вид детской лжи

Здесь уж взрослые «виноваты» на 100 %. Попробуйте (только один раз и никогда больше не повторяйте!), забирая ребенка из детского сада, уверенным и взволнованным голосом спросить: «Ты сегодня опять ничего не ел?» или «Тебя сегодня здесь били?» — и он в ответ скорбно подтвердит. Вы внушили ему неправду. Это так называемая «внушенная ложь». На первый взгляд, все просто. А сколько из-за этого явления случается неприятностей и даже конфликтов между родителями и воспитателями. Нередко родители опрометчиво утверждают, что они «знают своего ребенка», что «он врать не станет» и т. д.

Детская ложь не единственное отрицательное качество, которое возникает уже в дошкольном возрасте. На этом же этапе можно заметить и проявление зависти, ревности, агрессивности и т. д. И все это, повторяю, появляется на той же почве (завоевание любви и признания со стороны взрослых и сверстников), на которой вырастают прекрасные нравственные черты характера маленького человека. Здесь напрашивается одна весьма многозначительная аналогия: ведь и сорняки на клумбах и грядках вырастают на той же почве, что и культурные растения. Причем, как правило, растут они быстрее и оказываются более устойчивыми, чем их культурные, желанные и запланированные цветоводом и огородником соседи... Этот образ наталкивает еще на одно существенное сопоставление: сорняки появляются как бы сами собой, как говорится, «из воздуха» и развиваются, паразитируя на возделываемой почве, не требуя о себе никакой заботы. А вот добрые семена надо специально засеять, а потом специально за ними ухаживать. И при этом обязательно бороться с сорняками — осознанно и целенаправленно... Не так ли и в воспитании? Отрицательные черты появляются как бы сами по себе, а положительные - надо специально, терпеливо и неустанно прививать и воспитывать. Иначе – горестное недоумение: «Откуда это у него?», «Мы его этому не учили...» Увы, этого слишком ничтожно, удручающе мало – не учить плохому. Необходимо неустанно, постоянно, кропотливо и систематически учить добру...

Да, все начинается с детства... Даже такие, на первый взгляд, наши взрослые, совсем взрослые проявления (увы, они нас не украшают, но из песни слова не выкинешь), как деспотизм, бюрократизм, взяточничество, угодниче-

ство и т. д. Доказательства? Сейчас будут. Стоит пустить на самотек общение в группе детей, хотя бы даже в группе детского сада, как там немедленно начинают пышным цветом расцветать сорняки антигуманных взаимоотношений. В группе всегда выделяется наиболее активный и решительный лидер, который, если не направить его энергию на использование в «мирных», гуманных и созидательных целях, начинает деспотически, диктаторски, а порой и тираннически третировать сверстников. Вокруг него немедленно группируются подпевалы, а на другом полюсе — неугодные, гонимые, хочется даже сказать, подневольные. Такой «хозяин» правит уверенно и жестоко. В его руках, например, распределение ролей в главной детской деятельности — творческой игре. Сам он (или она — девочки-деспоты встречаются ничуть не реже, чем мальчики), разумеется, всегда капитан, командир, начальник — одним словом, главный... А остальные? Картинка с натуры: дети в группе затеяли игру в космодром. Главный конструктор — местный самодержец Витя. Тихий, робкий Гена тоже хочет в космос... Не тут-то было — приговор жесток и краток: «Уходи, рыжие космонавтами не бывают!» Как же быть? Положение отвергаемого в группе нестерпимо. И Гена находит выход. На следующий день он приносит из дому пластмассового космонавта. «Витя, — обращается он к Главному,— я тебе вот что принес. Можно я с вами поиграю?» Витя взял игрушку и сменил гнев на милость: «Ладно, будешь ракету заправлять».

Квалификация ситуации не вызывает сомнения: на наших глазах один предложил взятку, а другой ее принял. Еще совсем недавно, обнаруживая у современников (взрослых и детей) разные неприятные черты, мы спешили успокоить себя спасительной формулой: «пережитки капитализма». Доколе мы будем кивать на эти мифические «пережитки»? Ведь даже прабабушка сегодняшнего дошкольника капитализма фактически не видела, а бабушка была уже пионеркой.

Нам, взрослым, и родителям и воспитателям, необходимо быть неустанно внимательными и бдительными к тому, какой стороной поворачиваются наши дети к людям — взрослым и особенно сверстникам. Ведь то, что закладывается, а порой и оформляется в дошкольные годы, потом закрепляется, углубляется, совершенствуется. И плохое и хорошее. Недавно я с болью и радостью

прочитал повесть А. Алексина «Добрый гений» («Юность», 1987, № 2). С болью — потому, что в ней нашел художественное подтверждение тех опасений, которые возникли на основе психологических исследований. Причем подтверждение совершенно объективное: писатель не для меня старался и скорее всего моих книг о психологии детского коллектива не читал... С радостью — потому, что предостережение, надеюсь, будет услышано, а из уст признанного мастера оно звучит особенно убедительно.

«Добрый гений» — это иронически-горькое определение героини повести Лидуси, которая разрушила жизнь не одной семьи. А все началось опять-таки с детства. Психологически безошибочно рисует писатель, как закладывался в дошкольные годы характер «доброго гения». «Годы ее еще только начались, а она умела подчинять себе и тех, у кого они были уже на исходе. От нее зависела атмосфера в группах, где она находилась: младшей, затем средней, а потом и старшей. А раз зависела атмосфера, мы, взрослые, подстраивались под Лидусины настроения. Не одни лишь хлопоты родителей возвели этот характер: подобные здания нельзя запланировать, архитектурно предугадать. Но Назаркины-старшие (родители Лидуси.— *Я. К.*), да и я тоже (заведующая детским садом, от имени которой ведется рассказ: ее сына женила на себе впоследствии Лидуся, а ее фактически свела в могилу. - *Я. К.*) с энтузиазмом помогали строительству, не допускали никаких изменений проекта, созданного природой» (с. 15).

Кое-что о характере «природного проектирования» личности вы прочтете дальше в книге В. Владиславского, а пока обратимся к дошкольным годам Лидуси Назаркиной. «Исполнять главные роли было ее призванием. Я поняла это сразу, как только Лидуся пришла в детский сад, где я называлась заведующей.

— У нас три младшие группы, сообщила я. Первая, вторая и третья...

— Хочу в первую,— сказала Лидуся.

И я, взглянув на ее родителей, согласилась. Хотя педагогический долг повелевал возразить. Но глаза родителей взывали ко мне, но я не могла отказать» (с. 15).

«Раньше Красных Шапочек и Снегурочек у нас неизменно исполняла Сонечка Гурьева. Но Лидуся произвела бескровный переворот. Она и впредь никого силою не свергала. Просто, натолкнувшись на ее характер, премье-

ры и премьерши детского сада подавали в отставку» (там же).

«Если бы можно было одновременно выступить и в роли Серого Волка, Лидуся бы выступила. Она бы добилась этого, доказав, что Волк вполне может заговорить и девчачьим голосом, притворяясь, допустим, не Бабушкой, а Красношапочкиной подругой» (с. 14).

Нет, все-таки писатель, видимо, читал некоторые психологические исследования: в одном из них приводится случай, как мальчик-лидер сумел захватить роль... Красной Шапочки. Не напрасно Алексина избрали в Академию педагогических наук. Я не буду дальше пересказывать содержание его повести. Надеюсь, что читатели не откажут себе в удовольствии (не говоря уже о пользе!) познакомиться с ее героями лично, без посредников. Не могу только в заключение нашего разговора о ней не привести слова, которые необыкновенно ярко высвечивают то, в чем и мне хотелось бы убедить читателя. «Произнося «детский сад», мы делаем смысловое ударение на слове начальном и не задумываемся над смыслом слова последующего. Оно предполагает, что сообщество малышей — некий сад, а сами дети — цветы этого сада. Нет, не всегда цветы... От душевной неопытности, не предвидя последствий, они порой корят за физические недостатки, в которых человек неповинен, и за те поражения, в которых он тоже не виноват.

«С жестокой радостью детей...» — писал великий поэт. Такое наблюдение могло бы принадлежать и выдающемуся педагогу. Хотя великие поэты, я думаю, — и педагоги великие... Или, скорее, учителя!» (с. 15).

В одной серьезной и во всех отношениях умной книге по социальной психологии автор, рассуждая о развитии личности, обронил весьма характерное замечание: вопрос о социальной психологии детского сада сегодня может вызвать лишь улыбку. Типичное заблуждение взрослых: у маленьких и проблемы маленькие. А улыбка-то зачастую оказывается горькой! Я мог бы доказать, что многие проблемы социальной психологии общества взрослого начинаются опять-таки в обществе детском. Начинается с несправедливого распределения ролей в игре, а кончается социальной несправедливостью в мире взрослых, которая во многом оборачивается жестокостью, задан ностью и почти пожизненной неизменностью ролей, не поднимаемых личностью на жизненной сцене. Легко пред

ставить себе, например, жизненный путь ребенка, который уже в дошкольной группе привык к главным ролям. Добавим к этому еще одно важное обстоятельство: ошибки, которые делают взрослые, волью или невольно закрепляя в маленьком человеке лидерские притязания. Воспитательница заметила активного, волевого мальчика (девочку — пока различий не делаем): «Да он у меня первый помощник!» Увы, не только помощник, а порой и полноправный заместитель: «Ребята, я отлучусь, меня что-то заведующая вызывает, а ты, Витя, смотри тут, чтобы был порядок...» Таким образом, Вите делегирована огромная власть над своими сверстниками. И он приступает к наведению порядка... Я часто советую воспитателям понаблюдать незаметно за тем, как он это делает: вы увидите свои собственные методы и услышите собственные интонации...

Потом мальчик приходит в школу. И здесь его организаторские способности, а порой только притязания на них да усвоенный (уже!) командный тон не остаются незамеченными: «Будешь старостой!» Попал в школьную номенклатуру? Похоже на то. И продолжается внешне триумфальное шествие по командно руководящим ролям. А потом родители, воспитатели, учителя — мы с вами, дорогой читатель, - встретят в каком-либо начальственном кабинете чиновника, который смотрит на «простых» людей как на непосвященных, докучливых просителей, нарушающих его покой. А потеря кресла, кабинета, машины — вообще руководящего поста для него трагедия. Что ж, может быть, лучше трагедия для одного, чем для многих... Но ведь и этой могло не быть. Ведь это мы с вами, взрослые, формировали, вернее, деформировали этот характер, воспитали эту уродливую личность. Конечно, мы тоже сделали это ненамеренно, конечно, мы воспроизвели на своем семейном, детсадовском, школьном и т. д. уровне нравственно-психологическую и социально-культурную модель больного общества... Все это так. «И все же, все же, все же» не отменяется при этом персональная ответственность каждого, кто причастен к великому делу воспитания, потому что им, по словам В. Г. Белинского, решается участь человека. И общества тоже, добавим мы.

О социальных ролях, о том, как мы их выбираем и как они выбирают нас, о том, как они влияют на наш внутренний мир и создают в нем порой острейшие конф-

ликты, о том, как мы стремимся к новым ролям и стра
даем о потере старых, привычных, и еще о многом дру
гом в этом роде надо написать специальную книгу, а пока
только еще об одной мысли из книги В. Владиславского,
Воспитание мальчика и воспитание девочки. Все еще
дает себя знать во многих педагогических сочинениях
тенденция не замечать различий. Говорят о ребенке во-
обще... А ведь таких в природе не бывает (болезненные
отклонения подтверждают правило и здесь). Есть маль-
чики и девочки, которым предстоит усвоить роли, на-
учиться, сформироваться в мужчин и женщин. Воспитать
настоящего мужчину и настоящую женщину — еще одна
из многотрудных задач воспитания. И об этом хорошо
говорит автор. Не согласился бы я, пожалуй, только с его
надеждой на то, что проблема могла бы быть решена
более успешно, если бы мы восстановили раздельные
мужские и женские школы. При этом автор ссылается
на свой собственный опыт: ему «посчастливилось» учить-
ся в мужской школе.

У меня здесь тоже есть кое-какие личные воспоми-
нания, я тоже несколько первых лет своей жизни провел
в мужской школе, а потом в смешанной. Могу сравни-
вать. На девочек из ближайшей женской школы мы смот
рели как на марсианок. Да и они на нас так же. Пото
было воссоединение. Помнится, с каким восторгом и на
деждой пели мальчики и девочки моего поколения весе
лую песню, в которой рассказывалось о том, как «бегу
по школьной лестнице, звонок услышав звонкий, ровес
ники, ровесницы, мальчишки и девчонки...» А в припев
«Мы учимся вместе, друзья...» И еще: «Да здравству
дружба, ура!» Поют эту песню и сегодняшние мальчишк
и девчонки, но она для них потеряла свою, так сказать
первородную остроту и актуальность: ну, вместе, а как
иначе? А лозунг, там, где «ура!», увы, постигла учас
многих лозунгов и призывов: с дружбой то как раз д
леко не все в порядке.

И наблюдения, и специальные исследования говор
о том, что и до сих пор школьное государство — это ча
всего федерация, о том, что и в дружеском и в делово
отношении мальчики и девочки разобщены, о том, ч
правят чаще всего девочки... Не научились мы еще
своей воспитательной практике правильно воспитыва
будущего мужа, отца, рыцаря и будущую жену, мать
нежную и заботливую хранительницу семейного оча

Уже слышу возмущенное: «А он почему не хранит? А ему не надо быть нежным, заботливым?» Обязательно надо. И еще умелым, добрым и наделенным массой других добродетелей. Но тем не менее мальчик должен стать мужчиной, а девочка - женщиной... И мы должны им в этом помочь. Помочь в условиях совместного обучения!

Пожалуй, пора кончать мое несколько затянувшееся предисловие, пожелать книге счастливого пути, а читателям — приятных, а главное, поучительных минут чтения и раздумий.

Доктор психологических наук,
профессор, заведующий кафедрой
общей и детской психологии МГПИ
им. Горького Я. Л. Коломинский

ОТ АВТОРА

Все начинается с детства! С детства ли? И если да, то детства кого? И хотя давно известно и стало нарицательным выражение «ничто на земле не проходит бесследно», задумаемся над ним. Только ли детство нашего ребенка определяет, каким он станет взрослым? Очевидно, нет. Потому что стать взрослым помогаем (должны во всяком случае) ему мы, родители. И помогаем так, как умеем, как знаем, как получается. Но ведь все эти «умеем, знаем, получается» обусловлены тем, как мы сами воспитаны, здоровы ли, умны, понятливы. А эти качества в свою очередь воспитывали в нас наши родители.

Конечно, мы учимся, читаем, слушаем лекции — и это очень хорошо. Но, положа руку на сердце, достаточно ли мы этим занимаемся? Увы... Работа, домашние хлопоты, лень, а больше всего самоуверенность — я все знаю, мне это ни к чему — значительно ограничивают и объем наших знаний и умение применять их на практике. Получается, что мы живем в основном багажом, который заложили в нас наши родители.

Так прослеживается связь времен, связь поколений. Так сохраняется и даже накапливается положительный опыт. Но накапливаются и ошибки, совершенные нашими родителями. Можно ли разорвать эту цепь? В той ее части, которая негативно сказывается на детях и последующих взрослых? Не только можно, но и нужно. А как?

Ответу на этот вопрос и посвящена книга. Она не содержит рецептов по воспитанию детей на все случаи жизни. Она вообще содержит очень мало рецептов, поскольку, по-моему, такой путь кажется мне бесперспективным. Сошлюсь на мнение ленинградского педагога и писателя М. С. Пашича:

«Передача опыта семейного воспитания возможна ли? Условия воспитания в разных семьях разные. Разные родители. Разные дети, отличающиеся один от другого даже в одной семье. И с каждым нужно по-своему. Другие у детей товарищи. Характер... Да, еще и характеры. Разве это не влияет? Разный материальный достаток. Разное любят. Все разное, не одинаковое. Как тут быть с чужим опытом?.. А мы по привычке: опыт, опыт, опыт... Поделись опытом!

Проще всего передать опыт работы на станке... Станки могут быть и бывают одинаковыми. Дети — почти никогда. Родители — почти никогда!!!

— Так вы отрицаете значение опыта воспитания в одной семье для другой, где дела обстоят хуже?

— Нет, почему же? Умные родители могут с успехом воспользоваться чужим опытом, приняв одно, отказавшись от другого, — в зависимости от собственных обстоятельств. Но многое и при этом будет зависеть от того, понимают ли они особенности характера своих детей, и еще от того, хотя бы, любят ли они друг друга, отец и мать. Если не любят, то никакой чужой опыт им не поможет. Нет чужого опыта любви, только свой. Нет чужого опыта доброты, только свой... И еще ум, его ведь не получишь взаймы...»

Поэтому я поставил перед собой задачу написать не сборник рецептов чужого опыта по воспитанию детей, а рассказать о тех ошибках, которые достаточно часто встречаются в жизни. Я хочу, чтобы анализируя их, родители задумывались, искали причины и собственные варианты правильного поведения или исправления, если ошибка все же оказалась совершенной.

Книга адресуется всем взрослым, но в первую очередь родителям, а не учителям (хотя многие учителя «по совместительству» родители тоже). Почему не учителям? Потому, во-первых, что для учителей выпускается специальная, а не популярная литература, и потому, во-вторых, что только небольшая часть из них в той или иной степени не похожа на учительницу, описанную Паничем в книге «Путь к себе». Увы, таким учителям никакие книги не помогут.

«Десятиклассник Н. ...во время урока ударил старую учительницу ножом. Удар был несильным, ранение легким. Но все же ударил. Ножом. На уроке. Учительницу. Ужасно!

⟨...⟩

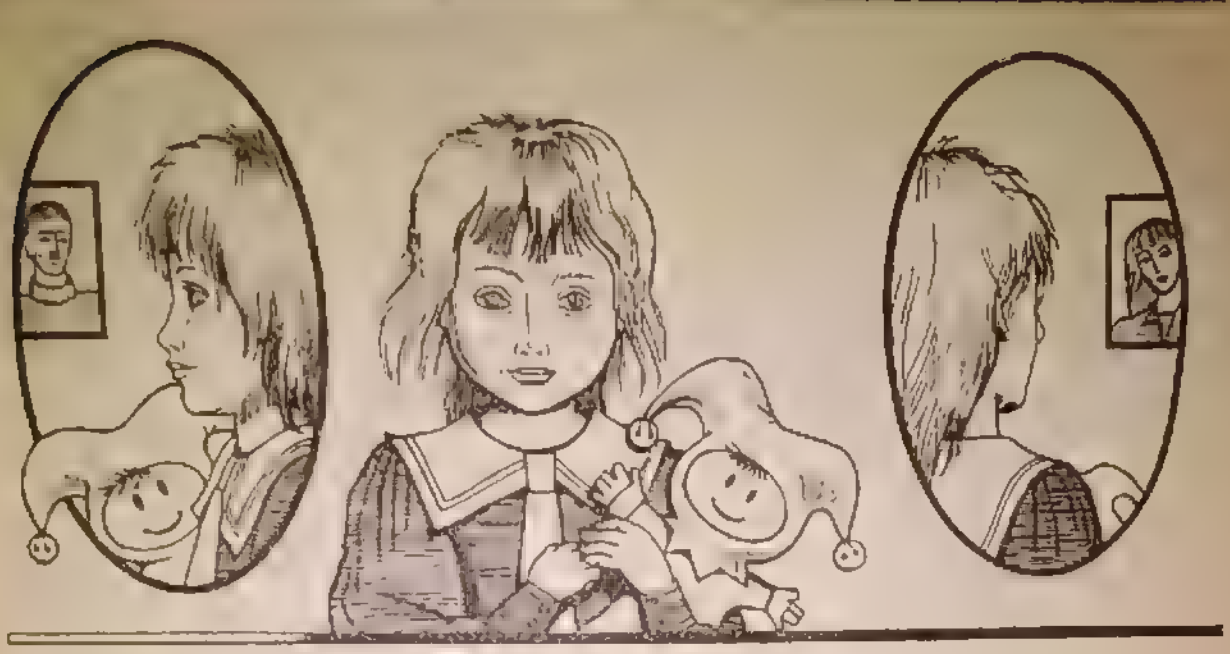
У парня неблагополучно в семье. Отец пьет. Все именно так. Несчастная, угрюмая семья, в которую парень возвращается из школы без радости. И без надежды. И вот – любовь. К однокласснице.

Как мы любим описывать обаяние ранней любви! Какие находим краски! А учительница увидела в этом чувстве десятиклассников нарушение всех правил, оскорбление, нанесенное ее представлениям о добрых нравах. Добро еще учились бы хорошо, а то бывает так, что приходят в класс, не приготовив домашних заданий по ее предмету.

Установив, что у ученика, не блещущего ни успехами, ни отменным поведением, какие то особые отношения с одноклассницей, учительница обретает, как ей кажется, сильное оружие — постоянную издевательскую насмешку над двумя влюбленными. ...Чуть что — реплика: «Лучше бы уроки учили, а не бегали друг за другом». «Тоже мне Ромео и Джульетта!» И так далее. И тому подобное. На каждом уроке. Зло, слепо, бездумно».

Видимо, сказанного достаточно, чтобы сделать правильные выводы.

И даже если вашему ребенку повезло и его с первого класса до окончания школы окружают умные, тактичные, мыслящие педагоги, семейное воспитание ему все равно необходимо. И воспитание не любое, а лишенное хотя бы самых грубых, очевидных ошибок. Как добиться такого? Надо думать. Задумываться. И постоянно помнить, что хочется нам того или нет, но уже самим своим существованием мы являемся для детей главным воспитывающим фактором. Ведь дети смотрят на нас, подражают нам, копируют нас — от этого никуда не уйти. И потому начинать воспитание ребенка приходится с самого себя.



Глава первая

ГЛАВНЫЕ ОШИБКИ ВОСПИТАНИЯ

Бороться с дурным нельзя, если его не называешь, о нем не говоришь. Оно от этого не перестает существовать, оно только укрепляется. Тут особый феномен. Даже только назвав дурное дурным, зло злом, мы вступаем с ним в борьбу.

М. С. Панич

Наверное, никто не станет оспаривать, что если не все, то большинство бед и недостатков в нашей жизни имеют одну причину — нечестность. Начинающаяся в нежном детском возрасте, нечестность сопровождает нас всю жизнь. Нечестность большая и малая, нечестность в большом и малом, в семье и на производстве, в отношениях с друзьями и незнакомыми людьми. Именно из-за нечестности так расцвели приписки и другие негативные явления, затормозившие наше развитие на добрых два десятилетия.

Имею ли я право связывать между собой ошибки воспитания детей с ошибками в государственном развитии? Да, имею, ибо все в жизни взаимосвязано и взаимообусловлено, и наше торопливое: «Если меня, то нет дома», которое мы бросаем иногда, услышав телефонный звонок, через 10—20 лет оборачивается тем, что мы не только

стыдливо закрываем глаза на обман, но и сами уверенной рукой выводим его в отчетах.

Каким образом нечестность взрослых людей влияет на воспитание? Рассмотрим только один аспект, возможно, даже не самый главный.

Психологами установлено, что основной причиной, приводящей к разводу, является нечестность. Не только та, явная, когда муж, бегая глазами, рассказывает жене «сказки» о внезапной командировке или затянувшемся совещании, но и та, глубинная, которая лежит в основе большинства конфликтов. Нечестность, которая позволяет собственную вину взваливать на другого, нечестность, из-за которой интересы семьи, детей оказываются на втором или третьем плане, нечестность, которая мешает признать справедливыми аргументы супруга в споре... Л. Н. Толстой метко заметил: «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по своему»... Поскольку правда одна, семьи, где супруги честны, одинаково счастливы. Ложь многолика — и у каждой несчастной семьи свое лицо.

Утверждение, что именно нечестность — главная причина разводов и неблагополучия в семьях, не противоречит данным социологов, демографов, сексологов. В числе причин разводов они называют измены, сексуальную дисгармонию, пресловутую «не сошлись характером»... Но все эти причины — во многом порождение нечестности.

С конца 70-х годов количество разводов у нас составляет более 900 тыс. в год. А это значит, что не менее 13 млн несовершеннолетних детей воспитывается в неполных семьях. К чему приводит такое воспитание? Воспроизведу с небольшими сокращениями письмо, опубликованное в «Неделе» (1988, № 6).

«Мне 44 года. Только вчера я поняла, что навсегда потеряла самое важное, самое ценное в моей жизни — сына. Суд признал его виновным в воровстве, спекуляции, валютных операциях, продаже наркотиков — так сказать, «современный букет».

Вы спросите меня — а ты, дура, куда смотрела, когда твое чадо черт знает чем занималось? Да никуда! Просто до двадцати лет видела в своем сыне маленького, беззащитного ребенка... ⟨...⟩ Не слышала (и не хотела слышать) предупреждения знакомых, видевших (ведь они не были ослеплены тупой, слепой и потому глубоко бездарной любовью матери-одиночки к своему ребенку), что Андрей ввязывается в грязные, а то и совсем преступные дела... ⟨...⟩

...Все беды от одного — от материнского безотцовского «воспитания»... Нет счастья в неполной семье. Будь бы у Андрея отец... Даже

лучше вот так — Отец, с большой буквы (а не тот, кого я выставила за дверь двадцать лет назад),— может, и не случилось бы со мной и с ним такого позора. Умоляю вас, поверьте — пусть не так плохо, как у меня, но «неполность» семьи отражается на потомстве нашем очень и очень плохо. Могу судить о том, что вижу вокруг себя.

У Насти, моей школьной подруги, дочь выросла без отца. Едва ей исполнилось восемнадцать — выскочила замуж за первого встречного, который обобрал их семью и не стыдился жить на скромные зарплаты Насти и ее дочери. Объяснение — не быть, как ты, нежеватой дурой с ребенком на руках. Хоть какой, а мужчина!.. Ну разве это — хорошо?

Алена, тоже школьная подруга. Имея двух детей, развелась с мужем, который изменял ей направо и налево. На нервной почве с ней случился паралич ног. Старший сын, поступивший с помощью отца в институт, узнав об этом, собрал вещи и переехал к нему: «А что мне с этой больной? Ни денег, ни комфорта — только ухаживать за нею...»

Марина работала со мной пять лет. Тоже в разводе, дочери 15 лет. Недавно к ней участковый приходит: «Проследите за своей дочерью, говорит,— она у вас совсем не тем занимается...» Вот и обнаружила мама, что дочь ее любимая — малолетняя проститутка...

Есть у меня еще разведенные подруги с детьми.

Ни у одной — слышите, ученые, демографы и философы,— ни у одной жизнь не получилась!

Что уж о детях говорить...»

Конечно, утверждения автора письма излишне безапелляционны и, без всякого сомнения, не составляет большого труда и мне, и читателям опровергнуть его абсолютизм. Но отдельные случаи, обнаруженные нами как исключения, только подтвердят правило.

Проблема нечестности в семье не исчерпывается только отношениями между супругами-родителями, хотя это и самое главное. Взрослые бывают нечестны и с детьми. В мелочах, в чем-то очень важном. Почему? Каждая ситуация объясняется по-своему, в каждый момент мотивы могут быть различными, но действие на ребенка они оказывают отрицательное. Правда, в одном случае эффект наступает сразу же, поскольку ребенок улавливает фальшь, в другом может проявиться через месяцы или годы, когда подросшие сын или дочь узнают истину.

Иногда ложь кажется оправданной тем, что ребенок еще мал и не в состоянии понять все так, как следует. Иногда лгут, чтобы скрыть свое настоящее лицо, выглядеть лучше. Иногда лгут по привычке, порой опасаясь, что ребенок может выдать какие-то противозаконные действия. Но всегда лгут из-за нечестности. Хотя не всегда именно нечестностью пытаются оправдать ложь.

Например, отказываясь ответить на вопрос «откуда

берутся дети?» или «зачем нужен папа, чтобы я родилась?», родители ни за что не согласятся, что обманывали из нечестности. Ведь если честно, то они должны были бы признать, что не нашли времени и желания подготовиться к ответам, прочитать соответствующую литературу, посоветоваться со знающими людьми. Да что говорить о сексуальных вопросах (хотя ребенок ничего сексуального и в мыслях не имеет, интерес его к проблеме чисто теоретический), если родители часто не могут ответить ребенку и на более простые.

Почему? Не готовятся.

Ну, если не родители, то хотя бы школа должна быть образцом честности, эталоном правдивости. К сожалению, и это не так. Вот что пишет по этому поводу известный советский драматург В. Розов: «Роль современной школы в нравственном воспитании детей и юношества, увы, явно недостаточна «...» Тревожит укоренившееся в школе стремление хорошо выглядеть, сгладить шероховатости, скрыть все дурное, выпятить благополучное.

Как ни горько это говорить, но нередко сам уклад школьной жизни приучает детей к неискренности, нечестности. И тогда, когда учитель вынужден ставить нерадивому ученику спасительную «тройку» вместо честной и заслуженной «двойки» — якобы ради «чести школы»! И когда на глазах у всех отцовская персональная «Волга» подвозит в школу ленивого отрока и никто не решается сказать «влиятельному» папе все, что положено. И когда объявляются поборы с родителей на подношение учительнице — дорогие французские духи... Заорганизованность, парадность, показуха — вот от чего надо в первую очередь избавляться школе...»

К словам писателя можно добавить небольшой штрих — как готовятся и проводят учителя открытый урок. «Поднимайте руки все, не бойтесь, я вызову только того, кого надо».

В спорте также не все благополучно. Недавно в «Комсомольской правде» один из ведущих футболистов страны, член сборной команды, признался, сколько раз он, будучи мальчишкой, выступал и под чужим именем и по подложным документам за различные команды, к которым не имел ни малейшего отношения.

Трудно ли быть честным? Да, очень. Нелегко устоять перед соблазном приукрасить себя, найти оправдание, признать ошибку. Кстати, как говорит педиатр и педагог

Б. Спок, лучший способ отучить ребенка брать чужие вещи (а все дети на каком то этапе мелкие воришки) — не наказание, а принуждение стать честным, самому вернуть взятую вещь и попросить прощения. Этот поступок настолько мучителен, что запоминается, а потому и предотвращает попытки воровства в будущем, практически на всю жизнь.

Быть честным трудно. Но необходимо. Если, конечно, честно хотеть, чтобы и ваша семья была благополучной и дети выросли счастливыми. И, самое главное — чтобы страна наша, наше общество не остановились вновь в своем развитии, не вернулись в состояние, когда нечестность ценилась больше, чем честность.

Вторая главная ошибка воспитания — невнимание к детям. Казалось бы, о каком невнимании может идти речь, если в семье часто всего один ребенок и с первых дней появления его в доме именно ему отданы все наши мысли и чувства. И однако...

...Двух трехмесячный малыш изнемогает от крика. А мама, поглядывая на часы, не спешит взять его на руки, приложить к груди — доктор или патронажная медсестра сказали, что кормить надо «по часам»... Вот что пишет по этому поводу профессор Г. Дапанлов в книге «Не убить Моцарта»: «Те, кто в качестве цели воспитания видит прежде всего спокойствие родителей, а в качестве его идеала тихого, «дисциплинированного» младенца, младенца, соблюдающего «режим», младенца, растить которого — одно удовольствие, предлагают свою схему: кормление в строго определенные часы, строго определенное количество пищи, игра в строго определенные часы, купание в строго определенный час. Другими словами, создается расписание, которое при пунктуальном его соблюдении должно дать хорошие результаты».

Но ребенок не автомат. Ведь даже взрослому человеку порой трудно выполнить такое строгое расписание. Когда-то нет аппетита, когда-то — настроения... И поэтому, если видеть в ребенке человека и относиться к нему с вниманием, гораздо правильнее позволить ему большую свободу выбора.

«Ребенок должен есть тогда, когда он голоден, столько, сколько ему хочется», — утверждает Дапанлов, и с этим трудно не согласиться. Правда, в таком случае он будет менее дисциплинирован, но это уже наши, взрослых людей, заботы. Дапанлов пишет: «Беспорядка, кото-

рого можно ожидать при таком отношении к ребенку. не следует бояться. Младенец сам и довольно скоро отре гулирует свой режим питания и сна и будет жить в атмо сфере эмоциональной удовлетворенности, чрезвычайно важной для его физического и душевного здоровья».

Плачущий ребенок, а для него это единственный спо соб сообщить о каком-либо неблагополучии (пусть это будут мокрые пеленки, чувство голода, боль в ушке или что иное), вправе рассчитывать, что на его призыв кто-то отзовется. Он еще не умеет выражать свои чувства сло вами, но это не значит, что у него нет чувств. И если вреда от крика не будет, то ощущение одиночества, соб ственной ненужности, более того, неуверенность в себе возникают в таких ситуациях даже у грудничков.

Всегда трудно разделить, особенно в раннем возрасте, взращивание ребенка и его воспитание. Собственно, луч ше всего, если эти компоненты по определенного време ни и не разделяются вовсе, а проникают друг в друга. Но так бывает, к сожалению, не всегда. Например, в случае заболевания приходится давать ребенку невкусные лекар ства, делать уколы, ставить банки. Эти процедуры не только не имеют никакой воспитательной цели, но, на оборот, подрывают веру ребенка в родителей и прежде всего — в мать.

Для ребенка мать - самый близкий и родной человек. И вдруг она, которой природой положено быть защитни ком, спасителем от всего нехорошего, опасного, делает младенцу больно. Не отсюда ли сложнейшие конфликты чувств именно по отношению к матери? Специалисты, изучающие детский фольклор, отмечают, что в своих рассказах-сказках дети чаще наделяют отрицательными чертами мать, нежели бабушку, других родственников, отца.

Конечно, из этого не следует, что надо отказываться от уколов и банок. Но здесь важно, как сама мать от носится к тому, что ребенку приходится сделать больно. Если и не в любом возрасте, и не сразу, но дети, видя, что мать переживает вместе с ними, не затаивают обиду, понимая вынужденность этой меры. Кстати, поймут и правильно оценят и другое...

...У маленького Вадимки была пневмония. И надо было делать уколы. Четыре раза в день. И каждый раз, рассказывала медсестра, мама садилась на диван, укладывала плачущего сына на колени и дер

лала, пока продолжалась процедура, а папа садился рядом с диваном на пол и говорил сыну:

— Теперь ты видишь, Вадимка, кто твой настоящий друг!..

Малышу было около 8 лет, когда он в ответ на какое-то замечание отца бросил очень «взрослую», выстраданную фразу:

— Тебе же это все безразлично. Ты никогда не любил меня...

Наверное, были ситуации, обстоятельства, которые сформировали у ребенка такое убеждение. Но не прошло бесследно и лечение пневмонии в полуторагодовалом возрасте.

Однако не всегда такие обстоятельства заставляют разрывать взращивание и воспитание. Вот такой случай описывает Панич.

«...Малыш, должно быть, плохо поужинал, возможно даже так, что капризничал и, как это говорится, сам виноват. Но факт остается фактом, так было — проснулся часов в двенадцать, через пару часов после того как его уложили спать, и попросил хлеба. Только хлеба. Хочет есть. Родители в это время еще не спали. И не так уж трудно было выполнить просьбу Малыша. Или поговорить с ним, что надо перетерпеть, — и такое возможно. Что же это такое, в самом деле, проснуться среди ночи и просить есть? И хотя я знаю взрослых людей, которые способны ночью встать за ломтем хлеба, за глотком чая, причем никому не придет в голову их осудить, может быть только посмеются такой причуде, - от Малыша этого не стерпели. Ведь его надо воспитывать. Что же это такое, еще привыкнет. И потакать капризам! Хлеба ему не дали. Накричали. Он не унимался. Стал хныкать. Тогда его побили, а как же иначе? ⟨...⟩ Побили так, что Малыш зашелся в плаче. Уснул в слезах. Не понимая своей вины. Измученный и тем, что голоден, и тем, что провинился, и тем, что больно наказан, тем, что все не так в этой жизни. Так и уснул. Родители одержали победу. Победу ли?

Кто помнит об этих криках, о наказаниях, о слезах, о беспомощности?

Потрясающе одиноким может быть ребенок!

И именно потому, что взрослый, от которого этот ребенок зависит, высокомерен, глубоко убежден в своей правоте и в своем праве».

Или такой пример.

...Междугородный переговорный пункт. В зале человек пятнадцать. Рядом с одной из кабин горько плачет малыш. С ним приключилась не столь уж большая беда. Но никто не в состоянии ему помочь, кроме матери, а она в кабине разговаривает о чем-то для нее существенном с человеком, который ей нужен. И она нисколько не торопится закончить разговор, слыша плач сынишки.

А малыш плачет. Ему неловко. Стыдно. Своим плачем он взывает к матери: выйди, помоги, спаси! А мать в кабине заливается смехом, играет голосом. Она тянет и тянет разговор, который несомненно доставляет ей удовольствие. Она слышит плач, и словно не слышит. Ей не до него.

〈...〉

И вот, наконец, открывается дверь кабины, мать выходит. Молодая, красивая, еще вся в возбуждении от разговора. Она хватает за руку малыша, пренебрежительным рывком тянет его за собой.

— Эх ты, грязнуля,— говорит она громко, всем слышно,— опять намочил. Пошли уж, пошли...

Еще одна главная ошибка — непонимание ребенка. Откуда оно берется? Вероятно, от того, что родители не хотят вглядеться в духовный мир своих детей, от занятости, от представления, что у детей еще не может и не должно быть своего мира. Как бы то ни было, а мы детей часто не понимаем и, к сожалению, еще чаще не хотим понять.

Г. Данилов в своей книге рассказывает о типичной ситуации непонимания.

...Мальчик разбил дорогую хрустальную вазу и был жестоко за это наказан. Но он не знал, в чем его вина. «Оседлав палочку, он мчался на мотоцикле, палочка задела вазу, она упала на пол. Виноваты, во-первых, мотоцикл или лошадь — лошадь глупая и не свернула во время, а во-вторых... Во-вторых, выражение: «Ты знаешь, сколько стоит эта ваза?» — ничего не значит. Ребенок этого не знает и знать не хочет...»

Взрослые нередко переносят свои знания и возможности на ребенка, хотя этого делать нельзя потому, что мы живем с детьми в разных временны́х измерениях. Для ребенка сегодня разбитая ваза завтра уже забыта — у него столько событий (и все очень важные) происходит за сутки, что сутки вполне можно приравнять к нашему году. И если ребенка наказывают не сразу же после совершенного проступка (даже именно проступка), а спустя день или два, он уже не связывает наказание с причиной.

Неумение или нежелание вникнуть в мир ребенка, понять его приводит к серьезным конфликтам гораздо чаще, чем нам это кажется. Вот малыш, высунув от усердия язык, готовит мамочке подарок — рисует картину. Он уже представляет, он уже предвкушает, как мамочка обрадуется, как похвалит его, он весь в счастливом нетерпении. Но... заходит мамочка и, не видя сияющих глаз ребенка, листка с рисунком, вдруг начинает ругать его (а то и отшлепает) за то, что на рубашке и штанишках, сегодня только одетых, разводы от краски, какие-то кляксы.

Что произошло? А произошла трагедия. Мимоходом

без объяснения причины (или даже с объяснением, но не воспринимаемым ребенком) его радость, счастье общения были растоптаны самым дорогим ему человеком.

М. Панич с горечью пишет: «Можно вчитываться в страницы педагогического учебника, в свод педагогических истин, и не найти времени взглянуть в глаза ребенка, вглядеться в его характер, в его особое движение по жизни. Не просто «вглядеться, а с интересом, с желанием понять».

Особенно пагубно для воспитания наше нежелание отвечать детям на «сто тысяч почему». Да, конечно, многие детские вопросы ставят нас в тупик — мы совсем по-иному воспринимаем мир, взаимоотношения явлений в в нем, у нас более логичное мышление. С другой стороны, есть и такие понятия, которые мы принимаем, не пытаясь реально вообразить, как это могло бы выглядеть.

— А что такое электроток?

— А что такое сумерки?

Попробуй, найди нужные слова, объясни ребенку. Но надо объяснять. Необходимо и самому задумываться над привычным, рассуждать о нем вместе с ребенком.

Однако чаще мы не отвечаем на детские «почему» вовсе не из-за незнания. Известный польский педагог Я. Корчак в книге «Когда я снова стану маленьким» приводит такой пример.

«Мальчик спрашивает у мамы:

— Мама, красную ленточку кому лучше — собаке или кошке?

А мама сказала:

— Опять штаны порвал.

Мальчик обращается с вопросом к отцу:

— У каждого старичка, когда он сидит, обязательно должна быть скамеечка под ногами?

Папа сказал:

— У каждого ученика должны быть хорошие отметки, и он не должен стоять в углу.

Вывод, который сделал из этого разговора со взрослыми мальчик:

— Ну, я и перестал спрашивать».

Наверное, нет ничего более опасного в жизни ребенка (если, естественно, речь идет не о болезнях), чем отучить его спрашивать. Через вопросы ребенок познает мир, взаимоотношения людей и вещей в нем. Вопросы учат его мыслить, думать, сопоставлять, анализировать.

Власть взрослых позволяет нам, когда мы этого хотим, не слышать вопросов, мало того — иногда не просто отказаться от ответа, но еще и наказать ребенка. Осо-

бенно, если испорчено настроение или нездоровится. Но при чем здесь ребенок? Он же в этом не виноват.

Родителей часто пугают вопросы детей на сексуальную тему. Если эти вопросы задаются в неподходящей (с точки зрения родителей) обстановке, например в гостях или в общественном транспорте, то они не только заставляют родителей краснеть, но и вызывают немедленную реакцию в виде подзатыльника, шлепка, резкого замечания. Ребенок не понимает, чем обусловлена такая реакция, но он запоминает — оказывается, есть вещи, о которых вслух говорить не принято. И после двух-трех попыток больше разговора на эту тему не заводит. А правду теперь узнает от кого-нибудь постороннего. Но сведения эти чаще всего будут неполными, искаженными.

Хорошо известно — от настроения родителей (да и вообще взрослых, общающихся с детьми) зависит многое. О том, какими мы бываем, когда настроение хорошее, говорить не будем, хотя и при этом ведем себя не всегда правильно. Но вот когда мы раздражены...

С. Соловейчик, педагог и публицист, рассказывает о своем товарище:

«...Это умный, образованный и хорошо воспитанный человек. Он работает в конструкторском бюро, где книги о семейных делах передают из рук в руки и зачитывают до дыр — чтобы быть «на уровне». Мой товарищ тоже читает эти книги, когда доходит его очередь, и всегда говорит: «Вот правильно, и я так же думаю». Но, рассказывает он, по утрам приходится собирать пятилетнего сына в детский сад, а тот все делает, конечно же, медленно, отвлекается. И умный мой товарищ... Думаете, он кричит на ребенка? Нет, он не способен кричать. Сердится? Нет, он не способен и сердиться на сына.

Он раздражается.

В его голосе появляются торопливые интонации, он в эти минуты меньше любит своего ребенка, чуть резче обычного берет мальчика за руку. Раздражение почти незаметно, но оно отравляет утро, и отец, отведя ребенка в детский сад, уходит на работу с чувством вины. Контакт с сыном нарушен».

В Энциклопедическом словаре медицинских терминов в том смысле, который нам нужен для этой главы, есть слово «раздражительность» — это склонность несоразмерно реагировать на обыденные раздражители, выражая в словах и поступках недовольство и неприязнь к окружающим.

В принципе нас устраивает такое определение, хотя в психологии этим словом обозначается несколько другое понятие. Так, по мнению Соловейчика, раздражение

неспецифическая реакция организма на помехи и неудобства. Если человек опаздывает на работу, он должен быстрее двигаться или сократить часть обычных действий — вот, пожалуй, точная специфическая реакция на угрозу опоздания. Но вместо этого человек просто приходит в дурное настроение, все вымещает его недовольство, он готов взорваться из-за любого пустяка. Подумаем: плохо что-то одно, а ему кажется, будто все плохо, будто и вся жизнь сложилась неудачно. Так недовольство раздраженного человека обращено не на причину неприятности, а на весь окружающий мир».

Соловейчик исследует проблему академически и сравнивает раздражение со стрессом. Но если стресс, тоже неспецифическая реакция организма, возникает в ответ на сильные ситуации, неподвластные нам, при контакте с сильным человеком (вообще-то это спорное утверждение, но в данном контексте с ним можно согласиться), то раздражение появляется как защитная реакция против слабого или в крайнем случае равного. «Сравните, – продолжает он, – что делает человек, если на лесной тропе он встречается с тигром? Застывает в испуге или бросается бежать с невероятной скоростью. Но, согласитесь, невозможно представить себе человека, который, заметив тигра, впал бы в... раздраженное состояние...»

Да, дикие тигры нас не раздражают, но вот назойливая муха или собственный ребенок может вызвать раздражение на весь мир.

Каждый ли из нас способен раздражаться? Если не каждый, то абсолютное большинство. И это плохо. Потому (это выходит за рамки общения с детьми, но согласитесь, раздраженный человек неприятен в любом обществе) что раздражение обедняет все другие, но прежде всего — положительные эмоции. Помните, умный и начитанный папа признается, что в минуты раздражения он любит сына немного меньше. И на радость сына не откликается радостью, и на очередное «почему» или не отвечает вовсе, или отвечает так, что спрашивать ребенку больше не захочется.

Часто ли дети раздражают нас? К сожалению, да. Как правило, они не соответствуют нашим представлениям о замечательном ребенке, который по заслугам должен быть послан такому прекрасному человеку, как я, — иронизирует Соловейчик. Ходит грязный, не умеет вести себя за столом, бездельничает, плохо учится!.. Ленивый,

медлительный, неаккуратный, глаза бы на него не смо-
реи!

Раздражают нас дети и тем, что мешают. Отец устал, а сын шумит. По телевизору показывают футбол, а у него сломалась машина. Ему говорят, а он не слушает. И не то раздражает, что ребенок поздно приходит с улицы и мать волнуется, а то, что ему его раз говорили, а он не послушался, следовательно, отцовское (материнское, дедушкино) слово для него ничего не значит?

В своем раздражении мы всегда несправедливы. Мы не можем стать на место ребенка, понять, почему он не выполняет наши просьбы и приказания. Не можем? Или просто не хотим? Вот в чем все дело — именно не хотим. А не хотим прежде всего потому, что не считаем ребенка личностью, имеющей право на собственные интересы, собственное мнение, наконец, собственную жизнь.

Конечно, эти слова легко произносить, но гораздо труднее признать ребенка личностью на практике. Так, может быть, нам вообще не под силу бороться с раздражением, мы не способны исправиться? Нет, способны. Ведь никто из нас не раздражается сам на себя, хотя на себя можно и обижаться, и злиться. Следовательно, раздражение можно обуздать. А отказ от борьбы с ним проистекает от нашей распущенности, привычки к несправедливости.

Некоторые психологи советуют - чтобы сдержать раздражение, надо сосчитать до десяти или, если позволяет время, до ста. Увы, утверждает Соловейчик, все намного сложнее. Ведь раздражение — первый признак уходящей, погибающей любви. Пока человек любит, его ничто не раздражает в любимом. И если присмотреться внимательнее, то окажется, что вы раздражаетесь все сильнее по мере того, как перестаете любить ребенка. Но спросите у себя (лучше вслух) — на самом ли деле вы его уже меньше любите? И по тому, насколько дико прозвучит этот вопрос (а вдруг не дико — тогда страшно!), вы сможете оценить истинное положение дела.

В заключение целесообразно дать формулу успешного воспитания, которую рекомендуют специалисты. Она коротка, как афоризм: строгость плюс похвала минус раздражение.

Глава вторая

УЧИТЕ ДЕТЕЙ РИСОВАТЬ, ТВОРИТЬ...

Нация, в которой учили бы рисовать так же, как учат читать и писать, превзошла бы вскоре все другие во всех науках, искусствах и мастерствах.

Д. Дидро

Оставим на совести великого французского просветителя максимализм утверждения, приведенного в эпиграфе.

Сегодня уже хорошо известно, что два полушария головного мозга выполняют не совсем одинаковые функции в организме и не могут полностью заменить друг друга, как, например, другие парные органы — почки или легкие. В экспериментах с временным отключением того или иного полушария (а чаще у людей с поражением одного из полушарий мозга) установлено — левое полушарие отвечает за логическую мыслительную деятельность, обеспечивает конкретность представлений, правое — за художественно-образное мышление и эмоциональную окрашенность жизни. Для полноценного, гармоничного развития нужны и важны обе функции.

В эволюции человечества роль полушарий головного мозга на разных этапах была неодинакова. По мнению специалистов, художественно-образное мышление первично, оно возникло раньше логического и много лет назад было ведущим в психической деятельности человека. А поскольку каждый человек в своем развитии

в какой-то степени повторяет основные этапы развития всего человечества, можно утверждать, что все психически здоровые дети — художники.

Результаты их творчества мы, взрослые, часто не понимаем. Но в главном они художники — они творят. Свободное творчество среди взрослых — редкое исключение. Но оно свойственно практически каждому нормальному ребенку.

Детям незнакомы пропорции между различными частями, например, тела (при этом надо учитывать, что и на мир они смотрят не с нашего уровня. Попробуйте, встав на четвереньки, т. е. опустившись до уровня глаз сына или дочери, увидеть хотя бы мебель в своей квартире. И вы поймете, откуда такие пропорции). У них легко рассеивается внимание, и они не могут выполнить весь рисунок одинаково аккуратно. Дети мыслят абстрактно, им неизвестны законы перспективы...

И вообще дети многого [illegible]. Они не знают, что нельзя разрисовывать обои [illegible] в тесничной клетке и чужие двери. И если все-таки [illegible] то делают, то вовсе не из хулиганских побуждений. Разве могут быть хулиганами дошкольники?! А, пожалуй, это мы, взрослые, не снабдили их бумагой, карандашами, красками...

Дети многого не умеют. Заточить карандаш, развести краску, промокнуть кляксу... А кто же, как не мы, взрослые? Ведь это наша обязанность — и научить, и помочь. И отговорки типа: «Я сам рисовать (лепить) не умею» скрывают нашу лень, невнимание, нежелание. Много ли надо уметь (вот знать действительно надо много), чтобы заняться с ребенком рисованием?

Вот как формулируют роль взрослых в овладении изобразительным искусством детей младшего школьного возраста авторы пособия «Основы эстетического воспитания» под редакцией Н. А. Купаева (1986): «Основной задачей занятий изобразительным искусством... является обогащение и уточнение детских представлений о предметах и явлениях природы, об окружающей действительности, о жизни людей, о родной стране. Занятия искусством в этом возрасте имеют ярко выраженный познавательный характер. Главное здесь — накопление и художественное обобщение фактов, познание в образной форме закономерностей окружающего».

По мнению специалистов, уметь самому рисовать, лепить, вышивать и т. д.— не обязательно. А может, даже

и лучше, если взрослый не умеет — критиковать меньше будет. А что же обязательно? Разные авторы по-разному отвечают на этот вопрос, но суть ответа такова — необходимо внимательное и уважительное отношение к ребенку, его занятию.

Остановиться, вемогреться, похвалить, обратить внимание на упущенную деталь, обсудить замысел (да, да, замысел рисунка — только пчелы строят соты инстинктивно, дети же, даже самые маленькие, рисуют не бездумно) — это уже очень много. А если еще во время прогулки или по пути в детский сад задержаться на минутку у красивого дерева, увидеть под ногами цветок или жучка, полюбоваться паутиной с капельками росы на ней...

Чувство красоты живет в каждом человеке — хоть и говорят, что о вкусах не спорят, однако абсолютное большинство людей оценивает красивое однозначно. Следовательно, в данном случае речь идет только о том, чтобы заставить себя отвлечься от собственных мыслей и пообщаться с ребенком.

Бесспорно, самый неиссякаемый источник прекрасных впечатлений — живая природа. К. Д. Ушинский называл природу лучшим наставником прекрасного. Но он же и предупреждал — нельзя думать, что если детей окружает природа, то этого уже достаточно, чтобы они ее полюбили и проникли в ее красоты. И примеров правильности этих мыслей Ушинского можно привести множество. Активный популяризатор природы журналист В. М. Песков и в «Комсомольской правде», и в передачах по телевидению не единожды с болью и горечью рассказывал о дичайших случаях издевательства над живыми существами (лошадьми, кошками, птицами), совершаемыми сельскими ребятами. Теми, кто живет в деревне, кто гораздо больше и ближе, нежели городские дети, видит природу.

Чтобы природа стала наставником, надо много потрудиться и нам, родителям. Потрудиться — не в смысле прочитать нотацию или отодрать за уши, поймав на месте «преступления» — у развороченного муравейника или задушенного кота. Потрудиться — пробуждая любовь к природе, показывая ее красоту, рассказывая о ее беззащитности перед вооруженным техникой человеком.

Совершаем мы ошибку и тогда, когда позволяем себе пренебрежительно отзываться о таких школьных пред-

метах! как рисование, пение. Математика, родная речь — это серьезно, а всякая там «эстетика»... Дети прекрасно улавливают нашу иронию, наше отношение к этим предметам и не только не стараются подтянуться по ним, но подчас и бравируют плохими оценками: «Папа сказал, что главное — математика, у него и самого по рисованию (пению) одни двойки были, а сейчас кандидат математических наук»...

Для эстетического воспитания детей важное значение имеет посещение музеев, выставок, художественных салонов. Как правило, произведения искусства оказывают сильное впечатление на детей уже старшего дошкольного возраста. Но надо учитывать и возможности ребенка. Ему трудно быть внимательным (и послушным, и заинтересованным) свыше 25—35 минут. Его психика просто не выдерживает большей нагрузки. Поэтому приобщать ребенка к искусству следует именно такими дробными порциями. Неудобно? Конечно. Потратил час ехать до музея (хорошо, если еще нет очереди в него), чтобы через 30 минут уже закончить осмотр. Но другого выхода нет, вернее их несколько: отказаться от посещения музеев вообще; не обращать внимания на капризы ребенка и пробыть там столько, сколько хочется самим... Однако для ребенка это не выход.

Некоторые родители собирают репродукции, открытки, покупают альбомы музеев и отдельных художников. Думается, делают они хорошее дело, если только не забывают время от времени знакомить с этими репродукциями и альбомами детей. Но опять-таки, очень малыми дозами.

Развитию эстетического вкуса детей способствует и мебель и вообще вся обстановка в доме. Но влияние это не однозначно. Когда-то, в начале своего профессионального пути, я два года работал врачом детской неотложной помощи. Трудно сказать, сколько за это время я сделал визитов, в скольких квартирах побывал. Самый приблизительный подсчет — 15 дежурств в месяц, не менее 15 визитов за дежурство — показывает, что было таких квартир более 2000. И вот что запомнилось, хотя прошло с тех пор чуть не четверть века,— в домах, где полированная, дорогая мебель, очень многие дети (дошкольники и младшие школьники) имеют расстройства нервной системы. Потому что от их ладошек, испачканных кашей или пластилином, на полированной поверхности

оставляются грязные следы, самолетики или машинки имеют обыкновение царапать мебель, от каких-то других игрушек получаются вмятины и сколы.

Уже много лет среди педиатров бытует печальная шутка: сначала все родители ждут не дождутся, когда же ребенок начнет ходить и говорить, а потом только и требуют — да посиди ты, да помолчи ты. Особенно же настойчивы эти требования в случаях, если родители, прежде чем подрастет ребенок, успели обзавестись дорогой мебелью. Тогда и она, и уникальные вазы, и сверхмодные шторы из средства эстетического воспитания превращаются в свою противоположность. Ребенок начинает ненавидеть сначала какую-то конкретную красоту, а затем и красоту вообще. А некоторые, как в известной пьесе В. Розова, восстав против тирании вещей, пытаются эту красоту изувечить саблей.

Все ошибки в эстетическом воспитании детей обсудить трудно. Но еще об одной сказать надо — об излишнем внимании, чрезмерном преувеличении способностей, так сказать, о «вундеркиндизации» ребенка.

Совершенно естественно стремление родителей к тому, чтобы их дети проявили себя в жизни более ярко, более творчески, чем это удалось им самим. Шкала оценок у каждого человека своя — но не это главное. Просто каждый хочет надеяться, что его ребенок хоть чуть-чуть, но лучше других. Лучше декламирует, лучше рисует, поет, у него музыкальный слух, способности к математике... Г. Данилов пишет: «Настоящих вундеркиндов всегда меньше, чем тех, кого таковыми провозгласили. В подобный ранг возводят детей наше умильное воображение, не слишком зоркая родительская любовь и честолюбие, а также лишенные психологического чутья учителя».

И добавляет: «Трагедия получается, когда ребенок проявляет некоторые способности, которые могут легко сойти за талант в глазах тех, кто его любит. Ни раннее сочинение стихов, ни пристрастие к какому-либо музыкальному инструменту, ни серия рисунков, над которой ребенок сидит, не отрываясь, несколько часов, не являются верным залогом будущего развития. Часто они лишь плод усердного подражания, а в этой области ребенок — непревзойденный мастер. В таких случаях недоверие более мудро, чем преклонение».

В оценке способностей, как и во всем в жизни, нужна мера, надо научиться отыскивать золотую середину. Мож

но ли «просмотреть» истинный талант? Можно, и примеров тому много. Но означает ли это, что наш просмотр погубит талант? Столь же категорично можно сказать — нет. Рано или поздно, но чаще всего талант проявится. Данилов приводит по этому поводу весьма впечатляющие примеры — у композитора Ф. Шуберта никогда не было собственного рояля, знаменитый физик А. Эйнштейн учился весьма посредственно, а В. Оствальда, лауреата Нобелевской премии, едва не отчислили из университета за неуспеваемость. В заключение Данилов утверждает (и с ним нельзя не согласиться): «Каждый акт творчества у ребенка заслуживает поощрения, но преувеличение его ценности ведет к плачевным результатам. Создавать у детей излишнюю уверенность в себе вредно так же, как лишать их всякой уверенности».

Правда, и здесь далеко не все однозначно. Еще много лет назад американский психолог А. Розенталь проводил свои эксперименты, получившие сегодня широкую известность. В США, Англии, других странах Западной Европы весьма популярен показатель умственного развития, уровня имеющихся знаний и осведомленности, так называемый коэффициент интеллектуальности (КИ). Он определяется путем тестирования детей, подростков, взрослых... В одних случаях КИ (он выражается какой-то конкретной цифрой, полученной суммированием отметок за выполнение отдельных упражнений) служит пропуском для поступления в вуз и напоминает наш «проходной балл», в других — основанием для принятия на работу и выполняет функцию нашего конкурса.

Есть четыре базовых уровня оценки КИ, внутри которых их можно делить на более мелкие. Так, все дети, набравшие свыше 70 баллов, включаются в нормальный базовый уровень, но высшее образование, по мнению большинства педагогов, доступно лишь тем, у кого КИ составляет 110—115 баллов. Таким образом, «нормальных» детей подразделяют еще на несколько групп с шагом примерно в 15 баллов.

Розенталь, определявший КИ у школьников, предположил, что оценка тестов часто бывает необъективна, не всегда достоверно отражает истинный уровень интеллектуальности как потенциальной возможности ребенка, а в значительной степени зависит от научения, тренировки, уверенности в своих силах. И решил это доказать. Эксперимент состоял в том, что ученый представил уча-

телям фальсифицированные результаты. Правда, он никому не занижал сумму баллов, справедливо рассудив, что это может повредить детям, но многим существенно завышал (в этом и заключалась фальсификация). Запечатав конверты с истинными показателями для объективной проверки через год, он вручил учителям фальшивые...

Через год КИ был определен вновь. Как и ожидал ученый (но вывод этот был неочевидным, в противном случае не надо было бы экспериментировать), дети, которые на самом деле имели КИ 70—85, но получили завышенную до 110—115 баллов оценку, действительно почти все ее оправдали. Иначе говоря, если в целом в классе за год КИ у ученика вырос в среднем на несколько единиц (так и должно быть в норме), то для некоторых менее способных детей, но получивших статус одаренных, рывок оказался впечатляющим — на десятки баллов.

Чем это объяснить? По мнению ученого, важно не только истинное положение дел, но и общественное мнение, репутация. Учителя, считавшие, согласно КИ, детей способными, не раздражались, если они не понимали материала, и пытались им еще раз объяснить его. Короче говоря, вину за плохое усвоение программы учителя брали на себя и это заставляло их лучше готовиться к урокам, тщательно продумывать методику преподавания, больше внимания уделять наглядным пособиям.

У нас определять КИ не принято. Я не знаю, насколько это обоснованно, однако, думаю, что результаты проведенного Розенталем эксперимента интересны и могут использоваться в нашей практике. Но рассказывал я о них совсем с другой целью: пусть мы не занимаемся тестированием, пусть не способны определить КИ своего ребенка, но относиться к нему с уважением, верой в его разум и даже одаренность должны. Не для того, чтобы превозносить таланты, а для того, чтобы не раздражаться при объяснениях каких-то сложных вещей, чтобы не отмахнуться: «мал, мол, еще», когда нам лень или не хочется оторваться от телевизора.

Конечно, не всякий исходный уровень позволяет достичь больших успехов. По данным английского психолога М. Раттера, цифры 70, 50 и 35 (границы еще трех базовых уровней КИ), хотя и не имеют магического значения, но все-таки свидетельствуют об отставании в умственном развитии. Другой разговор, добавляет Раттер, что отставание редко обусловлено генетическими факторами,

а в большинстве случаев — недостаточностью интеллектуальных стимулов и интересов.

У проблемы «вундеркиндизма» есть еще одна грань: искусственное повышение интеллекта, которое может начинаться еще внутриутробно и продолжаться с первых часов после рождения. Подобные утверждения в нашей и зарубежной печати появились в связи с публикацией в американском журнале «Сайенс» статьи о результатах продолжительных исследований, проведенных группой психологов из университета штата Северная Каролина под руководством доктора А. Дж. де Каспера. Первоначально этот ученый высказал гипотезу о том, что новорожденные выделяют ряд знакомых им по «прошлому» звуков, а затем подтвердил это экспериментально.

Специалисты воспользовались хитроумным приспособлением — соской-пустышкой, в которую вмонтирован датчик, улавливающий и передающий на записывающее устройство ритм сосательных движений. Ребенку предлагали слушать через наушники различные женские голоса, среди которых был и голос его матери. И одновременно записывали ритм сосания. Оказалось, когда звучит родной голос, ритм сосания значительно отличается от того, который сопровождает звучание иных голосов.

Но самый поразительный результат был получен в следующем эксперименте. Шестнадцати женщинам было дано задание последние шесть с половиной недель беременности два раза в день читать вслух детскую книжку в стихах о проказнике-коте. К моменту родов у каждой из женщин ушло на это около пяти часов. А вскоре после родов младенцам дали возможность выбрать из двух записей голос матери — в одной звучала та же сказка о коте, в другой — отличающаяся стихотворным размером сказка о короле. Ритмом сосания все младенцы дружно «проголосовали» за знакомца кота.

«Этот результат,— подчеркнул руководитель группы,— позволяет утверждать: опыт, приобретенный детьми еще до рождения, несомненно, сказывается на их пристрастиях к тем или иным звукам в дальнейшем».

Какое отношение имеет данное исследование к проблеме вундеркиндов? А вот какое. Представляется возможным закладывать какие-то сведения, какую-то полезную информацию в мозг ребенка еще до его рождения. Эта информация, даже не будучи понятой, создаст в мозгу определенные реакции, оставит более или менее замет-

ные «следы». И в последующем новая информация окажется для мозга не совсем новой — она будет легче усваиваться, дольше храниться.

Мы не будем рассматривать механизмы и материальную субстанцию памяти. Скажем лишь вот о чем. Сбором, обработкой и хранением информации занимается головной мозг. У него, конечно, много и других функций — он должен оперативно реагировать на изменения внешней среды, функционирование внутренних органов, мгновенно оценивать и принимать меры, если те или иные характеристики резко отличаются от нормальных. Мозг должен осуществлять и тактические и стратегические мероприятия, обеспечивающие пусть не процветание, но по крайней мере благополучие человека. Обязательная составляющая всех этих функций — память, поскольку часто для оценки ситуации и принятия правильного решения необходимо сравнение с уже известным, проверенным и переданным в виде опыта.

Обязанности, как видим, у мозга большие. Но и возможности соответствующие. Мозг содержит примерно 14 млрд нейронов и около 70 млрд глиоцитов (клеток глии). Как известно, нервные клетки не восстанавливаются, не размножаются. С течением времени общий объем мозга за счет роста клеток увеличивается, но количество нейронов и глиоцитов уменьшается, особенно если человек не бережет их.

Между собой нервные клетки «общаются» с помощью электрохимических реакций, в результате которых из имеющихся «полуфабрикатов» — химических веществ — образуются новые, более сложные. Их называют пептидами. Они имеют белковую формулу и откладываются в определенных местах центральной нервной системы как будущие материальные субстанции памяти. По данным американских ученых, пептиды могут образовываться и накапливаться уже у плода последних недель беременности, а после рождения облегчать усвоение информации, способствовать более быстрому ее использованию. Отсюда открывается путь к значительно более раннему обучению ребенка. Если, допустим, будущая мама станет читать вслух не сказку о проказнике-коте, а английские слова с переводом, ребенок уже в самом нежном возрасте (естественно, если занятия продолжить после его появления на свет) сможет овладеть английским языком.

Представляют ли подобные занятия какую-либо опас-

ность для новорожденного? А когда он вырастет? По-ви
димому, нет. Ведь ребенок, если только гипотеза де Кас
пера верна, начинает слышать уже с шестимесячного
срока беременности, т. е. он все равно воспринимает и
нашу речь, и музыку, и удары грома, и уличный шум.
Следовательно, если вместо случайных звуков (вернее, не
вместо, а параллельно) он станет слышать и какие-то
целенаправленные, никаких патологических изменений
не произойдет.

Физиологи, изучающие внутриутробное развитие ре
бенка (в это время его правильнее называть плодом),
установили, что он не спит постоянно, а периодически
бодрствует, причем бывают моменты, когда уровень бодр
ствования значительно повышается. Женщины ощущают
эти моменты отчетливо, поскольку они сопровождаются
порой и резкими движениями. Вот эти моменты наиболее
благоприятны для раннего «обучения».

Какова эффективность таких занятий? По данным
американских ученых, а также исследований, проведен
ных в институте эволюционной физиологии и биохимии
им. И. М. Сеченова АН СССР на 700 будущих матерях
(об этих экспериментах сообщила газета «Труд» от
14.06.1987 г.),— результат просто поразительный. Дети,
прошедшие во внутриутробном состоянии курс специаль
ного обучения, уже в три-четыре месяца начинали произ
носить первые слова, в семь — ходить (хотя связь тут
непонятная), примерно в год — выговаривать многие труд
ные слова. Этому исследованию не исполнилось еще
столько лет, чтобы можно было судить – стали ли дети
вундеркиндами, но, бесспорно, обычные способности у них
проявляются раньше, чем у остальных младенцев.

Таким образом, обучение плода может принести опре
деленную пользу, но уж ни в коем случае не окажется
опасным для психического развития будущего ребенка
и взрослого. И не погоней за сенсацией, а объективной
оценкой ситуации можно объяснить такое начало упомя
нутой выше статьи в «Труде»: «Любой младенец через
2—3 года жизни может быть отнесен к числу «вундер
киндов», если его родители смогут правильно и своевре
менно «включить» аппарат наследственного развития, за
ложенный природой в каждом человеке...»

Теперь несколько слов о возможности «вундеркинди
зации» уже родившихся детей. Специалисты утверждают,
что новорожденный знает и умеет многое. Он слышит

и видит (правда, сначала вверх ногами), ощущает запах и вкус, реагирует на прикосновение и положение тела. У него проявляются элементарные условные рефлексы — сосания, глотания. Он способен к достаточно сложным аналитическим действиям — узнавать голос матери, оценивать ее душевное состояние по голосу, обращению с ним.

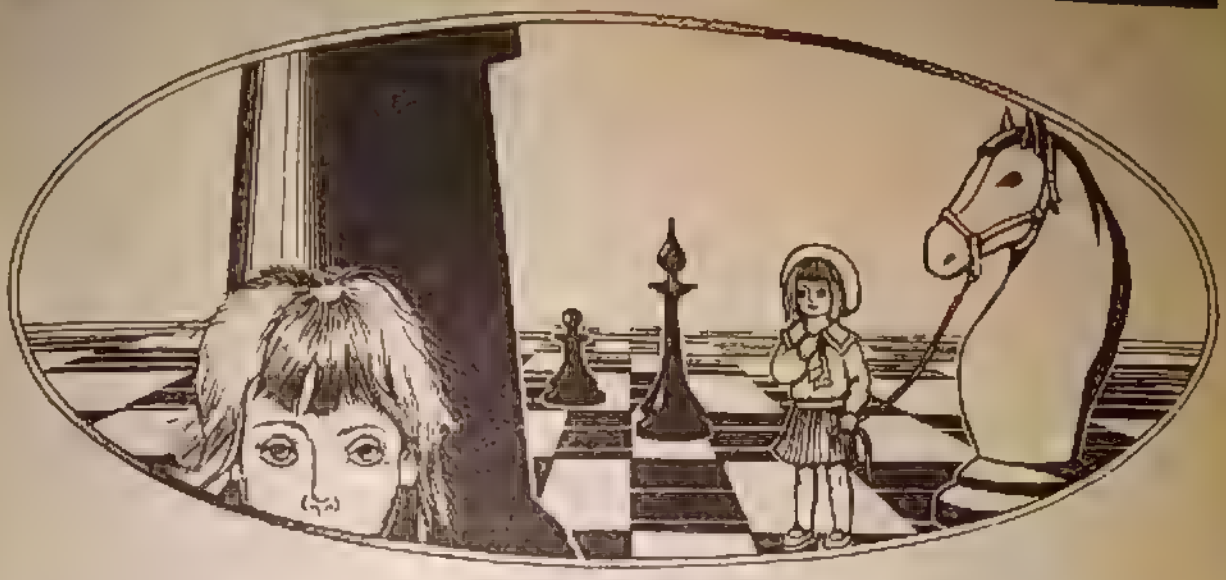
Ученые считают, что в раннем младенческом возрасте (примерно до двух лет) мозг накапливает больше информации, чем за всю остальную жизнь. В это время происходит и интенсивный рост мозга — уже к трем годам он достигает примерно 80% массы мозга взрослого. Но несмотря на такие темпы и объемы, возможности мозга в обычных условиях реализуются незначительно, т. е. имеются громадные резервы для наполнения его дополнительной информацией. Профессор А. Шеповальников утверждает: «Учить ребенка осмысленному восприятию мира, давать ему разностороннюю информацию, быстро преодолевая период бессмысленного младенчества,— это один из путей к тому, чтобы следующие поколения не просто повторяли способности своих родителей, но превосходили их».

С этим можно целиком и полностью согласиться: не стремиться к тому, чтобы ребенок был вундеркиндом, но попытаться сделать его умнее себя - посильная и благородная задача. Какие же пути есть для ее разрешения? Шеповальников перечисляет их: «Для полноценного развития ребенка уже с первых дней его жизни очень важны не только нежность и любовь близких, прикосновение рук матери, ее ласковый голос, но такие игры и разговоры, музыка. Ведь эмоции способствуют формированию его нервной системы, развитию мозга. «Сенсорный голод» в детстве — потеря невосполнимая. Пример тому — «дети-маугли», выращенные в звериной стае и возвращенные в человеческую семью, они не становятся полноценными людьми — способности к обучению утеряны»...

Занятия с детьми должны быть наиболее интенсивны в первые месяцы и два года жизни. К сожалению, некоторые молодые родители именно в этот период занимаются с детьми недостаточно. Это объясняется тем, что за последние годы возраст новобрачных (а следовательно, мам и пап) снизился. Если в 1965 году девушки выходили замуж в среднем в 24,9 года, а юноши женились в 26,6 лет, то в конце 80-х годов соответственно в 21 и 23 года. Это

привело к значительному росту студенческих семей, о
мей, в которых муж вскоре после свадьбы уходит на дей
ствительную армейскую службу. И получается, что вмест
общения с ребенком — подготовка к сессии или защит
диплома, стирка пеленок и беготня по магазинам и на
молочную кухню.

Кроме этой, есть и другие причины. Молодые роди
тели хотят и на дискотеке потанцевать, и новый филь
не пропустить, и в гости сходить... Да и телевизор сейча
есть практически в каждой квартире, а передачи год
от года становятся все интереснее. И потому времени
для общения с ребенком остается совсем мало. Надежди
же на то, что «потом» все это наверстается, не оправдают
ся — как бы ни были полезны и необходимы занятия
с детьми в детском саду и школе, они не способны закрыть
брешь, образовавшуюся в первые два три года их жизни



Глава третья

ЧТО НАША ЖИЗНЬ — ИГРА!

Теоретическая физика — это детские игрушки по сравнению с детской игрой.

А. Эйнштейн

Играть любят все — и животные, и люди, но животные практически только в детстве, люди в большинстве своем всю жизнь. Конечно, игры бывают разные. Но есть в них всех и что-то такое, что позволяет объединить, например, «выпечку» пирожков из песка и шахматы, игру в «доктора» и деловые игры, в которые играют весьма солидные люди на факультетах повышения квалификации хозяйственных руководителей.

Что же такое игра? Однозначного и полного объяснения этого понятия нет. В Философском энциклопедическом словаре термин «игра» обозначает широкий круг деятельности животных и человека, противопоставляемой обычно утилитарно-практической деятельности и характеризующейся переживанием удовольствия от нее самой. Что касается последнего — переживания удовольствия — ни у кого это утверждение возражений не вызывает. А вот по пункту противопоставления игры обычной утилитарно-практической деятельности есть различные мнения. Но прежде чем начать спор, еще несколько слов об определении.

Психолог В. Зинченко приводит такое сравнение: «В. И. Вернадский когда-то признавался, что он не знает, чем живое вещество отличается от неживого. Мы не знаем, чем живое движение отличается от механического; мы не знаем, чем умный отличается от глупого. Но мы ведь почти никогда не ошибаемся и точно отличаем одно от другого. Равным образом, мы легко отличаем игру от неигры. Отсутствие строгого определения не помешало нам начать обсуждение (цитата взята из стенограммы одного из заседаний общественного совета «Институт человека». — *В. В.*) важнейших функций игры в развитии личности, сознания, деятельности. В игре закладывается фундамент всех этих образований. Игра в большей степени (во всяком случае, не в меньшей), чем учение и труд, осуществляется по типу свободного действия, по типу творчества. Но в отличие от последнего ее итог является не внешним, не объективным, как принято говорить, а внутренним, собственным, субъективным. Но для ребенка этот субъективный итог столь же реален и объективен, как и его радость при выигрыше и слезы при проигрыше...»

Возраст игры намного старше любой из наук, любого вида искусства. И это делает спорным утверждение о противопоставлении игровой деятельности утилитарно-практической. Да, не всегда практический смысл игры просматривается напрямую, не всегда легко отыскать «конец» того «начала», которое имеется в игре. Однако при желании найти его можно. Несколько проще с играми животных — все они имеют сугубо утилитарное значение: детеныши учатся ловкости, приемам добычи пищи, защите собственной жизни, общению с себе подобными и не подобными. Игры животных способствуют физическому развитию, выносливости. И, скорее всего, прекращение игр с возрастом обусловлено не тем, что животному игра перестает нравиться, а лишь тем, что не остается на нее ни сил, ни времени.

Не будем больше останавливаться на играх животных, а обратим внимание на игры детей.

Значение игры для жизни отдельного человека и общества ученые оценили давно. В краткой исторической справке, с которой начинается книга академика Д. Б. Эльконина «Психология игры», содержатся интереснейшие сведения по этому поводу. Не цитируя эту справку, скажу лишь, что уже в прошлом веке теорию игры, психологию

се разрабатывали крупные мыслители Ф. Шиллер, Г. Спенсер, В. Вундт. Более ста лет назад вышла книга Е. А. Покровского «Детские игры, преимущественно русские». Ну, а среди тех, кто занимался проблемой игры в нашем столетии и в наши дни, надо назвать Н. К. Крупскую, Г. В. Плеханова, М. С. Кагана, В. А. Сухомлинского, Л. С. Выготского, Д. Б. Эльконина, А. С. Макаренко, Я. Л. Коломинского и др.

По мнению Плеханова, игра — это деятельность, появившаяся в ответ на потребность общества, в котором живут дети и активными членами которого они должны вскоре стать. Игра возникла позже утилитарного труда, обеспечивающего жизнь, но тут же стала необходимой труду.

Согласно современным представлениям, игра помогает реагировать на различные жизненные ситуации, возникающие при контакте людей с окружающей действительностью и друг с другом, даже если она моделирует внешне не совсем аналогичные случаи. Как поступить, если... Если нападет дикий зверь или, наоборот, надо самому добыть этого зверя? Если появится враждебное племя? А если родственное? Если заболеешь? Если захочешь построить дом?..

Эльконин указывает, что «содержанием развернутой, развитой формы ролевой игры являются не предмет и его употребление или изменение человеком, а *отношения между людьми*, осуществляемые через действия с предметами; не человек — предмет, а человек — человек»... И далее он пишет: «Так как в реальной действительности конкретная деятельность людей и их отношения чрезвычайно разнообразны, то и сюжеты игр чрезвычайно разнообразны, изменчивы. В разные исторические эпохи, в зависимости от социально-исторических, географических и конкретно-бытовых условий жизни, дети играют в различные по своим сюжетам игры. Различны сюжеты игр у детей разных классов, у свободных и порабощенных народов, детей севера и юга, тайги и пустынь, детей промышленных рабочих, рыбаков, скотоводов и земледельцев. Даже один и тот же ребенок меняет сюжеты своих игр в зависимости от конкретных условий, в которые он временно попадает.

Особая чувствительность игры к сфере человеческой деятельности и отношениям между людьми показывает, что при всем разнообразии сюжетов за ними скрывается

принципиально одно и то же содержание — деятельность человеческих отношения людей в обществе».

Все ученые, но особенно популяризаторы, пишущие об играх, приводят слова Ф. Шиллера из его «Писем об эстетическом воспитании человека». Шиллер утверждает: «Человек только тогда является в полном смысле слова человеком, когда он играет, и только в игре он является вполне человеком... Свободным он становится лишь в творчестве, которое сопровождается отчетливым чувством повышения бытия, существенным элементом человеческого счастья... Играющий чувствует себя свободным от гнета внешнего и внутреннего мира; в игре человек испытывает такое же наслаждение от свободного обнаружения своих способностей, какое художник испытывает во время творчества».

Значение игры для развития личности хорошо понимал В. И. Ленин. С его одобрения в 1918 году в Москве (а какое тогда было время, напоминать излишне) был открыт первый и единственный в мире Институт игры и праздников. Правительство молодой республики поставило перед сотрудниками института цель — организовать досуг детей и подростков, оторвать их от улицы и уголовного мира.

В том же году вышла в свет и первая по данной тематике советская книга «Игра». В предисловии к ней А. В. Луначарский писал: «Слово игра, поставленное в заголовке настоящего издания, принадлежит к числу величайших на языке человеческом и знаменует собою понятие необычайной широты... Игра в значительной степени является основой всей человеческой культуры. Это — освобождение от прямой нужды, от работы (от работа), человек начинает мыслить, чувствовать и творить свободно, повинуясь лишь внутренним своим законам, лишь жажде каждой части своего организма — развернуться...»

Закончить теоретическую часть этой главы хочется словами В. Зинченко: «Ребенок в игре свободно обращается со значениями и смыслами, у него расширяется поле зрения, в том числе и интеллектуальное, расширяется поле сознания, формируется уверенность в себе или вера в свои возможности и силы, формируются творческие способности — в их числе способности, а иногда и талант к общению — закладываются этические и нравственные основы практического поведения и т. д. и т. п.

Словом, в игре формируются бытийные слои человеческого сознания. Это — непреходящие достижения детства. И если они реальны, то они обязательно дадут знать себя в учении, в труде, в творчестве. Сложности в определении игры и в отличении ее от других форм деятельности потому и возникают, что игровые элементы непременно входят в плоть и в кровь всех видов человеческой деятельности. Игровые элементы раскрепощают все формы деятельности, являются условием расширения и открытия поля новых возможностей перед ними...»

Думается, сказанного вполне достаточно, чтобы сделать вывод: игры не просто полезны, они жизненно необходимы человеку вообще, но стократ — детям. Игры любые — подвижные и тихие, интеллектуальные и такие, в которых, на наш, родительский, взгляд, никакого ума не надо. Если бы этот вывод был достоянием всех взрослых, если бы о нем знали не только родители, но и воспитатели, учителя, писать данную главу, конечно, не стоило бы. К сожалению, не знают. Доказательства? Их привел, в частности, В. Зинченко: «В газете «Известия» от 8 февраля 1986 г. прочел следующую информацию. Директор одной из школ издал приказ об отчислении учащегося Ложкина Михаила Владимировича как совершенно неподготовленного к обучению. А жизни вышеозначенному Ложкину от роду... шесть лет. И отчислен он из подготовительного, нулевого класса. Причина отчисления? Цитирую ответ директора школы на этот вопрос корреспондента. «Он, между прочим, совершенно неуправляем: то под стол лезет, то еще что-нибудь выкинет...»

А это из записок Пашича: «И все звучит в моих ушах голос одного премудрого педагога, утверждавшего, что главное — занять все свободное время ребенка, чтобы не оставалось времени для баловства.

— Мне что нужно,— говорил он,— мне нужно, чтобы в школе было тихо».

Да, такие педагоги еще встречаются. Однако прежде всего я рассчитываю на родителей, а не на учителей и воспитателей. И надеюсь принести пользу папам и мамам, дедушкам и бабушкам (т. е. так только говорится. Польза детям будет, должна быть), но вовсе не работникам детских учреждений. .

Итак, какие же ошибки допускаем мы, родители, в вопросах детских игр? Прежде всего, образно говоря,

не хотим (заняты, устали, лень, не придаем значения...) сесть на корточки или стать на четвереньки рядом с ребенком. Отделываемся тем, что покупаем игрушки. И — сердимся, а то и наказываем, если ребенок эти игрушки ломает, не хочет играть с ними. А не понимаем того, что играть ему одному скучно. Игра, практически любая, требует партнера. Какое-то время партнером может быть кукла, или заяц, или медведь... Но ведь игра — это обязательная ситуация. А набор ситуаций с неодушевленным предметом весьма ограничен. Вот почему ребенку очень скоро даже с новой игрушкой становится скучно.

Возможность разобрать игрушку, что при отсутствии навыков и инструмента почти всегда выглядит как ее поломка,— это уже интереснее. Это уже новая игровая ситуация. Для ребенка поломать — это игра. Для нас — материальный ущерб. Ну и, соответственно, наша реакция оказывается ребенку непонятной. Но ведь любознательность, стремление узнать, «что у мишки в животе»,— неотъемлемая черта детства. Значит, во-первых, игрушки следует приобретать такие, чтобы это не слишком отражалось на бюджете семьи, а во-вторых, когда-нибудь и самим, взяв отвертку, вскрыть игрушку и показать «внутренности».

Несколько слов о приобретении и хранении игрушек. Думается, серьезной ошибкой является и посещение магазина игрушек вместе с ребенком. Сколько бы игрушек ни было дома и даже в детском саду, в магазине их все равно больше. Не только у ребенка, у взрослого глаза разбегаются. Сделать же выбор очень трудно. И если все-таки взрослые могут на чем-то остановиться, то для ребенка такой подход в принципе невозможен. И потому конфликт в той или иной форме неизбежен.

Кроме одной-двух любимых игрушек, как правило, используемых не постоянно, а лишь в определенных ситуациях, остальные достаточно быстро ребенку надоедают. В то же время обилие их рассеивает внимание, еще более снижает интерес к ним. Поэтому (но опять же — об этом надо думать, тратить время на это) периодически, и чем младше ребенок, тем чаще, игрушки надо убирать, а через две-три недели, месяц вновь давать ребенку.

Серьезная ошибка взрослых, когда они все же снизойдут до игры с ребенком, заключается в неумении выдержать грань допустимой снисходительности. Попытаюсь объяснить это на примере. Когда-то, заведя себе со

баку, я занимался с ней в клубе служебного собаководства. Инструктор учил нас, как воспитывать у собаки смелость. Если «чужой» (а это был, конечно, тоже кто-то из нас), замахнувшись на пса, тут же поворачивался к нему спиной и убегал, собака начинала верить в свою силу и пыталась догнать. Если же, замахиваясь, шел на нее, она трусила и пряталась за хозяина.

Примерно так и с ребенком. Если родители, согласившись поиграть с сыном или дочерью, будут подавлять ребенка своим интеллектом («Ну кто же так ходит? У тебя что, глаз нет, ты что, не видишь? Это неправильно, сколько раз тебе говорить...»), у него разовьется комплекс неполноценности, появятся страх принимать решения, неуверенность в своих силах и т. д. С другой стороны, если все время поддаваться, «поворачиваться спиной и убегать», тоже ничего хорошего не получится. Это от служебной собаки требуется безоглядная смелость и даже безрассудство в защите хозяина, дома, границы. От человека требуется все таки другое. И если, как часто бывает, родители не могут найти золотой середины и, не оказывая сопротивления, все время поддаются, ребенок вырастет с гипертрофированным самомнением и излишней самоуверенностью, за что жизнь обязательно накажет его.

Весьма серьезна проблема игр «на интерес». Интерес этот может быть различным — щелчок, мороженое, деньги... С одной стороны — возникает азарт, становится осознанным результат игры. С другой — азарт может быть и чрезмерным, а результат — самодовлеющим. Как найти правильную линию? Думается, прав был итальянский поэт Т. Тассо, который выступал против игр, связанных с «интересом». По его словам, эти игры «развивают алчность и другие дурные страсти... Не заслуживает ли игрок в этом случае большего порицания, чем разбойник, ибо последний грабит чужака, в то время как первый обкрадывает друга...» Понятно, что размер выигрыша, особенно для детей, роли не играет. Кстати, как и валюта.

Одним из важнейших условий игр ребенка можно считать чрезвычайную легкость перевоплощения. Прислушайтесь, с чего начинается большинство игр: «Я буду как будто мама, а ты моя доченька... Я как будто учительница, а ты ученица. Я как будто доктор, а ты больной...» А через пять минут наоборот: «Ты как будто доктор, а я больная...» К сожалению, взрослые так легко и быстро не входят и не выходят из роли. Надо избегать еще

одной ошибки – быть все время только самим собой. В игре допустимо, более того, необходимо стать на некоторое время и ребенком, «впасть» в детство.

А как к играм детей относится медицина? Ответ однозначный – положительно. Особенно к играм подвижным, на свежем воздухе. Сейчас, когда серьезным бичом здоровья (правда, не только в детском возрасте) стала малоподвижность, медики видят спасение от нее именно в играх. Конечно, спорт и физкультура тоже хороши, но очень немногие из наших детей занимаются ими. Считать же достаточным объем движений, который дается во время пребывания ребенка в детском саду, а тем более в школе, нельзя при самом богатом воображении.

Ну, а может ли ребенок переутомиться, «перебегать» или «перепрыгать»? Здоровый – нет. По двум причинам: первая — у детей невелик запас выносливости, они просто физически не могут дать организму, сердцу такую нагрузку, которая бы была вредной для здоровья. И вторая — в большинстве случаев дети инстинктивно играют достаточно экономно в энергетическом плане. Только маме, наблюдающей с балкона, кажется, что ее ребенок беспрерывно носится часами. На самом деле практически все детские игры предусматривают чередование нагрузки с отдыхом. Вспомните, как вы играли сами: пробежка – остановка, пробежка — отдых.

Конечно, при некоторых заболеваниях двигательную активность детям приходится ограничивать — но врач об этом скажет. Во всех остальных случаях пусть бегают, пусть утомляются — и аппетит станет лучше, и сон крепче. А родителям необходимо позаботиться о профилактике простудных заболеваний. Дети простуживаются (кстати, и взрослые тоже) не тогда, когда им холодно, а когда в холод им жарко. Здесь нет никакого парадокса. Даже при значительном и длительном пребывании на холоде ребенок не простынет, хоть и замерзнет до дрожи. Потому что организм включит сложную систему обогрева (да и дрожь — это мышечная работа, при которой вырабатывается теплота), до минимума сведет теплопотери.

Совсем другое дело в жару или когда ребенку жарко вследствие излишнего укутывания. В коже открываются бесчисленные «форточки» — поры, через которые с потом уходят избытки теплоты. И стоит в этой ситуации какому-либо участку тела оказаться не защищенным одеждой или, например, достаточно промочить ноги, — пре-

студа обеспечена. Но игра здесь ни при чем. Это весьма распространенная, но упорно отстаиваемая родителями ошибка — закутать ребенка так, чтобы и лица не было видно.

В одной из следующих глав речь пойдет о наших ошибках, допускаемых при просмотре телевизионных программ, о стрессе и дистрессе, о том, какой вред последний из них наносит здоровью. Но, забегая вперед, можно сказать — самым мощным и эффективным оружием против дистресса, а также часто развивающейся после него депрессии (оказывается, депрессия – удел не только взрослых, но даже младенцев, не говоря о подростках) являются подвижные и даже тихие игры.

Большое внимание игре как средству обучения и развития умственных способностей уделяет известный педагог В. Шаталов. Помимо всех других «полезностей», в своей книге «Педагогическая проза» (1980) он отмечает и еще одну: игра часто выводит в победители не только средних, но и слабых учеников. А это очень важно — разрывается порочный круг комплекса неполноценности, дети начинают чувствовать себя увереннее, перестают бояться высказывать свое мнение, отстаивать его. В книге приводятся примеры не только с подвижными играми, на физическую ловкость, выносливость и силу, но и с такими (стоклеточные шашки, головоломки, логические задачи, ребусы, лабиринты и т. д.), для победы в которых нужны смекалка, волевые усилия и поисковая дерзость.

Шаталов пишет: «В состязаниях по стоклеточным шашкам, требующим предельно напряженного внимания, глубокого анализа и сложных расчетов вариантов, победителями оказались «слабые» ученики...» И затем, описывая физико-математические турниры — шутливые, задорные, скоротечные и затяжные, добавляет: «И снова «невероятное»: побеждали вчерашние тихони, аккредитованные «серединячки» и общепризнанные тугодумы. В течение многих лет эти исследования проводились и в средних, и в старших классах, и в массовой, и в вечерней школе рабочей молодежи. Результаты говорили об одном и том же: природная одаренность сплошь и рядом никак не соотносилась с успехами в учебе, отраженной в классных журналах и ведомостях. Этот вывод оказался одинаково верным абсолютно на всех возрастных уровнях».

К сожалению, по методике Шаталова преподают еще далеко не во всех школах. Но кто мешает родителям до-

полнить школьный курс самостоятельно играми дома
Какими играми и как? Подумайте, посоветуйтесь, почи
тайте того же Шаталова. Но действуйте. Ведь это же ваши
дети, и вы просто обязаны уделять им внимание, тратить
на них не только деньги, но время и душевные силы.

Таким образом, мне казалось, что игра — всякая или
почти всякая (о негативных последствиях игры «на инте-
рес» было сказано) – благо, добро, и ни о каких ограни-
чениях в увлечении детей играми говорить не приходится.
Жизнь, как это не раз случалось и прежде, опровергла
подобное представление. Диалектический закон единства
и борьбы противоположностей проявил себя и в отноше-
нии игр. И в этой связи нельзя обойти молчанием компью-
терные игры.

Коснемся только одной стороны проблемы — нрав-
ственной, хотя уже звучат тревожные голоса медиков:
утомляемость зрения при использовании компьютеров
выше, нежели при чтении. Но над гигиеническими усло-
виями специалисты уже работают, уже подбирают необ-
ходимую интенсивность свечения точки на экране дис-
плея, наиболее благоприятную цветовую гамму и скорость
сменяемости изображения. А вот о нравственном аспекте
компьютерных игр задумываются еще мало.

Процитирую несколько строчек из статьи «Компью-
тер и дети», напечатанной в «Правде» под рубрикой
«Небезобидные игры». Автор статьи Д. Леонов пишет:
«Компьютер, без которого нельзя будет завтра представить
нашу жизнь, становится частью обучения в школе, а не-
которые дети знакомятся с ним уже в детском саду. И это
замечательно, что существует такой привлекательный и
интересный способ знакомства, как игра... Однако, прежде
чем говорить о проблеме, давайте сыграем.

Игра «Ночной бомбардировщик». Ваш самолет на па-
лубе авианосца. Специальные кнопки регулируют высоту
полета, скорость: есть пусковые – для бомб и ракет. Взле-
таешь. Нужно благополучно миновать либо потопить вра-
жеский торпедный катер, уклониться от встречи с много-
численными перехватчиками, достичь города и разбом-
бить как можно больше объектов. Каждая ваша удача со-
провождается шумовыми и световыми эффектами, а в
случае столкновения ваш самолет разлетается на куски.

Игра «Змей». На «Поле чудес» в «Стране Дураков»
растут золотые монеты. Помните, когда-то лиса Алиса и
кот Базилио обманули доверчивого Буратино и заставили

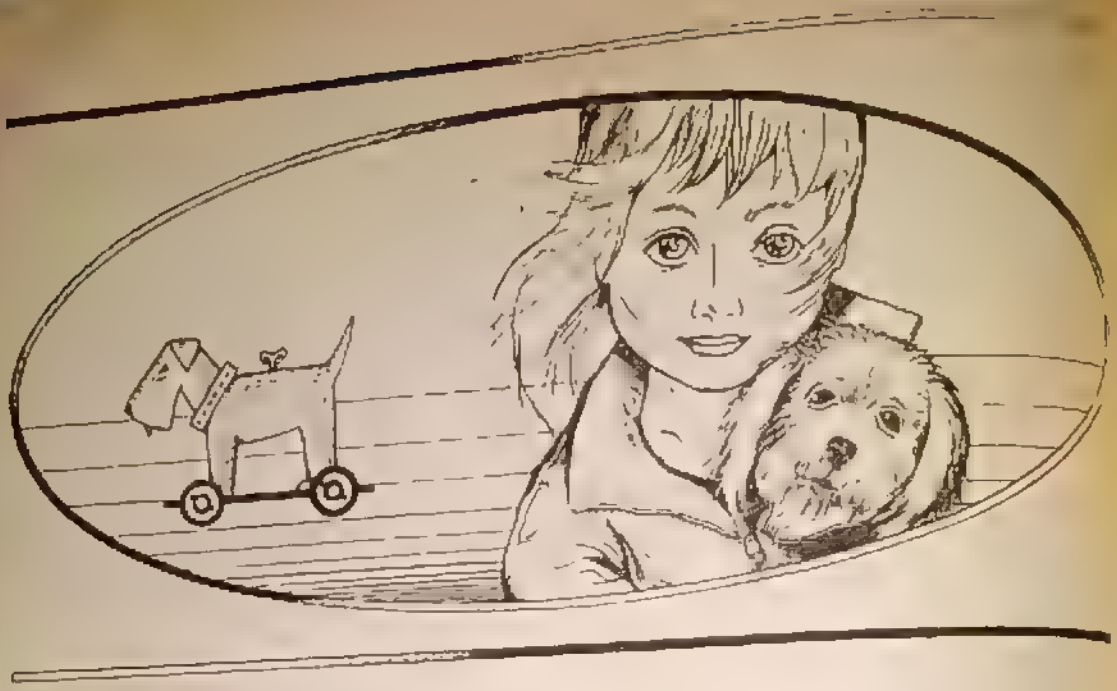
что закопать свои деньги. С тех пор денежки эти буйно разрослись. Но сокровище стережет Змей. Наша задача – собрать как можно больше золотых и избежать встречи со Змеем...

Игр много и почти все они имеют в основе подобные сюжеты. Что же произошло? Ответ лежит на поверхности – чтобы не изобретать «велосипед», чтобы догнать ушедший в деле компьютеризации вперед Запад, мы закупили не только машины, но и программы к ним. Не обратив, между прочим, внимания, что среди них есть игра под названием «Звездные войны».

Не буду говорить о том, какие ценности могут быть «спрятаны» в компьютерных программах. Но ведь нельзя не заметить, что с их помощью рождается отношение к войне как к забаве и, что еще страшнее, как к существующей реальности.

Прекрасно понимаю, что абсолютному большинству читателей не под силу самостоятельно сочинить программу, хотя приобрести электронную игрушку многим бюджет позволяет. Наверное, и преподавателям нового предмета – информатики – составление программ не по плечу. И все же надо иметь в виду не одну только кибернетику.

Нравственность и ЭВМ. Само сочетание этих слов на первый взгляд может показаться бессмысленным. Однако, хотя машина, конечно, не думает и не чувствует, она может стать мощным инструментом воспитания. Необходимо, чтобы она воспитывала добро, а не зло, отзывчивость, а не жестокость. И это обязаны обеспечить детям мы, взрослые. Как? Думайте...



Глава четвертая

ЖИВОЙ ЩЕНОК ИЛИ ИГРУШКА!

Как бы там ни было, но с ростом городов количество собак в них все увеличивается, они стали для части горожан не роскошью, а живым существом первой необходимости.

В. Е. Соколов

Собак любит большинство взрослых и абсолютно все дети. Но если у взрослых эта любовь далеко не всегда платоническая (в некоторых случаях объясняется настойчивой рекомендацией врача: «У вас склонность к гипертонии и вам обязательно в качестве профилактики инсульта нужно завести собаку», а порой, того хуже, коммерческими расчетами — шапок модели «Шарик на голове» не становится меньше), то у детей любовь к собакам искренняя и бескорыстная.

Все дети от рождения не умеют быть добрыми, не могут сострадать, сопереживать. Все маленькие дети — эгоисты. И воспитать в них лучшие человеческие качества — задача родителей, воспитателей, учителей. А самый подходящий помощник в воспитании именно этих качеств — собака.

Но прежде чем продолжать разговор о собаке, обсудим вопрос о доброте — стоит ли ее в детях воспитывать.

К сожалению, сегодня во многих семьях доброта не в почете. Нет, не то чтобы люди открыто провозглашали

свое нежелание быть добрым, откровенно воспитывали своих детей злыми. Но про себя или в разговоре с близкими иногда признают — доброму жить тяжелее, добрый чаще страдает от несправедливости, его чаще обманывают, он чаще вступает в конфликт с начальством. Многие родители сомневаются — а стоит ли воспитывать детей добрыми и честными.

Да и как не сомневаться, когда ребенку прививаешь доброту и вдруг получаешь от него письмо с таким жестоким обвинением:

«Это вы, родители, виноваты во всех моих несчастьях. Это вы воспитали меня честной и доброй, и я оказалась в коллективе настоящей «белой вороной». Заведующая со мной не разговаривает, сестра-хозяйка и повар разговаривают не иначе, как бранными словами... А все из-за того, что я назвала воровство — воровством, а однажды, когда не хватило сил смотреть, как обкрадывают детишек, вызвала участкового милиционера. Их в чем? Их пожурили (сумма украденного оказалась менее 50 руб.), а мне теперь нет жизни...»

Автор письма после окончания института работала в колхозном детском саду. Ей было дико, не укладывалось в сознании — как это можно не вообще даже воровать, а воровать именно у детей. Как можно нарочно готовить настолько невкусно, чтобы дети добровольно отказывались от еды. После этого повар и сестра хозяйка тащили на коромыслах полные ведра отходов своим свиньям, а дети оставались голодными.

В том, что работа превратилась для молодого специалиста в ад, что пила она в детский сад, как на каторгу, виноваты были родители.

А сколько таких детей, которые, сталкиваясь с действительностью, больно ушибаются о нее и бросают нам, взрослым, справедливые упреки?..

И если не прикрываться ханжескими лозунгами, если не отворачиваться от правды жизни, то приходится признать — да, на самом деле далеко не все у нас соответствует идеалам, нормам, по которым хотелось бы жить.

Так что же? Не надо воспитывать детей добрыми и честными? Нет, надо. Обязательно надо. И не только ради наших детей (ведь им предстоит еще долго контактировать, жить бок о бок с теми, кого отучили от добра и честности), но и ради детей наших детей, ради внуков и правнуков. Общество без добрых и честных людей обречено на вымирание.

Правильно ли, говоря о столь высоких и самом примом

смысле слова материях, сводить все к приобретению со
баки? Конечно, нет. Ведь миллионы детей воспитывались
без помощи этих четвероногих друзей и выросли добрыми
и честными. Поэтому надо правильно понимать — собака
облегчает воспитание, помогает привить ребенку добрые
чувства, но всего этого можно достичь и не имея в доме
ни собаки, ни какого-либо иного животного.

Один из редакторов «Недели» в своей колонке пишет:
«Доброта — свойство души, основанное на способности
сопереживать, соучаствовать, допускать к сердцу чужие
трудности и беды, воспринимать их как свои собственные.
Доброта несовместима с эгоизмом, ибо добрый человек
меньше всего печется о собственном благе, о личном удоб-
стве, о своей выгоде».

И очень правильно поступает мама, которая не забы-
вает подсказать ребенку: кукла упала, пожалей куклу.
И ребенок погладит, пожалеет. А если пожалеет собаку
то заслужит не только полный благодарности взгляд, но
и выражение искренней признательности — она и хвостом
по полу постучит, и лизнет руку или щеку. Боюсь быть
категоричным, но, думаю, не слишком ошибусь, если ска-
жу — дети, выросшие в семьях, где были домашние жи-
вотные, особенно собаки, всегда душевнее, чем те, у кого
возможности общаться с животными в детстве не было.

Собака — надежная и терпеливая нянька. Она играет
с ребенком, даже если тот иногда по недомыслию сделает
ей больно. Кот, например, больше одного раза терпеть не
станет, если ребенок попробует, а прочно ли «приклеены»
его усы. И в лучшем случае заберется на шкаф, в худ
шем - поцарапает. Самое же большее, что может позво-
лить себе собака в подобной ситуации, — попытаться увер
нуться от ласк.

Дети не боятся собак, даже самых грозных и злых. Они
еще не понимают опасности. Дети смотрят на мир при
мерно с той же точки зрения, что и собака. Да и в ряде дру
гих вопросов маленькие дети ближе к природе, к живот
ным, нежели взрослые. В частности, ни ребенку, ни собаке
ничего не говорит та или иная цена вещи. И полированную
мебель один может скоблить стеклышком, а второй кот
тями с одинаковым удовольствием.

Я все время говорю — собака, собака, но ведь пород
и разновидностей собак очень много. Можно ли назвать
ту, которая наиболее подходит для воспитания? По-види
мому, нельзя. В помощники воспитателю годится любая

и при выборе надо руководствоваться наличием свободной площади в квартире, мест для выгула, личными пристрастиями и вкусами. С гигиенической точки зрения лучше короткошерстные породы. И еще. Желательно, чтобы собаки были не очень крупные и не чистокровные — в последнем случае у владельцев появляются иные, часто меркантильные интересы. Поэтому, говоря «собака», я мысленно произношу «собачонка, собачка»...

Все маленькие дети если и не являются такими от природы, то под влиянием воспитания прежде чем стать «добрыми», проходят этап «добреньких». Эти термины происходят от одного корня, но понятия обозначают прямо противоположные. «Добренький, — продолжает редактор «Недели», — это эгоистическое существо, сосредоточившееся только на себе, своих интересах, своей выгоде. Главный и первый синоним это — равнодушие». Прозорливо предупредил в свое время Б. Ясенский: «Бойся равнодушных — они не убивают и не предают, но только с их молчаливого согласия существуют на земле предательство и убийство».

Так вот, истинной доброте сначала предшествует этакая «добренькость»: «Угощу мальчика конфеткой, дома я тебе дам сколько хочешь...»; «Дай поиграть девочке с твоей куклой, а она даст тебе зайчика...» С самого раннего детства в различной форме, в разных выражениях ребенок слышит одну и ту же формулу — дай, получишь что-то взамен. Но ведь это ничем не отличается от пресловутого «ты — мне, я — тебе». Видимо, на первом этапе воспитания, пока дети не понимают, что давать, дарить просто так, безвозмездно — значит поступать благородно, другого выхода нет. В общении же с животными, с собакой отношения поднимаются на более высокую ступень: я тебе — свою любовь, ты мне — свою. Я тебе косточку — ты мне все равно любовь и признательность. Короче говоря, отношения из чисто меркантильных, вещественных перерастают в невещественные, духовные.

Все маленькие дети по натуре жестоки. Для них часто жестокость — побочный способ познания мира. Они уже знают, что такое боль для себя (падают, дотрагиваются до горячего, укалываются и натыкаются на острое), но еще не могут представить, что боль может испытывать и другое живое существо. Общаясь же с собакой, они учатся понимать, представлять себе и чужую боль, избавляются от жестокости.

Если бы проблема собаки в доме заключалась только в том, что она лишь своим присутствием приносит огромную пользу для воспитания, писать об этом не стоило бы. У кого есть возможность, тот бы завел собаку и так, у кого нет — сколько бы я ни агитировал, ограничился бы собакой игрушечной. Но, к сожалению, проблема гораздо серьезнее.

Дети всей душой привязываются к своему четвероногому другу. До такой степени, что исчезновение его может создать угрозу не только здоровью, но и жизни. В начале 1987 г. в «Известиях» была напечатана статья «Пропала собака», ярко обрисовавшая именно эту сторону взаимоотношений ребенка и животного.

У девочки Юли из города Куйбышева пропала собака по кличке Марс. А через несколько дней на экранах своих телевизоров куйбышевцы увидят фотографию этой собаки и детский врач взовет о помощи к каждому, кто в этот вечер оказался у приемника. Оказалась в опасности жизнь девочки, и спасти ее мог только вернувшийся Марс.

Юля с детства любила животных. В доме ее окружали хомячки, рыбки, увечные, подобранные на улице котята, различные птицы. И вот настояла — родители приобрели щенка. Полтора года жил Марс в этой семье. Но однажды на прогулке, метнувшись за кошкой, исчез.

Возможно, не будь одного привходящего обстоятельства, Юля бы не заболела. Но это обстоятельство было. В 50 м от дома, где она жила, находился так называемый «собачий ящик» — старая трансформаторная будка, превращенная в учреждение «Прием кошек и собак от населения». И Юля, и другие жильцы неоднократно наблюдали, как обходятся с животными, отлавливаемыми в городе, в этом «собачьем ящике». Когда на следующий после пропажи Марса день Юля пришла в этот пункт приема, ей сказали: «Вот как раз привезли свежих на сортировку. Иди, может и твоя там».

Юля издали увидала белую, как и Марс, собаку, бросилась к ней — «Марс, Марс!» Перед ней в предсмертных судорогах бился изувеченный клещами собачников чужой белый пес.

— Мама, он плакал, как человек! Если наш Марс попадется, с ним его так же? — спрашивала Юля.

Вернувшись домой, девочка перестала есть, пить. Даже не плакала — онемела от потрясения.

— Горе приходит ко всем. Люди теряют самых близких. Надо крепиться,— убеждала мать.

Врач, чуть лукавя, просил девочку напомнить ее фамилию для рецепта. В ответ — молчание. Она никого не слышала. Через трафарет — раньше писала заголовки стенгазеты, теперь выводила только одно слово: «Марс, Марс, Марс»...

Измученный детский организм не выдержал напряжения — Юля уснула. Не пробудилась она наутро, и через сутки, и через двое. Врачи были единодушны в одном — клин вышибают клином. Привезли соседскую овчарку: Та лаяла над спящей, тормошила. Юля даже пошевелилась... Спасти ее мог только Марс. И тогда прозвучал призыв по телевизионному каналу.

К исходу четвертых суток Юлиного сна сотни добровольных помощников нашли Марса в Кипель-Черкасском районе, за десятки километров от Куйбышева. Он был грязный и худой, но не потерял своего собачьего благородства - за все дни странствий и страданий ни разу никого не укусил, хотя, как заканчивает статью корреспондент С. Жигалов, и надо бы...

Дома Марс ударом лапы распахнул дверь Юлиной комнаты. Тормошил ее, лизал руки, лицо (о том, что к спящей можно впустить собаку, проконсультировались с врачами заранее).

— Мама, ну чего он пристает ко мне,— очнулась девочка.— Почему он такой грязный?

— Давай вымоем, - сдерживая слезы, предложила Нина Петровна.

Пошатываясь от слабости, Юля прошла в ванную. Через полчаса белоснежный накормленный Марс посапывал в ногах у хозяйки.

Юля выздоровела...

Далеко не всегда (к счастью!) дети реагируют на пропажу собаки так остро и болезненно. И нервная система не у всех одинакова, да и «собачьи ящики» не у всех под окнами. И тем не менее расставание с собакой обязательно наносит серьезную психическую травму ребенку. И здесь я подошел к той стороне проблемы, из-за которой эта глава, собственно, и писалась.

Часто родители, любя ребенка, потакая его капризам, приобретают щенка, не представляя, насколько сложно в городе содержать собаку. И дело не только в отсутствии площадок для выгула, но и в том, что собак запрещено перевозить в общественном транспорте, а ведь нередко пса надо взять на дачу, за город, отвезти в ветеринарную лечебницу. Сложно и с организацией летнего отпуска — девать собаку некуда.

В общем, содержание собаки в городе — проблема серьезная и не всегда разрешимая. Об этом родители обязаны подумать.

Совершенно недопустимо, как поступают некоторые, взять собачку «на время», а затем выбросить ее за дверь. Ничего, кроме урока бесчеловечности, это не дает. Нельзя выбрасывать собаку и потому, что щенячьи (но бывшие же чьи-то) животные становятся бродячими. Сбиваясь в стаи, они в поисках пропитания уничтожают и диких, и домашних животных, нанося огромный ущерб природе.

Но если до экологического ущерба большинству из тех родителей, которые сначала заводят, а затем выбрасывают собак, нет никакого дела, то о психике ребенка, о воспитании в нем лучших человеческих качеств (а не о подавлении их) заботиться надо каждому.

В книге немецкого писателя Д. Нолля «Приключе-

ния Вернера Хольта» описана ситуация, имеющая отно
шение к теме этой главы.

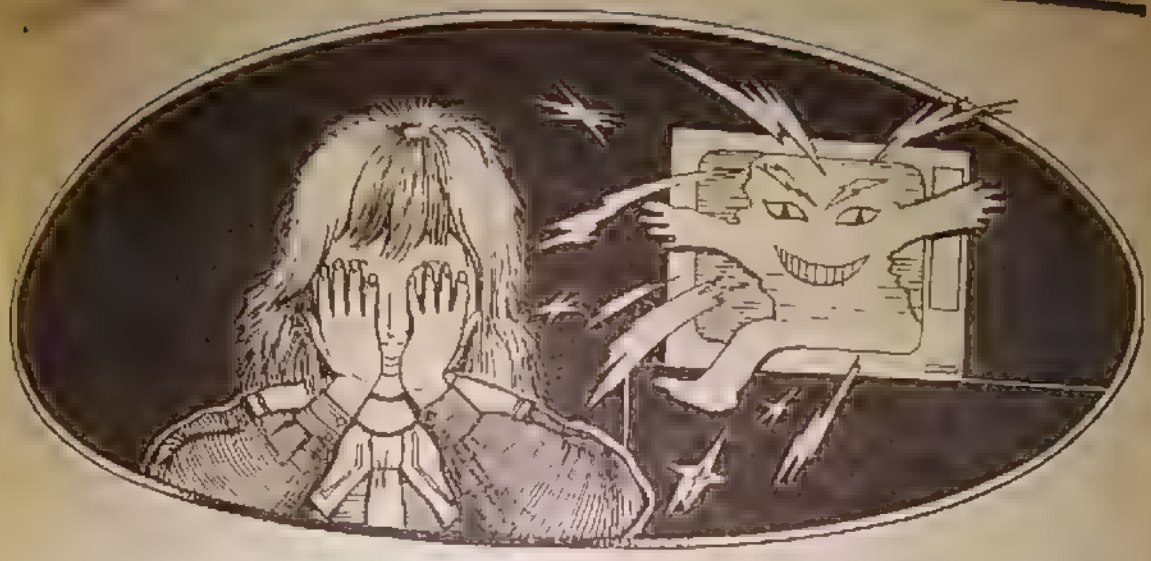
В Германии во время второй мировой войны идеолога
ми фашизма была предложена такая иезуитская форма
воспитания у подростков жестокости. Мальчишка, поже
лавший вступить в гитлер-югенд, должен был завести со
баку, а по истечении кандидатского стажа, примерно через
год, собственноручно убить ее. Тот, кто не был способен
на такое предательство (а как иначе можно назвать подоб
ное поведение по отношению к беспредельно преданному
тебе существу?), в организацию не принимался.

Так вот, выбрасывая за дверь взятую «на время» со
бачку, не уподобляемся ли и мы идеологам третьего рейха,
не выбрасываем ли из собственной души (хотя себя мы
взрослые, можем оправдать стечением сложившихся об
стоятельств) и из души ребенка ростки доброты, сочув
ствия, сопереживания?

Да, собака не только верный друг человека, она еще и
превосходный воспитатель, но... надо семь раз все обду
мать, прежде чем решиться на столь серьезный шаг — за
вести собаку. И если есть хоть маленькое сомнение в том,
что вы сможете содержать собаку все 12 или 15 лет, весь
отпущенный ей природой век, то лучше ограничиться со
бачкой плюшевой, игрушечной.

К менее качественным помощникам воспитателя мож
но отнести любое живое существо, способное выдержать
домашние (квартирные) условия обитания: рыбок, хо
мячков, птичек, белых мышек, черепах... Но сообщениям
газет, в последние годы появились новые представители
комнатных животных — миниатюрные коровы, не расту
щие более чем до 10—14 кг симпатичные хрюшки. Все они
хороши, все они полезны. От общения с любым животным
ребенок становится добрее и милосерднее.

Но все животные, даже если это всего лишь мышки или
синички, требуют к себе соответствующего отношения со
стороны взрослых. И если родители по соображениям
гигиены или из любых других побуждений этих мышек
выбросят или уничтожат, в сердце у ребенка останется
ссадина, рана на всю жизнь.



Глава пятая

НАШ ДРУГ (!!) ГОЛУБОЙ ЭКРАН

Наука психология еще очень мало знает. Наука психология уже очень многое может. Она не может и не обязана одного — решать за нас наши проблемы. Главное всегда придется решать самому...

Г. Б. Башкирова

Телевизор настолько прочно вошел в нашу жизнь, что не уделить внимания отношению детей к телевидению и влиянию его на них просто невозможно. Но сначала — некоторые факты.

В 70-е годы в Швеции в одном из психологических институтов был проведен эксперимент. Двадцати добровольным испытуемым, молодым грамотным женщинам (конторским служащим) на протяжении четырех вечеров показывали кино. А во время просмотра и сразу после него изучали их психологическое состояние: следили за поведением, артериальным давлением крови, частотой пульса и дыхания, выделением некоторых гормонов...

В первый вечер фильм был видовой. Вся группа испытала чувство уравновешенности и покоя. На второй день показали трагический фильм С. Кубрика «Пути славы». В зале царила атмосфера злобы и возбуждения. У женщин резко увеличилось выделение адреналина. На третий день демонстрировалась забавная кинокомедия «Тетка

Чарлея». Все весело смеялись. Но выделение гормонов все-таки увеличилось. В последний вечер была показана жестокая и страшная история «Маска дьявола». Испытуемыми овладело сильное чувство тревоги. Резко повысилось выделение адреналина. Неожиданно показали еще один фильм, даже более зловещий, чем предыдущий, хотя и короткий. Тревога, страх, напряжение продолжали нарастать, как и количество выделяемых гормонов...

По данным эксперимента сделан предварительный вывод — любой игровой фильм вызывает даже у взрослых значительные биохимические и психологические сдвиги в организме. На детях никто не экспериментировал. Но без всякой опасности ошибиться можно утверждать, что дети реагируют на такие фильмы еще эмоциональнее. Ведь взрослые понимают условность происходящего на экране, а дети лет до 10—11 все принимают за чистую монету.

Остановимся на состоянии, которое вызывает в организме просмотр кинофильмов. Это состояние называется стрессом. А заодно вспомним и уточним, что нам известно о дистрессе.

Эти термины ввел в обиход известный канадский ученый (австриец по происхождению) Г. Селье. Первый из них переводится как «напряжение». Но очень приблизительно. Недаром сам Селье в одной из своих книг пишет: «Слово «стресс», так же как «успех», «неудача», «счастье», имеет различное значение для разных людей. Поэтому дать его определение очень трудно,— хотя оно и вошло в нашу обыденную речь. Что это — усилие, утомление, боль, страх, необходимость сосредоточения, унижение публичного порицания, потеря крови или даже неожиданный огромный успех, ведущий к ломке всего жизненного уклада? Ответ на этот вопрос — и да, и нет. Вот почему так трудно определить стресс. Любое из перечисленных условий может вызвать стресс, но ни одно из них нельзя выделить и сказать: «вот это и есть стресс», потому что термин в равной степени относится и ко всему другому... Стресс есть неспецифический ответ организма на любое предъявляемое ему требование...»

Стрессы бывают сильные и не очень, длительные и кратковременные. Вероятно, любой из читателей сможет сам привести примеры. Многое здесь зависит не только от стрессора (фактора, обусловившего стресс), но и от нервной системы, кругозора, опыта, настроенности, обста-

ловки и еще целого ряда факторов. Один и тот же стрессор у одного может вызвать слабую реакцию, а у другого или даже у того же, но в иной ситуации — чрезвычайно сильную. Один о каком-то стрессоре через минуту и забудет, другой будет долго мучиться.

Кроме того, в каждом стрессе можно выделить несколько фаз. Первая из них — тревога, под которой понимают мобилизацию защитных сил организма для оказания противодействия стрессору. Обостряются зрение и слух, напрягаются готовые действовать мышцы, усиливается кровоток — повышается артериальное давление, из депо выходит находившееся там в резерве дополнительное количество крови.

Все это происходит под воздействием специального отдела центральной нервной системы - гипоталамуса — уникального образования, выполняющего в организме одновременно две функции: регуляции по линии нервной системы и по линии гормональной. По последней принадлежности гипоталамус выбрасывает в кровеносное русло так называемые катехоламины — гормоны адреналин, норадреналин и некоторые другие соединения. Перечисленные выше изменения (обострение зрения и слуха, повышение свертывания крови - чтобы в случае ранения кровопотеря была меньше и др.) наступают под воздействием катехоламинов. Реакцию, аналогичную стрессу, можно вызвать и путем введения гормонов шприцем.

Первая фаза длится меньше, чем потребовалось времени, чтобы прочитать о ней. Ведь большинство стрессоров — явления острые, активные, а потому и реагировать на них надо быстро, иногда мгновенно.

Вторая фаза — сопротивление. Однако понимать под этим словом надо сопротивление достаточно своеобразное, такое, в результате которого организм сохраняется. Это может быть приспособление, утрата чего-то второстепенного, какая-то, даже существенная, перестройка. Главное — сохранить себя, свою жизнь. А как это будет достигнуто — неважно. Научное название стресса — общий адаптационный синдром — стало возможным именно благодаря наличию второй фазы.

Продолжительность второй фазы значительно варьирует. Она может протекать мгновенно (выпрыгнуть из-под мчащегося на тебя автомобиля, увернуться от кулака), несколько минут (попытка вытащить крупного леща на поплавочную удочку) или даже часов (присутствие на

совещании у начальства, где анализируют вашу деятельность, просмотр многосерийного фильма). Длительность этой фазы часто соответствует длительности стрессора, хотя иногда, если стрессор оказывается слишком долгим, в организме могут произойти изменения, характерные для третьей фазы.

Третья фаза - истощение. У организма не остается материальных ресурсов для сопротивления. Исход этой фазы - смерть. От инфаркта миокарда, кровоизлияния в мозг, тромбоза важных кровеносных сосудов, сахарного диабета (некоторых форм).

Всегда ли развитие событий происходит по такой схеме? Оказывается, нет. Группа советских ученых из Ростова-на-Дону сделала открытие, обнаружив, что стресс включает не одну, а три самостоятельные реакции (можно сказать — есть три степени реагирования на предъявляемое организму требование). Одна, схема которой была только что рассмотрена, описана самим Селье. А вот какие реакции открыли ростовские авторы.

Первая - тренировочная. Это название точно отражает суть наступающих в организме изменений. Они достаточно поверхностны, слабой интенсивности. Совершающиеся в организме в этом состоянии процессы удобно сравнить с манипуляциями летчика перед началом полета — включая по очереди все системы самолета, пилот еще на земле проверяет их состояние и возможность выполнять работу. Еще правильнее сравнить эти процессы с занятиями на тренажере. Человек учится управлять автомобилем сидя в комнате, но приобретенные навыки безусловно помогут ему при вождении.

Как правило, тренировочная реакция наступает в случаях, когда на человека воздействует часто повторяющийся стрессор, что дает возможность выработать так называемый динамический стереотип поведения. Продолжая сравнение, процессы, происходящие в организме при тренировочной реакции, можно считать аналогичными таковым при вождении автомобиля. Первые самостоятельные поездки на машине обычно сопровождаются классической стрессовой реакцией, но по мере приобретения навыка они постепенно переходят в разряд тренировочных. И если не случается в дороге ничего необычного, бо́льшая часть или вся поездка проходит в тренировочном режиме, но он поддерживает постоянную готовность к экстренному и правильному реагированию на опасность.

Между прочим, общеизвестно, что среди, например, альпинистов, как и среди водителей, больше всего несчастий происходит не с новичками и не с асами, а, образно говоря, со «второразрядниками». И этому есть объяснение. Если для новичка любое восхождение (выезд) — классический стресс, а для спортсмена третьего разряда — тренировочная реакция, то для спортсмена второго или первого разряда и восхождение и выезд — дело настолько привычное, что никакого стресса не вызывает. В то же время знаний и умений, позволяющих продолжать действия с полной безопасностью (умение предусмотреть любую неожиданность, прогнозировать не только свое поведение, но и обстоятельства), все-таки не хватает.

Вторая реакция, открытая советскими специалистами, называется реакцией активации. По своей сути это — «золотая середина» стресса, наиболее благоприятное с медицинской точки зрения состояние. Именно благодаря достижению такой реакции стресс оказывает положительное влияние на здоровье. Это не только готовность к действию, выработка динамического стереотипа поведения, но и повышение тонуса мышц, улучшение питания внутренних органов, большими по сравнению с нормой выброс шлаков. Человек во время реакции активации сильный, бодрый, подтянутый. Он может совершить большой объем работы, у него наступает «второе дыхание».

В ответ на что развивается такая реакция? В большинстве случаев ее определяют не качество и длительность стрессора, а состояние организма, другие привходящие факторы. Однако стрессоры должны быть не чрезмерно сильными, а их эмоциональная окраска — позитивной.

Необходимо сказать и вот о чем. Вследствие того что гипоталамус имеет возможность из двух главных гормонов увеличить выработку только одного, стрессы различаются по качеству и в связи с этим разделяются на адреналиновый стресс жертвы (дичи) и норадреналиновый — стресс охотника.

Понятно, что жертве, чтобы не стать добычей охотника, надо напрягать все силы, проявить ловкость, выносливость. Но и от охотника, если он хочет вернуться с трофеем, тоже требуются обострение органов чувств, сила и выносливость. Иначе говоря, и одному и второму нужен стресс. И воздействие стрессора на организм и в том и другом случае будет почти одинаковым, хотя один убегает, а второй догоняет. Вот почему в эксперименте после

кинокомедии «Тетка Чарлея» концентрация катехоламинов увеличивалась. Мало ли, что комедия. Но и мышцы напрягались, и дыхание, и пульс учащались.

Какое-то количество гормонов в крови присутствует всегда, это обязательный фон, обеспечивающий тонус мышц и сосудов. А куда деваются избыточные порции, которые были выброшены в кровеносное русло при стрессе? Оказывается, вскоре после прекращения воздействия стрессора они разрушаются специальными ферментами. И человек успокаивается, расслабляется. У него наступает легкий, освежающий сон.

Но иногда так не бывает. Или ферментов не хватает, или гормонов было выработано больше нормы. Возникает дисбаланс. Остаточное количество гормонов, превышающее фоновые уровни, держит организм в состоянии постоянной боевой готовности. А опасности, стрессора нет. И тогда человек становится мнительным, подозрительным, напряженным. У него нарушается сон, он плохо отдыхает, повышаются реактивность и раздражительность.

Как в одном (не хватает ферментов), так и в другом (стрессы следуют друг за другом с малыми перерывами или оказываются слишком длительными) случае возникает постоянный избыток гормонов в крови — состояние, называемое дистрессом.

Дословный перевод дистресса — горе, беда, страдание, недомогание, несчастье. Но эти слова лишь приблизительно соответствуют истине. В отличие от стресса, который пусть не всегда, но все же приносит пользу организму, дистресс оказывает на организм только отрицательное влияние. Внешне это проявляется обострением хронических заболеваний, повышением восприимчивости к различным инфекциям, а также тем, что у человека постоянно угрюмое настроение, бессонница и ему не мил белый свет. У такого состояния есть еще одно название — психическая депрессия. К сожалению, депрессией страдают и взрослые, и дети, даже маленькие.

Есть ли спасение от дистресса? Да. И дело здесь вот в чем. Помимо специальных ферментов, разрушающих катехоламины, в организме вырабатывается еще одно химическое соединение, которое способно инактивировать и адреналин, и норадреналин. Это — молочная кислота работающих мышц.

Природа, создавая живые существа (а стресс испытывают не только люди, но, наверное, и все животные. Не

крайней мере, позвоночные — точно), предусмотрела одно очень важное условие — все стрессы обязательно заканчивать большим объемом физических движений. И среди животных, а до сравнительно недавнего времени (что такое десяток тысяч лет в масштабах мироздания) — и среди людей так все и происходило. Добывание пищи, борьба с врагами, защита от зверей, любовь, радость... Все сопровождалось энергичными движениями, большой физической нагрузкой. И если по какой-то причине какой-либо стресс не требовал такой нагрузки, то устраивались танцы, игры, спортивные соревнования.

Сегодня мы, а особенно наши дети, у которых потребность в движении гораздо выше, двигаемся мало. Стрессов же с каждым годом становится все больше. И опять-таки прежде всего у детей, ведь любого ребенка можно уподобить спортсмену новичку - все для него ново, требует освоения и адаптации. Так происходит наслоение двух взаимосвязанных, но самостоятельно развивающихся процессов — увеличения количества стрессов и резкого уменьшения движения, физической нагрузки. В результате возрастает число неврозов, случаев депрессивного состояния.

И одним из самых серьезных факторов, обеспечивающих прогресс как в одном, так и в другом направлении, надо назвать телевидение. Во первых, телевизор приучает к малоподвижности, во вторых, он вызывает (еще раз вспомните о шведском эксперименте) лишние долговременные стрессы, после которых, как правило, ребенок сразу ложится спать. А отсюда — плохое засыпание, кошмарные сновидения, нежелание вставать утром.

Можно ли с этим бороться? Даже необходимо. Другой разговор, что борьба эта трудная.

Надо прежде всего ограничить время просмотра той или иной передачи. Для детей 5—6-летнего возраста педиатры рекомендуют не более 30 минут в неделю, для учеников 1—2 классов 45—60 минут. Важно не только ограничивать время просмотра (при этом устраняются малоподвижность и отрицательное воздействие на глаза), но и подбирать специальные программы для детей, особенно младших, а также время, когда эти программы показывать.

Сначала несколько слов о том, когда показывать. Как видим — не перед сном, а чтобы у ребенка было время для двигательной активной деятельности. Хотя бы на про-

тяжении получаса. А если передача слишком эмоциональная (не обязательно страшная), этот промежуток можно увеличить, что компенсируется скоростью засыпания и качеством сна.

Теперь поговорим о том, что показывать. Г. Данилов предъявляет к репертуару детских передач вполне обоснованные претензии. Говоря о них здесь, я преследую одну цель — заострить внимание родителей, заставить их относиться критически даже к тем передачам, которые идут по центральному телевидению.

Абсолютное большинство сказок построено на конфликте добра и зла. Причем добро всегда побеждает (Данилов иронизирует — это означает, что сказочник способен совершать невозможное). Но мы часто не вникаем в механизм победы добра и не обращаем внимания на моральную сторону этой победы. К сожалению, нередко сказки оказываются прежде всего историями о насилии, о том, что во «взрослой» литературе получило формулировку «цель оправдывает средства»

В качестве примера Данилов анализирует сказку братьев Гримм о Гензеле и Гретель. Она переведена почти на все европейские языки, по ее сюжету написаны пьесы, опера, поставлено несколько балетов, а ведь по сути это жестокая история, в основу которой положены весьма сомнительные ценности.

Не будем подробно пересказывать сюжет, его наверняка многие помнят. Но вот на каких моментах надо остановиться. Уступая настоянию второй жены, добрый отец соглашается отвести детей в лес и оставить их на съедение диким зверям. Способствует ли такой поворот событий улучшению климата не в сказочной, а в реальной семье? Пусть при первом просмотре (или прослушивании) ребенок, увлеченный развивающимися событиями, не обратит на это внимания. Но при втором, третьем не закрадется ли мысль — никому, даже родному отцу, нельзя верить?

Далее. Гензель, оказывается, имел привычку подслушивать, о чем говорят взрослые. Прямо скажем, плохая это привычка, и вы дома не единожды говорили ребенку, что подслушивать нельзя. А вот в сказке именно благодаря этой привычке дети не заблудились — злобретательный мальчик набрал в карман белых камушков.

План мачехи и отца не удался. Но добрый отец вновь совершает предательство и уводит детей в лес. В этот раз камушков нет, а крошки склевали птицы. Третий мо

мент – противопоставление птиц людям. Не только те птицы, которые склевали крошки, по неведению становятся врагами, но и большая белая красивая птица оказывается не символом добра, а провокатором. Она повела детей к прелестному сахарному домику.

Четвертый момент — в красивом домике живет злая старуха-людоедка. Конечно, в жизни зло может надевать любую личину, но в сказках такое несоответствие (красивая птица – враг, прелестный домик — убежище людоедки) вызывает у детей сильный эмоциональный стресс, который запоминается надолго.

Но это еще не все. Чтобы освободиться, детям пришлось, во-первых, долго обманывать старуху-гурманку, которая не захотела есть тощего мальчика и посадила его на откорм, а он ей вместо пальца подсовывал прутик (мол, еще не поправился!), а во-вторых, совершить страшнейшее преступление — не просто убить, а изжарить людоедку. В этом месте Данилов говорит с сарказмом: «Остается неясным, съели ли Гензель и Гретель зажаренную старуху, что соответствовало бы стилю сказки, но братья Гримм об этом умалчивают».

Предпоследний эпизод — уходя из сахарного домика, дети обворовывают его — забирают с собой старухины бриллианты. Вообще-то мы не раз говорили своим сыну или дочери – брать чужие вещи, даже если ты нашел что-то на улице, не присваивай, ведь кто-то потерял, кто-то переживает, ищет. Но, оказывается, можно, если предварительно хозяина драгоценностей изжарить.

И последний момент. Мачеха умерла, отец с радостью встречает вернувшихся детей, но счастливо-то они зажили только потому, что принесли с собой чужое богатство. А если бы не принесли?

«Такова сказка», — восклицает Данилов. «Она содержит в себе немало поучений. Если не хочешь быть зажаренным — жарь сам! Если хочешь разбогатеть, пошли своих детей на съедение волкам. Не верь сахарным домикам, в них живут злые ведьмы!»

Бесспорно, далеко не все сказки столь жестоки. И, например, произведения Х. К. Андерсена, О. Уайльда, А. Линдгрен и ряд других учат человечности, состраданию, сочувствию, любви не только к родителям, близким, но и к природе... Короче, для показа по телевизору, для чтения ребенку всегда можно выбрать такую сказку, которая бы не противоречила тем нравственным принципам,

на основании которых вы воспитываете собственного ре
бенка. Но ведь об этом надо думать...

В заключение необходимо напомнить об эксперимент
в Швеции — любые фильмы, кроме видовых, вызывал
эмоциональный стресс. Можно ли уменьшить вред этого
воздействия? Вероятно, да. В этом убеждает еще один эк
перимент, проведенный в Калифорнийском университет

...Испытуемым добровольцам показывали фильмы
ритуалах австралийских аборигенов, но не о простых, а о
самых кровавых. За испытуемыми (это были студенты
велось наблюдение, у них изучалась концентрация гор
монов, регистрировалось изменение кожной электропро
водности.

Во время сцен, изображавших ритуальную операцию
испытуемые давали объективную картину стресса. Но и
ради доказательства стрессового воздействия кино прове
дил профессор А. Лазарус свое исследование. Он теоре
тически предсказал и хотел подтвердить опытом, что ре
акция на увиденное меняется в зависимости от установки
которую получают зрители до начала или при просмотр
фильма.

С этой целью испытуемых разделили на три группы
Первой сказали — ритуальные операции весьма болезнен
ны, очень опасны, в раны может попасть инфекция, воз
никнет нагноение, возможно, организм не справится с
болезнью и человек умрет. Второй дали противоположную
установку: ритуальная операция — это великий праздник
для всего племени, подростки с нетерпением ждут посвя
щения в мужчины, они встретят операцию с ликованием
Для третьей группы установка была нейтральная — ей
без всяких эмоций рассказали о незнакомых зрителям
обычаях австралийских племен.

Когда обработали полученные данные, выяснилось, чт
прав не только Лазарус, но и великий Шекспир, вложив
ший в уста Гамлета слова: «Вещи сами по себе ни хороши
ни плохи. Наша мысль делает их такими».

У детей установка достигается легче и быстрее, чем у
взрослых. Ребенок больше верит родителям, воспитателям
и меньше сам оценивает увиденное и услышанное. Отсю
да вывод — если нет возможности предотвратить просмот
(прослушивание) жестокой сказки, ребенку необходимо
дать другую, более правильную, снимающую стресс (или
значительно ослабляющую его) установку. Конечно, для
этого нам, родителям, дедушкам и бабушкам, придется

затратить и какие-то усилия, и сколько-то времени. Если мы знаем сказку — а многие сами были еще детьми, когда телевидение уже вошло в наш дом — то «переговорить» ее надо до начала передачи (так лучше), если не знаем — придется смотреть сказку вместе с ребенком и успевать «переговаривать» ее по ходу.

Прочтем еще раз слова Г. Башкировой, взятые в качестве эпиграфа к этой главе. Да, к сожалению, как бы ни хотелось нам этого, но главное в воспитании все равно придется решать самим. Желательно — не допуская ошибок, о которых здесь шла речь.

Глава шестая

ХВАТИТ ЛИ «ПРОСТО ЛЮБИТЬ»!

> Пусть дитя шалит и проказит, лишь бы его шалости и проказы не были вредны и не носили на себе отпечатки физического и нравственного цинизма; пусть оно будет безрассудно, опрометчиво, лишь бы оно не было глупо и тупо, мертвенность же и безжизненность хуже всего.
>
> В. Г. Белинский

Принято считать, что материнская любовь возникает у женщины с периода беременности. Так же бесспорно утверждение, что отцовская любовь появляется только после рождения ребенка, после регулярного общения с ним. Материнская (и затем отцовская) любовь — это любовь не за какие-то достоинства, а за то, что ребенок есть на свете, существует.

Материнская любовь — самое светлое и мощное чувство, которое позволяет беспомощному комочку жизни вырасти и стать человеком.

Материнская любовь свойственна не только большинству людей, но и многим животным. И грозная медведица и беспомощная (перед хищником или охотником) птичка защищают своих детенышей часто ценой собственной жизни.

Как правило, сегодня рисковать и жертвовать собой

ради ребенка женщинам нет нужды. И любовь от этого уменьшиться не должна. Но порой уменьшается. Потому что так уж устроен человек — он может совершить подвиг, который требует разового, единократного напряжения духовных и физических сил, но иногда не способен отстаивать, например, интересы ребенка изо дня в день.

Конкретно, если речь идет о материнской любви, авторы, специально исследовавшие эту проблему, называют ряд привходящих обстоятельств, которые оказывают отрицательное влияние на это чувство. Среди них — плохие взаимоотношения между супругами, конфликты матери с родственниками, соседями (если живут в одной квартире, в общежитии), начальством на работе, сослуживцами.

О причинах, почему материнская любовь иногда оказывается не такой сильной, какой она должна была бы быть, поговорим чуть позже. Здесь же надо сказать — многие неудачи в воспитании, отсутствие любви к матери, отказ выросшего ребенка от контактов с постаревшими родителями и нежелание помогать им материально уходят корнями в тот нежный возраст, когда сыну или дочери не хватило именно материнской любви. Об этом надо помнить постоянно и предпринимать все возможное, чтобы вред от этих «привходящих обстоятельств» свести до минимума.

Супружеские конфликты возникают и в бездетных (или еще до рождения ребенка) семьях, но причины их возникновения мы обсуждать не будем. Однако в ряде случаев, по крайней мере исключить подобного нельзя, конфликт вызывается именно тем, что есть ребенок. Молодая мама, полностью поглощенная своим первенцем, естественно, меньше внимания начинает уделять мужу. К тому же сразу после родов она еще и физически слаба, а необходимость часто подниматься по ночам способствует накоплению усталости. Если же малыш капризничает или болеет, у нее не остается сил не только на мужа, но и на себя — она перестает следить за своей внешностью. А все мужчины «любят глазами» и иногда в связи с этим у них может наступить сексуальное охлаждение.

И объективно в этот момент именно в ребенке женщина видит причину раздражения мужа, вспыхивающих по пустякам ссор. К тому же и сама она вследствие нервы напряжения и усталости часто бывает раздражена. А отсюда не ласковый голос, не любовная игра с младенцем, а сварли-

ливые укоры. И хотя ребенок еще не понимает значения слов — интонации, с которыми они произносятся, улавливает чутко...

Не меньший вред отношению матери к ребенку наносят и ссоры со свекровью или соседями. В наших звукопроницаемых домах плач ребенка хорошо слышен и через внутренние перегородки и через капитальные стены. И измученные бессонницей (о том, что и мать тоже не спала и мучилась, никто не думает) родственники или соседи не забывают высказать матери свои упреки, а это, сами понимаете, не доставляет ей радости. И вина за все опять-таки ложится на беззащитное существо.

Маленькие дети часто болеют. Ученые подсчитали, что, если среди взрослых трудоспособного возраста к категории часто болеющих (критерий — 2 и более заболеваний в год) относится примерно 5—7 % населения, то среди детей-дошкольников 45—50 % (4 и более заболеваний в год). Причины детской заболеваемости разнообразны, многое здесь зависит от недоработки медиков, низкого качества ухода за детьми в дошкольных учреждениях, от того, что матери не хотят или не могут оставаться с детьми дома хотя бы 3—5 лет... И мамы вынуждены подолгу ухаживать за больными детьми, а на работе на них бросают косые взгляды те, кто должен выполнять их обязанности, и с плохо скрываемой неприязнью разговаривают с ними начальники. Все это рикошетом бьет по ребенку, по материнской любви. И дети чувствуют это.

По утверждению Ю. Орлова, малыш в таких случаях даже начинает реагировать на мать как на опасный объект, приносящий страдание. И уж во всяком случае, «уличает» маму во лжи — то она говорила: «Ты самое дорогое мне существо!», а то бросает это «самое дорогое» ради работы. Значит, у ребенка появляется мысль — работа еще дороже... Конечно, именно такими словами ребенок свою мысль не облекает, но кто поручится, что, став постарше, он не выскажет ее? Далее Орлов добавляет: «Когда родители жалуются, что дети их не любят, можно с уверенностью утверждать: причина этого не в детях. Виноваты сами родители!»

Ну, а если материнская любовь ни от чего не страдает, если она светлая и сильная — хватит ли ее одной, чтобы ребенок вырос здоровым физически и психически, стал добрым и отзывчивым, любящим и внимательным, бескорыстным и благородным? Думаю — нет, одной любви

мало. Нужны еще знания, чтобы избежать ошибок в воспитании из-за «слепой» материнской любви. Вот что пишет Орлов по этому поводу: «Вообще потребность в эмоциональных контактах, в любви у ребенка сильнее всех его потребностей, даже пищевых. Если матери внушили вредную мысль: «Не бери ребенка на руки, иначе он привыкнет», если она последовательно проводит эту мысль в жизнь, то болезнь — отсутствие эмоционального контакта — станет хронической. Упорное сосание пальца, ночное недержание мочи, постоянный плач — вот далеко не полный перечень последствий этого».

Дети, даже самые маленькие (недельные, правда, редко, а в возрасте нескольких месяцев почти все) — большие хитрецы. Ребенок очень быстро усваивает — если мать берет его на руки только потому, что он мокрый, а до этого оставляет одного в кроватке или коляске надолго, то он постарается «быть мокрым» почаще. Ведь ему так нравятся ласковые прикосновения маминых рук, ее голос, внимание...

Став старше и делая первые шаги, ребенок вдруг обнаруживает — материнская любовь особенно ярко проявляется, когда он падает, ушибается. Здесь его и подхватят, и приласкают, и не один раз поцелуют. Так формируется условный рефлекс, подкрепляемый самым светлым чувством — любовью. И ребенок начинает нарочно падать, даже нарочно ушибаться посильнее — ведь «доза» любви оказывается прямо пропорциональной силе ушиба... Надеюсь, прочитав этот абзац, родители не перестанут подхватывать упавшего, не перестанут покрывать поцелуями ушибленное место. Но найдут время и возможность приласкать и не упавшего.

Рассмотрим еще один аспект взаимоотношений родителей и ребенка, требующий не только материнской любви, но и знаний. Речь идет о формировании у малыша понятия «нельзя». Образно пишет об этом М. Максимов: «Встанем на их (детей) место и прокрутим пленку назад. Нам полтора года, мы только что научились самостоятельно передвигаться и перед нами сразу открылся новый, удивительный, захватывающий мир. Вот ключи от нашинных ящиков, вот ваза с цветами, мамины часы, но самое интересное — кран на газовой плите. И все это надо сейчас же потрогать, положить в рот, все разобрать и во всем разобраться. Но стоит только протянуть к этому руку — «Нельзя! Не трогай! Не смей!»

Попробуем еще — тут уже можно и по рукам получить, и не только по рукам. И вот, наконец, маленький преступник за решеткой. Он тихо сидит в углу манежа и сосет соску. Он уже понял, что лучше всего — «сидеть тихо и не высовываться». Потому что как только высунешься — сразу получишь по рукам. Очень горько сознавать, сидя в клетке, что для твоих родителей все эти неживые вещи — папины книжки, мамины бронки и т. д. — значительно важнее, чем ты, чем твои живые чувства»...

Разве удивительно, спрашивает Макимов, и с полным основанием этот вопрос можем задать все мы,— что у наших детей иногда нет никаких желаний и интересов, что они безынициативны и инертны? Бездумное созерцание телевизора, бездумное слушание музыки, бездумное сидение на ступеньках подъезда. Да мы же сами годами подавляли инициативу, годами боролись с их интересами и желаниями. А потом эстафету от нас приняли воспитатели, учителя. «Нельзя! Не смей! Не трогь!» Если подсчитать, какие слова в течение дня слышит ребенок дома, в саду и школе, то эти три, наверное, окажутся чемпионами.

Что же делать? Ведь на самом деле нельзя позволять ребенку многое. А может, мы просто так привыкли. Может, нам проще все запретить, чем подумать о такой организации нашего жилья, при которой бы запретов стало значительно меньше. Разве обязательно вазу ставить на стол? Пока ребенок маленький, может, ей место на шкафу? Разве нельзя найти место для часов и бронек где-нибудь повыше, а не на подзеркальнике, а ключи не забывать вынимать из замка? И даже к вещам, по-настоящему опасным — колющим и режущим, горячим и обжигающим,— лучше всего научить относиться с осторожностью не путем запрета, а демонстрацией их действия. Пусть под вашим наблюдением ребенок и уколется и обожжется, пусть поболит немного — но это гарантированно защитит его в будущем от более серьезных последствий.

Одно из свойств человеческой психики — очень сильное желание сделать то, чего нельзя. Еще из библии известно, что самый сладкий плод — запретный. Зачем же искушать судьбу, зачем каждый день бояться — а вдруг, улучив момент (а такой момент рано или поздно может наступить), ребенок нанесет себе тяжелую травму или устроит пожар. Каждый младенец рождается с набором определенных инстинктов, но ведь должен же он приоб-

не отдельных детей, а целых коллективов (группа с груп-
ной, класс с классом, отряд в пионерском лагере с отря-
дом), то и здесь можно заметить многие негативные чер-
ты. Такое соревнование приводит к тому, что дети учатся
скрывать недостатки, а главное, делит коллектив на «хо-
рошних», приносящих ему больше победных баллов, и
«плохих» — из-за которых победа в очередной раз доста
лась сопернику. Ведь «хорошие» на самом деле далеко не
всегда такими являются, а «плохие» подвергаются упре-
кам, остракизму, презрению. Очевидно, соревнование до
пустимо и оправданно только среди людей сформировав
шихся, имеющих прочные нравственные устои и доста
точную степень гражданственности.

Еще один вид страха, с которым призывает бороться
доктор БИ,— страх стать взрослым. Родители часто пуга
ют детей: «Будешь плохо есть — не вырастешь, будешь
плохо учиться — пойдешь в дворники»... Но достигают
этим противоположного результата — ребенок не хочет
взрослеть, не хочет брать на себя ответственность, которая
обязательно ляжет на него, когда он вырастет. И если
плохой аппетит мало зависит от желания, это чаще всего
признак или нарушения обмена веществ в организме или
начинающегося заболевания, то нежелание учиться (зна
ния делают человека взрослым, поэтому учиться — оста
нусь маленьким) часто обусловлено именно «усилиями
родителей.

Обязательно надо преодолевать в ребенке страх про
сыпания. Откуда он? А вспомните свое детство. В ясли или
сад (да и в школу тоже) идти ужасно не хочется, а за
окном темно и, наверное, холодно и сыро. А в саду (школе
будут заставлять делать то, к чему не лежит душа, и не
разрешать делать то, что пожелаешь. И кто-нибудь из
детей обидит или ударит... Нет, куда спокойнее и приятнее
остаться под одеялом. Может быть, потом и захочется
встать, но не сейчас, не сразу. А мама спешит, злится,
нервничает, ругается... Вот бы сейчас заболеть или даже
умереть...

Как же преодолеть этот страх? Доктор БИ в своей кли
нике разрешает ложиться и вставать каждому тогда, когда
он хочет. Там нет побудки для всех (к сожалению, у нас
не только здоровых, но и больных детей, находящихся на
излечении в стационаре, будят в одно время. А ведь у де
тей в больнице гораздо больше оснований бояться и ро
биться — их ждут уколы, другие неприятные проце

ру, но с наступлением утра воспитатели приносят в на
дагу и кладут на каждую тумбочку что-нибудь вкуснень-
кое. И день у ребенка начинается именно с этого — сначa-
ла, чуть приоткрыв глазик, высматривает он лакомство,
потом, протянув ручку, утаскивает его под одеяло, а потом
уже и просыпаться не страшно.

Портят ли сладости аппетит ребенку? Доктор БИ счи-
тает, что нет — пока ребенок встанет, умоется, оденется,
желудочный сок вновь выработается в нужном количестве.
Тем более не всегда и не обязательно утром на тумбочке
окажется конфета — а может, яблоко, персик или стакан
сока.

Вообще, со сладостями в клинике ведут себя необычно.
Там есть так называемая сладкая комната, которая вроде
кладовки наполнена конфетами, печеньем, пирожными и
фруктами. Она, как и все другие помещения, не запира-
ется. Любой ребенок в любой момент может зайти туда
и взять всего столько, сколько пожелает. И когда ма-
ленькому человеку будет плохо, он забежит в сладкую
комнату, глянет на полки, уставленные лакомствами, и
на душе у него станет легче. Он может быть, ничего и не
возьмет, но почерпнет здесь новые силы для борьбы со
своими страхами, приступами беспричинной разруши-
тельной ненависти.

Не сказывается ли такое обилие сладкого на здоровье?
По мнению доктора БИ — если и сказывается, то поло-
жительно. Доктор считает, что если у ребенка доступ,
например, к конфетам ограничен, он при возможности на-
бросится на них и действительно может съесть много. Но
если они лежат постоянно, открыто, беззапретно, если
можно взять и сейчас, и через десять минут, и через пол-
часа, то возникает разумное самоограничение, опреде-
ляющееся скорее всего врожденными инстинктами в отно-
шении количества и качества пищи. И злоупотреблений
не наблюдается. Главное, чтобы была уверенность — эта
кладовка никогда не окажется запертой или пустой.

Не менее удивительно также отношение в клинике к
еде — и к режиму питания, и к диете. Дети едят только
тогда, когда им хочется, и только то, что им хочется. Ни-
каких ограничений и регламентаций. Конечно, среди ночи
ребенку не дадут суп или кашу, но молоко и хлеб (ну, и
сладости открыты) в столовой он всегда найдет.

Комментируя этот раздел книги Беттельгейма, Макси-
мов приводит пример из нашей жизни.

«Трехмесячный ребенок лежит в своей кроватке и, надрываясь, кричит — он голоден. «Ну чего он кричит? — начинает выходить из себя его мамаша.— Ведь я сейчас буду его кормить!» Она кандидат наук. Но скажите мне, почему так часто занятия наукой отбивают здравый смысл? Все, что нужно сейчас ученой мамаше,— это на минутку встать, а вернее лечь, на место ее ребенка. Но куда там. Придется лечь нам. Лежим, в животе пусто, а в душе ужас: мы остались без еды. Это ведь кандидат наук знает, что нас скоро покормят, а мы — нет. И в отличие от нее для нас это вопрос жизни и смерти. Если ее не покормить, она как-нибудь сама справится, а если нас не покормить мы погибнем, и очень скоро. Это очень страшный страх — остаться без еды».

К сожалению, во многих наших семьях еще применяется наказание как голодом, так и принуждением к еде. Это недопустимо. Лишение ребенка пищи приводит не только к психологическому дискомфорту, но и отрицательно влияет на его здоровье. И поэтому, если не произошло ничего экстраординарного (землетрясения, пожара, наводнения), дети не должны голодать. Ни большие ни малые. А наказание принуждением? Сколько раз вы ставили условие — не съешь первое, не получишь мороженое (компот, варенье). Чтобы съеденное усвоилось, необходимо выделение пищеварительных соков и во рту, и в желудочно-кишечном тракте. А для этого, кроме внешнего вида пищи, сервировки стола (и, естественно, аппетита, нужно и хорошее настроение. Будет ли оно хорошим, если мы принуждаем есть?

Иногда ребенок вообще не хочет есть, а взрослые его заставляют. «За маму ложечку, за папу ложечку...» Гораздо правильнее подумать, а почему нет аппетита. Может ребенок нездоров (старые врачи говорят — незачем кормить болезнь. Если человек, в данном случае неважно какого возраста, отказывается от еды из-за болезни, он поступает верно), может, у него нарушен режим не только питания, но и отдыха.

Наконец, еще одну полезную истину можно почерпнуть из рассказа Максимова о докторе БИ. Это — понятие о п о с т у п к е. Между действием и поступком большая, главное — принципиальная разница. Действие — это то, что совершает человек по принуждению. Поступок — то, что делает человек по собственному убеждению. И поэтому поступок не столько то, что делаем мы, сколько то, что делает нас. Отсюда вывод – если ребенка не заставлять, то даже умывание по утрам может стать поступком. И наоборот, при постоянном принуждении совершить самый

стоятельный поступок почти невозможно. Но ведь только в поступках и через поступки формируется личность.

Так что, нельзя заставлять ребенка умываться, чистить зубы, убирать за собой постель? Нельзя заставить идти в детский сад или школу, учить уроки? Нет. Все это не только можно, но и нужно делать. Но секрет воспитания, талант воспитателя заключается именно в нахождении «золотой середины», чтобы принуждение не воспринималось как безвыходная ситуация, а оставалось место и для поступка.

Один из вариантов воспитания поступком — собственный пример. Что же, неплохой вариант — папа утром делает зарядку, обтирание холодной водой и все это сопровождает радостными, бодрыми (пусть даже немного утрированными) возгласами. Можно утверждать, что сыну обязательно захочется узнать — почему это папа такой счастливый.

Итак, надеюсь, я сумел убедить вас, что одной любви для полноценного воспитания детей мало. Нужны знания — желательно, конечно, систематизированные, глубокие. Но, может быть, поскольку большинство родителей такими знаниями не обладает, есть смысл возложить обязанности по воспитанию на государственные учреждения — это будет проще, чем учить несколько десятков миллионов пап и мам секретам педагогики и психологии. Оказывается, «проще» - не всегда лучше. И в нашей стране такой опыт уже был. А. Лиханов, председатель Советского детского фонда имени В. И. Ленина, писал по этому поводу в «Правде»: «Глубочайшим общественным заблуждением оказалась теория, по которой детей должно воспитывать прежде всего государство. Достаточно вспомнить школы-интернаты, которые спешно возводились для того, чтобы забрать детей на всю неделю, высвободив родителей для труда и плодотворного отдыха. Под видом социального преимущества был нанесен социальный удар по семье. За краткий срок миллионам внушили, что о детях можно не печалиться. Семье ничего не оставалось, кроме как вкалывать да веселиться.

Плоды веселья общеизвестны. Идея «бесприбыльного» содержания детей в школах-интернатах скоро лопнула. Но вот что интересно. Ошибочную идею, как у нас часто бывает, раздували громогласно, а вот прикрывали ее втихую, так что мыльный пузырь лопнул, но многие до сих пор пребывают в святом убеждении, что за детей отвечает

только государство, только школа. Реабилитации семей-
ной ответственности за детей, родительского труда, вза-
имных обязательств друг перед другом не произошло по-
настоящему по сей день».

Практически невозможно обойтись без домашнего вос-
питания (воздействия на ребенка всей домашней обста-
новки, которая только так и дает воспитательный эффект)
когда речь заходит о внутренней и внешней культуре че-
ловека. Между этими культурами целая пропасть, причем
не столько в проявлениях, сколько в их природе. Внутрен-
няя культура основана на психологической способности
человека, которая, подобно памяти, музыкальному слуху
или вниманию, закладывается в ребенка в результате
определенной комбинации родительских генов. Правда,
так же, как память, музыкальный слух или внимание,
можно развить (и даже значительно) и внутреннюю куль-
туру. Внешняя же культура — набор привычек и навыков
поведения — не зависит от врожденной способности, об-
определяется научением и тренировкой.

Важно ли быть человеком внешне культурным, ве-
ливым? Бесспорно. Но гораздо важнее в человеке куль-
тура внутренняя. Вежливый, но бессердечный человек —
явление (к сожалению, не редкое) уродливое. Человек,
обладающий внутренней культурой, но не научившийся ве-
ливости, — явление нежелательное, но не трагическое.
Как же соотносятся между собой эти две культуры, к
их развивать, как сделать, чтобы они дополняли одна дру-
гую? Задача, прямо скажем, непростая, причем, как отме-
чает в одной из своих работ С. Соловейчик, то, что полез-
для образования привычки, чаще всего вредно для разви-
тия способностей и наоборот.

Соловейчик приводит такой элементарный приме
«Вы пришли в гости, принесли маленькому мальчи
подарок. «Что надо сказать?» — строго напоминает мам
«Спасибо»,— бурчит сын. Сказав одно это волшебное с
во, он как бы рассчитался с гостем. Ему вроде бы и нечег
теперь выражать благодарность улыбкой, радостью. Пр
вычка и вежливость укрепляются, сердечный слух притуп
ляется... Сто или тысяча таких упражнений — и от д
гоценного этого природного свойства не останется
следа».

Один мой приятель по роду службы несколько раз об
в Японии, где вел дела с различными фирмами. Он р
сказывал, что как бы ни складывалась обстановка на пе

говорах, какие бы неприятности участвовавшие в них стороны ни доставляли друг другу, совершалось все это при самых изысканных улыбках и безупречной вежливости. «Не знаю,— говорил товарищ,— что думал в некоторых случаях обо мне японец, но я порой едва сдерживался от желания бросить в него что-нибудь тяжелое. Однако и в эти моменты улыбались мы оба безукоризненно».

Вежливость, как утверждают специалисты, и была создана прежде всего для того, чтобы скрыть истинные чувства, точнее, чтобы истинные чувства не влияли на внешние проявления отношений. И поэтому когда детей приучают говорить вежливые «спасибо» и «пожалуйста», то делают это в первую очередь ради желания родителей хорошо выглядеть (о том, чтобы быть на самом деле, речь не идет) перед посторонними людьми, показать воспитанность сына или дочери. Дети же, не умея объяснить эту внутреннюю подоплеку, тем не менее отлично ее понимают.

Приучение к вежливости очень похоже на воспитание. На самом же деле между ними огромная разница. Подлинное воспитание возможно только тогда, когда на него тратятся душевные силы. При научении вежливости тратятся нервы. Воспитывать можно лишь любя ребенка, обучать вежливости — не только не любя, но даже ненавидя. Вежливым и внешне чутким можно сделать человека по принуждению (ставя в зависимость от чуткости зарплату продавца, удается достичь прекрасного результата), но развить сердечный слух, внутреннюю культуру таким методом нельзя.

Какие же ошибки допускают родители, воспитывая детей? Вот конкретная ситуация, описанная Соловейчиком.

«Мама учит сынишку важнейшему понятию - «нельзя». Он дотронулся до горячего, плачет. Мама поучает: «Видишь? Больно! Слушайся, когда мама говорит «нельзя». Иначе будет больно». И так на каждом шагу: «Нельзя, упадешь!», «Нельзя, разобьешься!», «Нельзя, простудишься!», «Нельзя, зубки будут болеть!..»

А ведь истинное «нельзя» не тогда, когда *тебе* больно, а когда больно *другому*! Направленное на другого, чувство другого — вот первое условие развития сердечного слуха 〈...〉

...Чтобы ребенок научился чувствовать другого, надо и в нем этого другого признавать. Вот мама решила воспитывать трудолюбие: «Подай... Принеси... Помоги...» Учит любить: «Я так устала... Пожалей маму... Покажи, как ты любишь маму...» 〈...〉 Какой же пример

видит ребенок перед собой с первых дней жизни? Перед ним всегда человек (да такой авторитетный — мама!), который постоянно жалуется, устает, нуждается в помощи, не может сам пойти и взять напер-сток, не считает зазорным каждую минуту обращаться с пустяковыми просьбами. Значит, и мне тоже можно жаловаться, затруднять других, и, если больно, громогласно объявлять о своей боли — пусть мама тоже страдает!

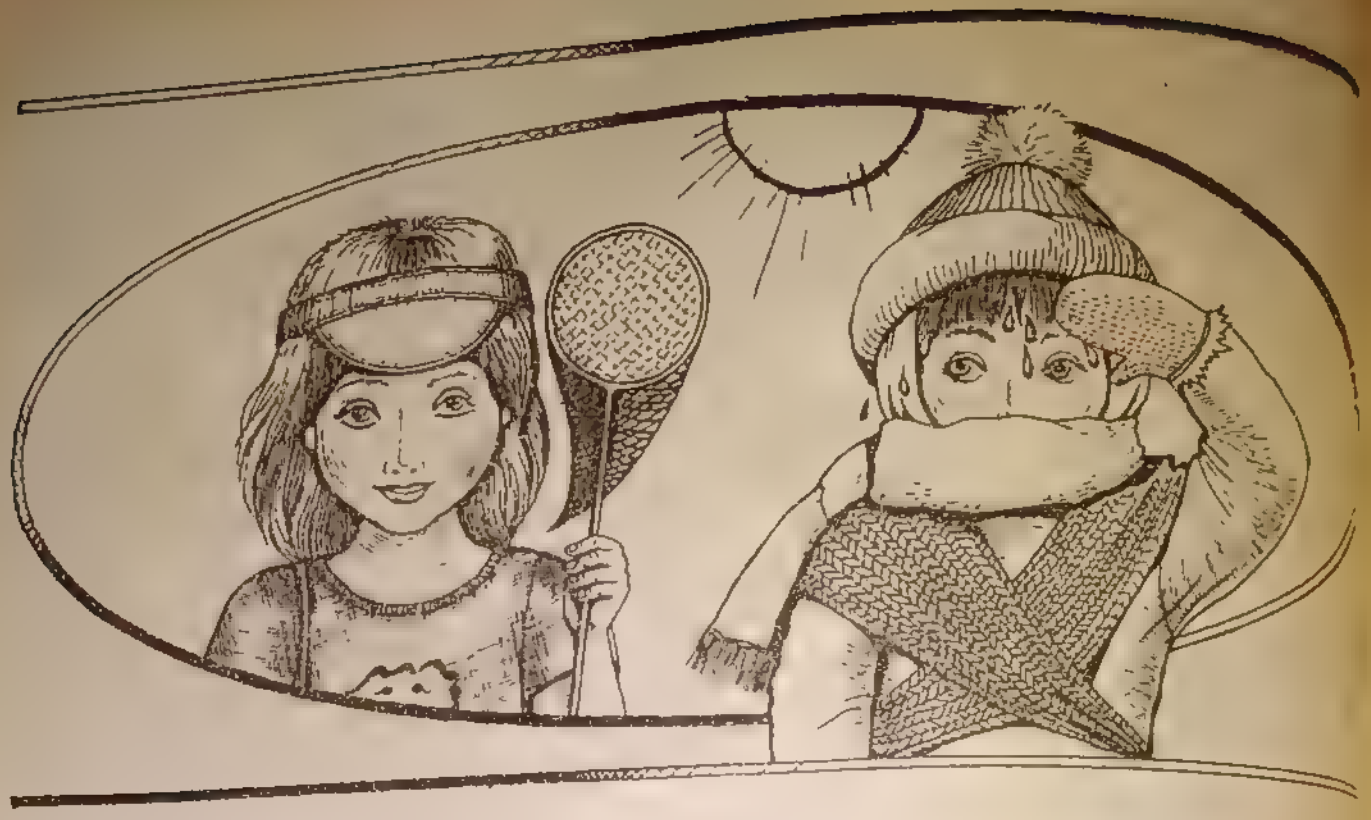
И совсем по-иному воспринимаются слова отца: «Мама устала, давай поможем ей!» Ведь в этой фразе звучит не жалоба, не призыв помочь м н е, а оценка состояния д р у г о г о. Конечно, только одних этих слов недостаточно, чтобы развить внутренний сердечный слух, но все-таки после них он будет развиваться, а не притупляться».

Внутренняя культура, воспитание подразумевают и доброжелательность оценок окружающих, терпимость к их недостаткам и привычкам, сочувствие, сопереживание чужому горю. Вместо этого родители часто если и не вместе с детьми, то в их присутствии осуждают своих приятелей, соседей, начальство, а то и учителей. Нельзя сказать, что это недопустимо. Но, во-первых, надо иметь в виду, что воспитателей, учителей, родственников, особенно дедушек и бабушек, вообще в присутствии детей осуждать нельзя, ну и во-вторых, в любом случае при этом нельзя терять такт, давать волю необъективности. К сожалению, для многих родителей просто-таки любимым развлечением является именно «перемывание косточек» ушедшим гостям, родственникам, знакомым и даже незнакомым людям (например, артистам, писателям). И «перемывают косточки» с таким «песочком», что становится жалко не только этого человека, но и ребенка, который слышит подобные разговоры. Правда, противоположная крайность — признание всех людей ангелами — также чревата неприятностями в последующей жизни, поскольку не учит ребенка объективно оценивать людей.

Совершенно недопустимо ставить ребенка перед необходимостью сделать невозможный выбор. «Кого ты больше любишь — мамочку или папу?» — заглядывая в глаза, спрашивает мама у трехлетнего сынишки. А он, такова природа ребенка, еще не любит никого, он еще вообще не способен на это чувство. Конечно, если больно, он вскрикнет «мама», да, с какими-либо трудностями он прибежит к отцу. А слушать сказку хочет, держа бабушку за руку. Но любить? И вдруг мама требует ответить... Хорошо, если ребенок промолчит. Еще лучше, если ему уже успели подсказать нейтральный ответ: «И маму, и папу, и бабушек, и дедушек...» А если нет? И хотя ребенок еще не

знает значения слова «предательство», он инстинктивно понимает, что выбор одного родителя называется предательством другого. Он смущен, растерян... Но в мозгу неосознанно появляется (а если такие вопросы задавать часто, то и укрепляется) мысль — в принципе можно и предавать, мама за это не рассердится...

Итак, еще раз подчеркнем — просто любить мало. Но неправильно думать, что воспитывать детей можно и вовсе без любви, основываясь только на знаниях. Доказано, что даже растения ощущают отношение к себе человека и рядом с одним цветут и благоухают, а с другим — только существуют. Так это растения...



Глава седьмая

ЗДОРОВЬЕ — ВСЕМУ ГОЛОВА

Рассчитано, что петербуржец, проживающий на солнцепеке, выигрывает двадцать процентов здоровья.

К. Прутков

Было бы странным, даже противоестественным, если бы в книге, написанной врачом, не было уделено внимания здоровью детей. И хотя общая тематика книги не медицинская, всякое взращивание и воспитание подразумевает заботу о здоровье. Но, следуя общей тенденции повествования, я не буду давать здесь советов по правильному вскармливанию, закаливанию, лечению различных заболеваний, а остановлюсь на ошибках, допускаемых родителями именно в этом плане.

Начнем с самого начала. С того начала, когда еще и ребенка как такового нет, а стоит лишь вопрос о его рождении. Уже на этом этапе очень многое надо знать и предусматривать...

...Чумой XX века назвал пьянство известный ученый И. Бестужев-Лада. Не менее резко отзывались о пьянстве и другие ученые, писатели, врачи. И это — не эмоциональный порыв, не преувеличение. Если взять только одну сторону проблемы — влияние алкоголя на здоровье детей, на появление у них различных уродств, то и в этом случае эпитет «чума» не гиперболизирован.

ОЛОВА

но, что петербур
й на солнцепеке, ы
ь процентов здоров

К. Прут

...воестественных ...
...было уделено вн...
...ч тематика книг...
...и воспитание ...
...ледуя общей т...
...ать здесь сове...
...иванию, лечени...
...ь на ошибках ...
...плане.
...го начала, кос...
...т лишь вопро...
...нь многое из...

...во известный ...
...отзывались о ...
...И это — не ...
...Если взять ...
...а алкоголь ...
...ничных ...

Долгое время у нас не обнародовались данные об уровне детской смертности, о числе наследственных и врожденных уродств (а главная причина последних — именно алкоголь), но когда в 1987 г. они были опубликованы, стало по-настоящему страшно. Более чем в 50 странах мира положение лучше, чем у нас.

Не надеясь существенно повлиять своей книгой на сознание супругов, решивших родить ребенка, не рассчитывая, что, прочитав ее, все сразу перестанут употреблять алкоголь, должен сказать — даже одна рюмка водки, один бокал шампанского, выпитые непосредственно перед зачатием или вскоре после него, могут привести к рождению неполноценного ребенка. Правда, если алкоголь попадет в организм до зачатия, то он одинаково страшен, когда выпьют будущие и мама и папа, если после зачатия — только мама.

Конечно, самое простое и надежное средство, гарантирующее отсутствие врожденной патологии у ребенка по вине алкоголя, — полный отказ от спиртного. Но если это невозможно, то необходимо хотя бы соблюдение таких интервалов воздержания (речь в данном случае не идёт об алкоголиках и пьяницах, у которых организм проспиртован до такой степени, что воздержание должно продолжаться многие месяцы и даже годы) — не менее двух недель для мужчины и не менее месяца для женщины. Для женщины, кроме того, и весь период беременности и кормления грудью.

Возможно ли такое? Если подходить к вопросу с чисто медицинской (точнее, медико-биологической) позиции — вполне. Организм человека устроен так, что ни в каком виде и ни в каком количестве алкоголь ему не нужен. И хотя в литературе, выпущенной до 1985 г., еще есть сведения о благотворном влиянии алкоголя на организм в некоторых ситуациях (например, провалился человек в прорубь или приходится делать хирургическую операцию в полевых условиях, как было во время войны, а наркотических средств нет), можно с полной ответственностью заявить — это влияние эффективно перекрывается другими, не только медицинскими, но и народными средствами, особенно если речь идет о переохлаждении. Горячий чай, малиновое варенье, липовый цвет, мед... Ну, и грелки, теплая ванна. Иначе говоря, алкоголь даже в экстремальных случаях не оказывается незаменимым веществом.

Обменные процессы в организме не нуждаются в ...
генном (поступающем извне) алкоголе, а реакции, в ...
ультате которых вырабатываются микробы эндогенно...
алкоголя, и реакции, использующие этот спирт, работа...
без нашего вмешательства. Даже наоборот — если пер...
дически подливать в организм экзогенный алкоголь, ...
выработка внутреннего спирта прекращается (как защит...
от избыточных его количеств). В этом, по мнению ученых...
суть появления алкогольной зависимости: отучив свой
организм производить нужное количество спирта, мы вы...
нуждены регулярно снабжать его путем возлияний.

Отрицательные последствия пьянства на детей на...
столько велики и многообразны, что только им одним...
можно посвятить целую книгу. Но детально рассматривая
эту проблему считаю излишним — литература по ней з...
последние годы вышла обширная.

Существенное значение имеет время зачатия и, следо...
вательно, время рождения ребенка. Под словом «время»
здесь подразумевается и возраст родителей и сезон года.

Продолжительность детородного периода для женщи...
ны составляет около 30 лет — с 16—17 до 45—50. Но в
этом периоде есть более и менее благоприятные отрезки.
Так, в силу ряда обстоятельств нельзя считать благопри...
ятным рождение первого ребенка как совсем юной (до
18 лет), так и уже не очень молодой (старше 30 лет) же...
щиной.

Таких жестких ограничений, особенно в зрелом во...
расте, для мужчин нет. Известны случаи, когда отцами
становились лица, много старше преклонных лет. Более
того, в некоторых исследованиях (правда, проводивших
они с целью оценить не физическое здоровье детей, а толь...
ко их умственные способности) показано, что чем старше
отец, тем чаще среди детей встречаются одаренные и та...
лантливые.

Конечно, не следует думать, что у каждой 30- и...
40-летней женщины первый ребенок обязательно родится
с патологией. На 1000 новорожденных таких детей может
оказаться 50—75, но это больше, чем среди детей, матер...
которых имеют возраст от 20 до 30 лет. Правда, статисти...
не может успокоить тех конкретных родителей, у которы...
родился неполноценный ребенок. Какое им утешение
знания, что 950 или 925 его сверстников нормальны,
ведь горе-то пришло именно в их семью. В то же время
привел эти цифры специально по разному случаю

...судьбы людей, и если кому-то не удалось родить пер...
...раньше, все обсудив и взвесив, возможно, и рискнет
...кто-то. Ведь в принципе статистика все же за него.

Следует учитывать также сезон года и срок наступле...
...беременности. Лучше, если ребенок родится весной
...или поздней зимой (вторая половина февраля, апрель,
...май). К этому времени уже заканчивается эпидемии гриппа
...и значительно снизится возможность заражения. Через
...несколько недель после рождения с ребенком можно
...будет подолгу гулять, подставляя его щечки под лучи теп-
...лого солнышка (прекрасное естественное средство про-
...филактики рахита). И мать сможет больше бывать на
...свежем воздухе, загорать (открытые руки, ноги, лицо по-
...глощают ультрафиолетовые лучи и в молоке появляется
...больше витамина Д). Если ребенок весной, то зачатие про-
...исходит летом, когда организм будущих родителей доста-
...точно окреп, отдохнул и все [illegible] (острые респираторные
заболевания), включая грипп, — позади.

Бесспорно, среди вас, [illegible] читатели, равно как
и среди ваших знакомых, [illegible] родились зимой и даже
осенью. И ничего, вырос[illegible] [illegible] собственных детей.
Верно. Но родителям пришлось [illegible] гораздо больше
усилий, чтобы вырастить их, [illegible] от бесконечных
насморков и пневмоний, рахита и плоскостопия. К тому же
смертность среди родившихся осенью выше, чем среди
тех, кто родился весной.

Тем, у кого ребенок родился осенью или зимой, обя-
зательно надо приобрести ртутно кварцевую лампу для
загара. Эти лампы выпускаются в нескольких модифи-
кациях, лучшая из которых — «Горное солнце» произ-
водства ЧССР. В этом аппарате, помимо кварцевой лампы,
есть два инфракрасных излучателя, что позволяет прово-
дить процедуры, даже если в комнате сравнительно про-
хладно — в потоке тепловых лучей ребенок во время про-
цедуры не остынет.

Но вот человек родился. Первые недели, примерно до
1—1,5 месяца, происходит перестройка организма ново-
рожденного и приспособление к существованию в еще не-
привычной для него среде. В это время ребенок наиболее
подвержен воздействию различных повреждающих фак-
торов — охлаждения и перегревания, бактерий и вирусов.
У многих детей появляется потница (часто — по вине
родителей. Используют очень большую клеенку, подкла-
дывают ее не поверх второй, теплой пеленки, а между

теплой и тонкой), образуются гнойнички, иногда гноятся глазки.

Распространенная ошибка мам — недостаточная личная гигиена (берут ребенка, предварительно не вымыв руки, пеленают в непроглаженные пеленки, целуют...) В некоторых случаях для борьбы с потницей используют не минеральную пудру на основе талька, а косметическую. Основу косметической пудры составляет рисовый крахмал, а он в теплом и влажном месте (в складках кожи) разлагается, образующиеся простые соединения раздражают кожу, в них поселяются микроорганизмы...

Здесь не затрагивается вопрос вскармливания детей — это слишком обширная тема, к тому же в каждом конкретном случае он должен решаться индивидуально. Но на одну характерную ошибку следует указать: родители чаще мама, не предпринимают ничего, чтобы удалить из желудка малыша воздух, который он проглатывает вместе с грудным молоком (особенно если оно течет легко) или смесью из бутылочки (способствует этому как слишком большое отверстие в соске, так и неправильное положение самой бутылочки, при котором смесь не заполняет соску полностью).

Попавший в желудок воздух может выйти из него (в виде отрыжки) только в том случае, если ребенка держать вертикально «столбиком». И именно так вот периодически поднимать малыша два-три раза за кормление. После того как воздух выйдет (это слышно), кормление можно продолжить.

Маленькие дети нуждаются в воде (на единицу массы) больше, чем взрослые. Во-первых, их нежная кожа испаряет воду не так экономно, во-вторых, они примерно два раза чаще дышат, чем взрослые (а с выдыхаемым воздухом тоже уходит влага). А главное — органы ребенка на $^3/_4$ состоят из воды и весьма чувствительны к недостатке даже небольшого ее количества. Поэтому надо обязательно следить за пополнением организма жидкостью. Хорошим индикатором обезвоживания у детей первых месяцев жизни является западение большого родничка.

Нельзя удержаться от совета, выполнение которого может в значительной степени помочь родителям в оценке объективного состояния здоровья ребенка при подозрении на заболевание. Надо научиться подсчитывать число дыхательных движений и частоту сердечных сокращений. В норме соотношение между ними составляет примерно

1:4. Если же оно уменьшается (т. е. появляется одышка) — надо незамедлительно вызывать врача.

О сосках-пустышках. В середине 60-х годов педиатры не рекомендовали их использовать. Считалось, что сосание пустышки способствует выработке ненужных привычек; когда она попадает на пол и даже одеяло, повышается вероятность заноса в организм инфекции.

Борьба с пустышками дала эффект, несколько лет большинство детей росло без них. И что же? Оказалось, отказ от пустышек принес вред. Участились случаи чрезмерного разрастания аденоидов, хуже формировалось носовое дыхание, дети чаще простуживались и болели пневмониями. Сейчас медики относятся к пустышке позитивно. Отрицательные же стороны применения пустышек устранять надо родителям — не оставлять соску у ребенка старше 1–1,5 лет, кипятить новую и тщательно мыть ту, которая полежала на пеленке, одеяле, полу.

Очень часто родители, и не только малышей, допускают ошибки, связанные с лечением заболевшего ребенка. Я имею в виду самовольное снижение дозы или преждевременное прекращение приема назначенного препарата. Руководствуются в таких случаях одним критерием — улучшением самочувствия, не зная механизма этого улучшения. Некоторые при этом добавляют что-нибудь вроде: «Сколько можно травить химией»...

А между тем преждевременное прекращение лечения (или уменьшение дозы) антибиотиками и сульфаниламидами приводит к необходимости назначать ребенку новые химические соединения в возрастающих дозировках. Дело здесь в следующем. Абсолютное большинство препаратов названного типа не убивают бактерии, а только задерживают их размножение. С учетом этого и антибиотики и сульфаниламиды должны находиться в организме в высокой концентрации не менее четырех суток.

Если же, как это нередко бывает, мама пожалела ребенка и перестала давать препарат к исходу, например, третьего дня, некоторая часть бактерий еще сохраняет свою жизнеспособность и может дать потомство, когда лекарство перестанет действовать. Но... как правило, выжившие бактерии уже малочувствительны или вовсе нечувствительны к данному препарату. И, чтобы сохранить жизнь ребенка, приходится прибегать к новым лекарствам.

Отрицательное отношение родителей вызывает назна-

чение детям уколов. Действительно, ребенок боится и вид
шприца, и непосредственно боли. Сделать укол — целая
семейная трагедия, в которой участвуют и родители, и де
душки с бабушками, и игрушки.

Какую же при этом ошибку мы допускаем? А вот ка
кую — вместо того, чтобы реабилитировать в глазах ре
бенка медсестру, сделать ее появление в квартире желан
ным (а для этого надо, встретив ее у порога, дать ей новую
игрушку, конфету, яблоко и она войдет в комнату с по
дарком ребенку), мы начинаем пугать ею, да и вообще
людьми в белых халатах. Недавно одна из медсестер с обо
дой рассказала со страниц «Комсомольской правды», что
некоторые родители учат детей целиться и стрелять в них
из игрушечного оружия.

Можно ли обойтись без уколов? Даже теоретически
нет. Потому что и совершенно здоровые дети в виде испы
ций получают прививки. Но при заболеваниях никакой
другой метод введения лекарств с уколами не сравнится.
Здесь важна и точность дозировки, и то, что препарат
попадает прямо в кровь, минуя желудочно-кишечный
тракт, в котором порошки, таблетки или суспензии в ту
или иной степени подвергаются разрушению. А поскольку
эта степень зависит от различных, далеко не всегда под
дающихся учету факторов — начиная от космических (в
дни вспышек на Солнце активность желудочного сока сни
жается) и кончая гастрономическими (что было на обед
гарантировать эффективность лекарства невозможно.

Я вовсе не сторонник избыточного введения лекарст
в организм. Я и своих и чужих детей старалась вылечить
минимальными их количествами (не по дозировке, а по
наименованию) или вовсе без лекарств, как говорят, на
родными средствами, но при необходимости все же назна
чал инъекции, а не пилюли. И колол, если приходилось,
не самыми тонкими иглами. Да, те, что потолще, на вид
страшнее, но зато лекарство вводится быстрее и вся про
цедура оказывается короче.

Ну, а чем лечить, если не лекарственными препара
тами? Как ни странно, но выбор средств большой. Зде
и горчичники, и горчичное обертывание, напрасно забы
тое даже педиатрами, и полуспиртовой компресс (ещ
одна распространенная ошибка родителей — предпоч
ние отдается компрессам на жировой основе. Но жирово
компрессы загрязняют кожу, ухудшают воздухооб
через нее, что создает дополнительную нагрузку для и

раженных легких. Жировые компрессы допустимы при одном условии — после них ребенка обязательно надо выкупать. А вот на это большинство родителей решиться не может), и банки, и теплые ванны для ног, и соллюкс, и прокаленные на сковороде соль или песок. Необходимо помнить также о целебных свойствах малины, липового цвета, лука, чеснока, черники... А при ангинах можно рекомендовать смесь — протертый с кожицей на мелкой терке лимон и равное количество натурального меда. Принимать по 1 3 – 1 2 чайной ложки 20 30 раз в день, запивая небольшим количеством теплой воды, лучше после предварительного полоскания горла.

Средств для безлекарственного лечения много, они разнообразны. А если их мало назначают, то виноваты в этом и врачи, и родители, которые не верят в безлекарственную терапию и иногда просто требуют выписать таблетки или порошки.

Педиатру требуется определенное мужество, чтобы назначить то, что необходимо для выздоровления ребенка, без оглядки на комиссию, которая расследует каждый случай смерти. А то ведь некоторые, понимая, что от выводов комиссии во многом зависит их собственная судьба и карьера, поступают по формуле: «Спасая больного, спасай себя». В простейшем виде это выглядит так врач знает, что в конкретной ситуации антибиотики, например, не нужны, он даже диагноз правильный поставил: ОРВИ острая респираторная вирусная инфекция. Антибиотики же, как известно, не только на вирусы не действуют, но, подавляя бактерии, облегчают вирусам «жизнь». И все же их назначает. Почему? Да с оглядкой на комиссию. Если вдруг ребенок умрет, комиссия зафиксирует «сделал все возможное» Если же не назначил, запишет «не сделал».

Я долго думал, вставлять ли в книгу эти горькие слова в адрес коллег. Принесут ли они пользу? Не подорвут ли веру в участковых педиатров, во врачей неотложной помощи, на которых с робостью и надеждой смотрят родители, когда малыш заболеет? Но как раз в те дни, когда писалась эта глава, были приняты Основные направления развития охраны здоровья населения и перестройки здравоохранения СССР в двенадцатой пятилетке и на период до 2000 года. В них предусматриваются революционные преобразования в медицине, в том числе возможность выбора врача самими пациентами или родителями ребен-

ка. И потому решил все-таки критику в адрес врачей оставить.

...Исполнилось малышу полтора года, и для большинства родителей со всей остротой встает вопрос — как быть дальше? Выходить маме на работу или воспитывать ребенка до 2—3 лет, пока он не окрепнет? В нашей стране около 17 млн детей дошкольного возраста посещают детские учреждения. И, согласно статистике, для полного удовлетворения потребности в этих учреждениях надо еще примерно 15 млн мест.

Проблема организованных детей — не только медицинская или педагогическая, но прежде всего социальная и материальная. Хочет ли и может ли мама на несколько лет выпасть из активной трудовой деятельности, сможет ли один папа (как правило, совсем молодой человек, без стажа и опыта) прокормить семью? Именно это в большинстве случаев определяет — пойдет ребенок в ясли или будет воспитываться дома. Однако обсуждение социальных проблем не входит в задачу данной книги. Поэтому поговорим о том, каково же ребенку в дошкольном учреждении? А ему там, мягко говоря, не очень хорошо. И — чисто медицинской точки зрения (организованные дети болеют в 3—4 раза чаще), и с педагогической...

За свою достаточно долгую врачебную практику мне довелось поработать и педиатром в детском комбинате, а в последние годы не раз обследовать дошкольные учреждения в составе разных комиссий. В одних из них было лучше, в других хуже, какие-то располагались в старых приспособленных помещениях, какие-то — в новых типовых. В некоторых (ведомственных) работники получали доплату за то, что дети не болеют, в некоторых (в РОНО) — нет. Но все равно везде детям в дошкольных учреждениях хуже, чем дома.

И ничего страшного в этом нет. Потому что влившись в коллектив из 20—30 человек, ребенок мгновенно теряет свою индивидуальность, даже свое имя (детей в саду называют по фамилии). Все вместе за стол, на музыкальное занятие, на прогулку или спать. Всем одинаковые сандалии, всем обливать стопы водой одинаковой температуры. Но ведь дети — не оловянные солдатики, отштампованные одним прессом. Они все разные и по характеру, и по исходному физическому развитию, и по состоянию здоровья. Однако учитывать их индивидуальные особенности ни практически, ни теоретически невозможно. Поэтому

какая-то часть детей (половина? четверть?) постоянно находится в дискомфортном состоянии. Это если говорить в целом о дошкольных учреждениях.

Но еще хуже детям в яслях. А. Захаров в «Неделе» (1988, № 13) пишет: «Годовалый малыш чрезвычайно привязан к матери, полностью зависит от нее. В непривычной, пугающей обстановке яслей, не видя продолжительное время матери, еще не умея обслужить себя, он плачет, бывает заторможен, пассивен или, наоборот, возбужден. Возникший стресс нередко сопровождается частыми заболеваниями, простудными и инфекционными...» Вывод из статьи (и я полностью в данном случае поддерживаю мнение автора) не оригинален, но категоричен: надо, чтобы ребенок хотя бы до 3 лет оставался дома, ясли вообще не нужны, за исключением крайне небольшого числа их для экстраординарных случаев — например, болезни родителей...

Острым вопросом для многих родителей является необходимость делать детям прививки от многочисленных инфекционных заболеваний. Родители активно выступают против них, забывая при этом, что на земном шаре уже нет натуральной оспы, что по крайней мере в нашей республике нет уже детского паралича (полиомиелита), что в виде редчайших случаев регистрируется сегодня дифтерия... Можно упомянуть о значительном, в десятки раз, снижении заболеваемости туберкулезом, корью и многими другими инфекционными болезнями. Да, об этом родители забывают. Зато помнят о возможности нежелательной реакции на прививку. И о том, что в мире растет количество аллергических заболеваний (но что здесь первопричина — прививки или химическое загрязнение среды?), что стало больше хронически протекающих процессов (о том, что, недолечивая, сами способствуем этому, не думаем. Проще же обвинять во всем прививки).

Конечно, можно понять любую маму — здоровому ребенку (а больному делать нельзя), который хорошо ел и спал, весело играл и улыбался, ввели что то, после чего он на 2—3 дня стал капризным, беспокойным, потерял сон и аппетит. Еще неизвестно, заболел ли бы он той дифтерией, а вот от прививки уже больной. Но должна же и мама понять — прививки без реакции не бывают. Собственно, прививка делается для того, чтобы в организме выработался иммунитет, т. е. невосприимчивость к болезни. А без реакции он выработаться не может. Другой раз-

говор, что реакция не должна быть чрезмерной и на, этим работают специалисты. Но здесь есть еще одна зако номерность. Чем более восприимчив организм к той или иной инфекции, тем более выражена реакция. Но и тем нужнее прививка такому ребенку.

Все сказанное выше, естественно, в полной мере отно сится и к подросткам и к взрослым. Им тоже делают прививки — и против кори, и против гриппа, и против столбняка... Кроме того, при выезде на работу в другие страны (африканские, южноамериканские, Индию, Вьет нам) прививают от ряда экзотических инфекций. Привив вают и доноров — чтобы в их крови образовались анти тела, необходимые для спасения жизни заболевших детей В каждом конкретном случае перед прививкой ребенка ли, взрослого обязательно осматривает врач и дает заключе ние — можно или нельзя прививать. Ну, а поскольку все сомнительные случаи трактуются в пользу запрещения вакцинации, думаю, можно соглашаться на прививку без боязни.

Ну, и наконец, последнее, о чем необходимо погово рить в этой главе,— о курении. Причем не о курении детей и подростков (здесь разговаривать не о чем – самый категорический запрет и самые строгие меры контроля за его выполнением: вред от курения, особенно для не окрепшего молодого организма, настолько велик, что для предотвращения его должны использоваться все доступ ные способы), а о курении родителей.

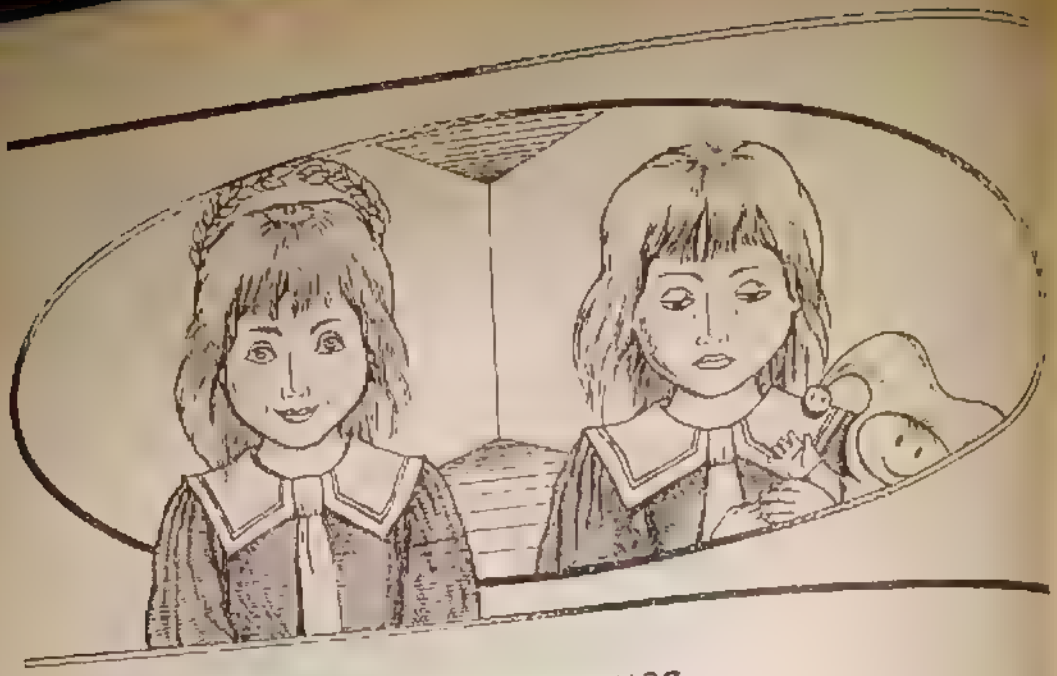
По негативному воздействию на здоровье курение успешно соперничает с алкоголем. И, вероятно, в ряде случаев даже превосходит его - частотой, регулярностью доступностью. Ученые, специально изучающие вред ку рения, чуть ли не ежегодно увеличивают список ядов содержащихся в табачном дыме. В начале 70-х годов в ли тературе приводились данные примерно о 300 ядовитых соединениях, имеющихся в табачном дыме. Сейчас их на считывают более 600.

Так же как в отношении употребления алкоголя, я не льщу себя надеждой, что, прочитав книгу, кто-то бросит курить. Но хочу оградить от отравы детей. Курить в ком нате, где находится ребенок (да, собственно, и любой другой человек), категорически запрещено. У табачного дыма есть коварное свойство – некурящих он отравляет сильнее, чем курильщиков. Это происходит потому, что у регулярно курящего в организме постепенно появляются

вещества-противоядия. Они, конечно, не могут полностью блокировать все яды (если бы это происходило, люди бы бросали курить без всяких медицинских подсказок — у них отсутствовал бы эффект отравления, ради чего, в сущности, и курят), но в определенной степени ослабляют их действие. У тех же, кто не курит, таких веществ нет, на них яды действуют сильнее.

Но гораздо категоричнее этот запрет для беременной женщины и кормящей матери. Большинство токсинов, содержащихся в табачном дыме, легко проникают через плаценту к плоду, а после родов — в молоко. И тем или иным путем достигают плода или ребенка, причем в дозах, которые без преувеличения можно назвать «лошадиными». Если надо дать лекарство ребенку первых месяцев жизни, дозу взрослого уменьшают в 24 раза. Плоду лекарства пока не дают, но если бы потребовалось, то дозу уменьшили бы еще минимум в 2 раза, т. е. дали бы 1/48. Сигарету же выкуривают примерно за 45 -50 затяжек. Следовательно, плод получает дозу, в 50 раз бо́льшую, чем он может воспринять в соответствии с возрастными нормами...

Здоровье — всему голова. Здоровье взрослого закладывается в детском возрасте. И даже еще раньше, когда ребенок и не родился. И если мы хотим (а мы ведь этого хотим), чтобы наш ребенок жил не только долго, но и был все годы жизни здоровым, чтобы девиз, утвержденный Всемирной Организацией Здравоохранения, «приблизить жизнь к годам» воплотился в практику,— надо прежде всего заботиться о здоровье ребенка.



Глава восьмая

НЕ ЗАГОНЯТЬ В УГОЛ...

Волк не может нарушить традиций.
Видно, в детстве, слепые щенки,
Мы, волчата, сосали волчицу
И всосали — «нельзя за флажки!»

В. Высоцкий

Прошу у читателей прощения за то, что эпиграф и начало этой главы имеют несколько зоологический уклон. В оправдание скажу, что биологическая основа в человеке сильна и с некоторыми оговорками, но результаты, получаемые в экспериментах на животных, можно переносить и на людей. Например, результаты исследований члена-корреспондента АМН СССР Г. Косицкого.

...По специальной методике одних крыс (группа А) воспитали так, что зверьки искали и находили выход из трудной ситуации. Для этого экспериментаторы, в-первых, моделировали не безвыходные условия опыта, во-вторых, стимулировали животных к поиску, в-третьих, иногда чуть-чуть «подсказывались» — облегчали нахождение выхода, но как бы то ни было, через некоторое время тренировок все крысы в этой группе были приучены к «мысли» — если хорошо поискать, выход обязательно найдется.

Крысам из группы Б создавали безвыходные условия. Задания им давали невыполнимые, опыт проводили так,

ол...

кет нарушить традиц
тстве, слепые щенк
, сосали волчицу
— «нельзя за флажк

В. Высоцк

то, что эпиграф
зоологический
кая основа в чл
по результаты
ых, можно пер
исследований
ицкого.
группу крыс
али и находил
кспериментат
дные условия
к поиску, в
облегчали пы
срез некоторо
ли были при
двух обыкнов

что любая попытка поиска наказывалась. И очень быстро животные привыкли отказываться от поиска. Если бы они умели говорить, то вправе были бы заявить: «Искать не имеет смысла»... Такое состояние Косицкий назвал «обученной беспомощностью».

После окончания обучения крысам предоставили несколько месяцев отдыха, а затем с ними провели следующий этап эксперимента. Всем без исключения привили злокачественную опухоль и создали очень трудную ситуацию, которая не встречалась ни в одной из групп в период тренировки. Результат оказался ошеломляющим: все зверьки из группы Б погибли от рака, а из группы А выжили. Представляете, те, которые искали (пусть даже и не находили), – остались живы, те, которые примирились с невозможностью найти выход,— погибли.

Самоизлечение привитой злокачественной опухоли — чрезвычайно сильный и доказательный тест. Это не сомнительная температурная реакция, зависящая от десятка различных факторов, это не субъективная оценка состояния: возбуждено животное или не очень. Здесь нет возможности «натянуть» результаты в угоду какой-либо гипотезе, а конкретно: «да» или «нет». И вот к такому однозначному ответу приводит наличие или отсутствие поисковой активности (у людей это называется активной жизненной позицией).

Утверждать, что наука сегодня полностью разобралась с происхождением злокачественных новообразований, нельзя. Хотя, бесспорно, многое известно. И, в частности, можно считать доказанным, что в организме каждого человека постоянно возникают клетки (назовем их условно раковыми), способные к безудержному, т. е. злокачественному, размножению. И то, что в абсолютном большинстве случаев такого размножения не происходит, заслуга нашей иммунной системы, которая выявляет и уничтожает переродившиеся клетки. Но ведь иммунная система защищает нас от сотен других заболеваний: бактериальных, вирусных, аутоиммунных. Следовательно, оценивая эксперимент Косицкого, мы должны вспомнить (ведь речь в книге идет о детях) о бесконечных ОРЗ, пневмониях, холециститах...

Конечно, записывая в карту развития ребенка в пятый раз за его короткую жизнь диагноз «пневмония», педиатр не думает, имеется ли у ребенка активная жизненная позиция, созданы ли ему условия для поиска. Да и роди

тели, естественно, вспоминают в этот момент, где и как он мог простудиться, не был ли в контакте с больным. И вот, оказывается, не одна простуда, не одни микробы в заболеваемости детей виноваты... Поэтому исследования Косицкого имеют огромное значение, и не будем забывать о них.

Любой человек, а ребенок в особенности, склонен к поиску. Это выражается в той большой, многообразной и постоянной интеллектуальной работе, которую совершает мозг, если, конечно, его в детстве от этого не отучили.

Бесспорно, ребенок способен усваивать и «переваривать» знания и без участия взрослых, а помимо этого, «имеющий глаза да увидит, имеющий уши да услышит»... Но давать оценку увиденному и услышанному, «примерять» его на себя без помощи взрослых он не сможет.

Процесс поиска имеет несколько стадий и форм. Вот что пишет по этому поводу Косицкий. «...Первая степень — напряжение — это состояние труженика, у которого спорится работа, ученика на экзамене, когда он знает предмет. Поставьте более значительную цель, когда средств для ее достижения недостает. Возникает стеническая отрицательная эмоция. Вместо радости — ярость, гнев, а физиологически — вегетативная буря, когда все внутри кипит. Если цель еще более значительная, а средства соответственно еще меньше, возникает астеническая отрицательная эмоция. Психологически — это состояние ужаса, тоски, страха, а физиологически — это угнетение интеллектуальных и физических сил человека. Страх превращает человека в ничтожество, не способное действовать. Страх открывает дорогу болезням. Подумайте сами, к каким последствиям ведут чувство страха ученика перед учителем в младших классах и всем знакомая тоска старшеклассника, идущего на урок...»

О пагубном последствии воспитания страхом, в частности страхом наказания, уже говорилось (см. гл. 6). А здесь немного о том, что мы, взрослые — родители и учителя, - часто ставим ребенка именно в безвыходное положение. Известно, что программа средней школы рассчитана на среднего ребенка (подростка), но в силу разных причин многие дети не способны учиться хотя бы «среднем». И требования, предъявляемые к таким детям, оказываются чрезмерно завышенными, практически невыполнимыми. Возникает «обученная беспомощность».

Возможно, происходящая в стране реформа всех уровней образования изменит положение в лучшую сторону, но предсказать заранее, каковы будут ее результаты и когда они наступят, сейчас невозможно. Однако в любом случае участие родителей в повышении уровня жизненной активности своих детей — дело необходимое.

В воспитании нет и не может быть мелочей. И потому надо все время следить за собой, за репликами своих родственников и друзей, в частности относящимися и к проблеме обучения. Мать (отец) возвращается домой с работы, звонит вечером дедушка или бабушка, приходят гости... И каждый считает своим долгом спросить у ребенка: «Ну, что сегодня получил?» Отметку фетишизируют, отметке придают гиперболизированное значение. А спросить надо: «Что сегодня узнал нового? Было ли что-нибудь сегодня в школе интересное?» Но дети настолько отвыкли от подобных вопросов (в первом классе они именно таких ждали, сами стремились рассказать, но нам не хватало времени выслушать), что теперь пугаются их, не знают, что отвечать, и потому поскорее переводят разговор именно на отметки — даже оправдываясь, почему получил двойку, можно утопить спрашивающего в словах. Проанализировать же и выделить в событиях дня «что было нового, интересного» трудно.

В некоторых случаях мы, родители, искусственно ставим ребенка в безвыходную ситуацию. Это возникает тогда, когда мы излишне завышаем его способности, уверяем его в том, что он «создан для большего». Наше необъективное отношение, неумеренное восхваление приучают ребенка к переоценке своего «я», и столкновение с реальной действительностью иногда обусловливает серьезные конфликты. Здесь можно провести аналогию с довольно часто встречающимся состоянием гиповитаминоза С у дошкольников.

Как известно, уже более 20 лет пищу в детских яслях и садах обогащают витамином С. Постоянно, изо дня в день. Организм детей привыкает к этому, более высокому уровню. Но вот ребенок заболел и его на несколько дней оставили дома. И если родителям никто не сказал, чтобы они давали витамин С в такой же или даже в связи с болезнью несколько большей дозе, они и не дают. И получается, что в момент, когда потребность в этом витамине особенно велика, ребенок его получает меньше обычного. Развивается гиповитаминоз С. При этом, если мы аб-

страктно проанализируем качество домашней пищи, то
найдем ее вполне полноценной по содержанию витамина
С. Но, несмотря на это, возникла витаминная недостаточ-
ность.

Так же и с воспитанием. Постоянно завышая реальный уровень компетентности, готовя ребенка только к званию генерала (по пословице — плох тот солдат, который не мечтает стать генералом), мы обрекаем его на обученную беспомощность. Не менее опасна и другая крайность — постоянное неверие в силы и возможности ребенка, а хуже того — ежеминутное подчеркивание его недостатков, упреки в совершенных и будущих ошибках.

Образно говоря, очень важно не загонять ребенка в угол. Делая замечания, надо следить не только за интонацией голоса, но и за тем, с какими конкретно словами вы обращаетесь к сыну или дочери. К сожалению, чаще всего при этом употребляются эпитеты, подчеркивающие наличие сформировавшегося характера: неряха, бестолковый, лгун... Подсознательно ребенок понимает — раз мама так считает, то стараться стать лучше, честнее нет возможности.

Правильнее вообще не давать детям обобщенных характеристик, ни положительных, ни отрицательных. Хотя умеренно положительные еще допустимы (ты хороший мальчик, ты смышленая девочка). Но оценивать поступок надо сразу же. И говорить примерно так: «Зачем же ты наврал? Теперь давай уберем...». Но ведь ты же говоришь неправду, а теперь скажи, как было на самом деле?»

В приведенных примерах видно главное отличие традиционной оценки от рекомендуемой — в последнем случае всегда есть возможность для исправления. Вы оказываете ребенку доверие, поднимаете его на более высокий уровень... Практически не бывает, чтобы такое отношение не вызвало в его душе ответного отклика.

Надо воспитывать детей честными, добиваться, чтобы они всегда говорили правду, и наказывать за ложь. Но ложь необходимо обязательно отличать от детских фантазий. А фантазии у детей не только более буйные, но и «переалистические», если так можно выразиться. Из-за недостатка знаний, нехватки опыта дети часто обманывают, фантазируя о том, чего не может быть в принципе. Например, встречаю я как-то на лестничной площадке соседа-первоклассника. У меня в этот день отгул, и я в ра-чее время дома на законном основании, а вот ты поч-
ик:

ке на уроке, спрашиваю. А он отвечает: «У нас прорвало трубу отопления, весь класс залило водой и даже парты плавали и качались...»

В совершенно реальную ситуацию (трубу действительно прорвало) ребенок внес маленькую деталь — качались парты. Как поступить в этом случае? Рассказать ему о законе Архимеда и силой авторитета уличить во лжи? Или сделать вид, что поверил, и дать возможность верить самому в эту выдумку до тех пор, пока не начнет изучать физику? Думаю, второй вариант более правильный.

Отличить ложь от выдумки достаточно легко — фантазируя, ребенок не преследует корыстных целей. Обманывают же дети всегда ради чего-либо. Часто чтобы избежать наказания. И вот здесь, к сожалению, поведение взрослых может оказать на ребенка провоцирующее (или стимулирующее нечестность) влияние. Особенно если мы спешим наказать, не вникая в суть дела. Удачный обман, позволивший избежать наказания, а иногда обман, в результате которого пострадал невиновный, вызывает в гонении ребенка положительные эмоции, оправдывает его в собственных глазах, облегчает ложь в последующем.

Не следует «загонять в угол» детей и в ситуациях, когда то или иное поведение обусловлено конституциональными особенностями. Еще древние делили всех людей на четыре категории — холериков, сангвиников, флегматиков и меланхоликов. Сегодня в научной литературе применяются другие термины для обозначения типов высшей нервной деятельности: сильный уравновешенный, сильный неуравновешенный и т. д. Эти типы существуют объективно, и хотим мы того или нет, но и мы сами, и дети наши к одному из них принадлежим. Поэтому один из нас изначально упрямы, другие — взрывчато-вспыльчивы, у третьих слезы на мокром месте. И дразнить сына за то, что он чрезвычайно чувствителен и по любому поводу может заплакать, недопустимо — он в этом не виноват.

Но особенно отрицательно сказывается на детях такое воспитание при ночном недержании мочи. Дети, как правило мальчики, мучительно переживают этот свой недостаток. А родители недоумевают. «Наказываю его каждое утро, а он все равно мочится в постель»,— достаточно характерная жалоба матерей на приеме у педиатра. И когда говоришь им, что не «все равно», а чаще всего — «из-за этого»,— многие не верят. «Ну что ему, трудно попроситься»,— а раз не трудно, значит мочится нарочно, назло.

Если бы, как советует Я. Корчак, мамы могли поста
вить себя на место ребенка, то они бы поняли не нака
зывать надо сына, не напоминать об этой слабости, а от
влекать его внимание всеми доступными способами. Вме
сте с ограничением жидкости вечером, с кусочком селедки
или вяленой рыбы на ужин (соль удерживает воду в тка
нях и в какой-то степени уменьшает наполнение моче
вого пузыря) отвлечение внимания - реальный путь
борьбы с этим «грехом».

Механизмы возникновения ночного недержания мочи
могут быть разные — от анатомического дефекта в области
спинного мозга до чисто психогенного. Последний встре
чается наиболее часто. И вот что при этом происходит.
После одного-двух таких «грехов» (с кем из детей не бы
вает?) родители начинают усиленно напоминать, а то и
ругать, и наказывать сына. Ребенок и сам хочет проснуться
сухим, но вследствие того, что он постоянно думает об
этом, наступает парадоксальная реакция — случаи недер
жания мочи учащаются. Потому что в мозгу образуется
доминанта, очаг возбуждения. Он мешает ребенку заснуть.
Мальчик мучительно ждет — когда же ему захочется по
мочиться, с тем чтобы не пропустить этот момент. Но уста
лость берет свое — он засыпает. И тут же, буквально в
самый момент засыпания, ему снится сон (а что в этом
странного, ведь он же только об этом и думал), что он уже
в туалете, что можно наконец-то расслабиться и...

К проблеме, скажем так, соразмерности проступка
и наказания за него относится вопрос обоснованности тех
или иных требований, которые предъявляют взрослые к
детям. Ибо достаточно часто мы не объясняем необхо
димость или пользу их, а если настаиваем на обязательном
исполнении, используя лишь силу своей власти, то вызы
ваем более или менее активный протест. Необходимо не
пожалеть времени и раз, и другой, и третий растолковать
ребенку, почему надо, например, чистить зубы, застилать
кровать, аккуратно складывать одежду.

Но далеко не всегда мы можем объяснить это «почему».
А иногда, признаемся, наши требования и вовсе выглядят
абсурдно. Зачем, например, добиваться, чтобы все кровати
в спальне детского сада были застелены одинаково? Кра
сиво? Это как сказать: может быть, если все застелить
по-своему, будет красивее. Зачем в пионерском лагере
ежедневно убирать с территории сосновые шишки? Прос
потому, что вожатому лень подумать, чем занять детей

Нередки подобные ситуации и дома: стул должен стоять здесь (почему?), велосипед — здесь, игрушки лежать в таком порядке, а карандаши — только так... Можно назвать десятки случаев, когда невиновные в наших необоснованных претензиях дети страдают.

Разновидностью «углового воспитания» являются и попытки низведения детей более старшего возраста до уровня младших. М. Максимов приводит такой эпизод из своего школьного детства:

«Как-то в классе третьем-четвертом у нас в школе завели такой порядок. Утром у входа нас встречала милая пионервожатая в белом халатике с красным крестом. Мы показывали ей ладошки и входили в школу. Если у тебя ладошки грязные, ты отправляешься в умывалку, а затем в класс. Никого не наказывают, не высмеивают — инцидент на этом считается исчерпанным. Но я до сих пор помню то неясное чувство неловкости, стыда, унижения... Казалось бы, все правильно: чистота — залог здоровья. Но когда тебе десять лет, ты — взрослый человек, а эти ладошки низводят тебя до уровня трехлетнего ребенка».

Не только в школе или пионерском лагере взрослые любят унижать и наказывать (а унижение — это всегда наказание) детей, но и дома родители, не задумываясь, поступают так же. Проверяют выполнение домашних заданий (не спрашивая, как у взрослого, ответа, а придирчиво рассматривая тетради), обыскивают карманы, подглядывают из-за угла, с кем пошла дочь на дискотеку... Так что, нельзя контролировать собственных детей? Нет, почему же, и можно и очень нужно. Но относиться к ним с уважением, видеть даже в десятилетних ответственных людей, а не считать десятилетних дошкольниками. Проверяйте и знания и карманы, знайте друзей своей дочери — и в лицо, и из какой они семьи, но не унижайте ребенка.

«Угловым» оказывается воспитание и тогда, когда мы, взрослые, вводим для детей коллективную ответственность. Ах, как мы любим это - за срыв урока, за плохое поведение, за неучастие в мероприятии наказываем не одного-двух на самом деле провинившихся, а весь класс или отряд. Но ведь давно известно — только персональная ответственность и возможность отвечать за свои поступки являются мощными воспитательными средствами. И совсем противоположные результаты достигаются обезличенной всеобщей ответственностью коллектива, которая фактически является безответственностью.

Подобная ошибка присуща и некоторым родителям,

когда в семье несколько детей - виноват один, а морож-
ного (обещанной прогулки) лишаются все.

За что же мы любим коллективную ответственность?
Да за то, что она бережет наши нервы, экономит силы и
время — зачем разбираться, зачем докапываться до исти-
ны, если можно всех сразу «поставить в угол». А то, что
этим мы воспитываем ябедников, двурушников, крушим
зарождающуюся в коллективе дружбу, — нас нисколько не
волнует. «Личный покой — превыше всего»,— как гово-
рил А. Н. Райкин.

Естественным исходом «углового» воспитания можно
назвать часто встречающуюся депрессию. Вообще-то при-
менительно к детям этот термин стал употребляться сра-
внительно недавно и то в основном пока в зарубежной
литературе. Тем не менее страдают депрессией и наши
дети. А поскольку, как показывает статистика, депрессия
является причиной не менее 60 % самоубийств и пример-
но такого же процента увлечения наркотиками и алкого-
лем, да еще если учесть, что начинается она в детском и
подростковом возрасте, то уделить ей внимание необхо-
димо.

Когда человеку становится «не мил белый свет» и им
овладевает глубокая печаль, не проходящая со временем,
это уже не настроение, а недуг. Довольно образно наступ-
ление депрессии описано в американском журнале «Нью-
сук»: «Она овладевает нами так же незаметно, как но-
ябрьский туман, рождая холод в сердце, подавляя волю
даже к тому, чтобы утром встать с постели. Жертвы ее
часто чувствуют ужасное одиночество, ощущение стран-
ного присутствия «вне себя» наподобие призрачных на-
блюдателей собственной жизни, не способных чувствовать
человеческую теплоту».

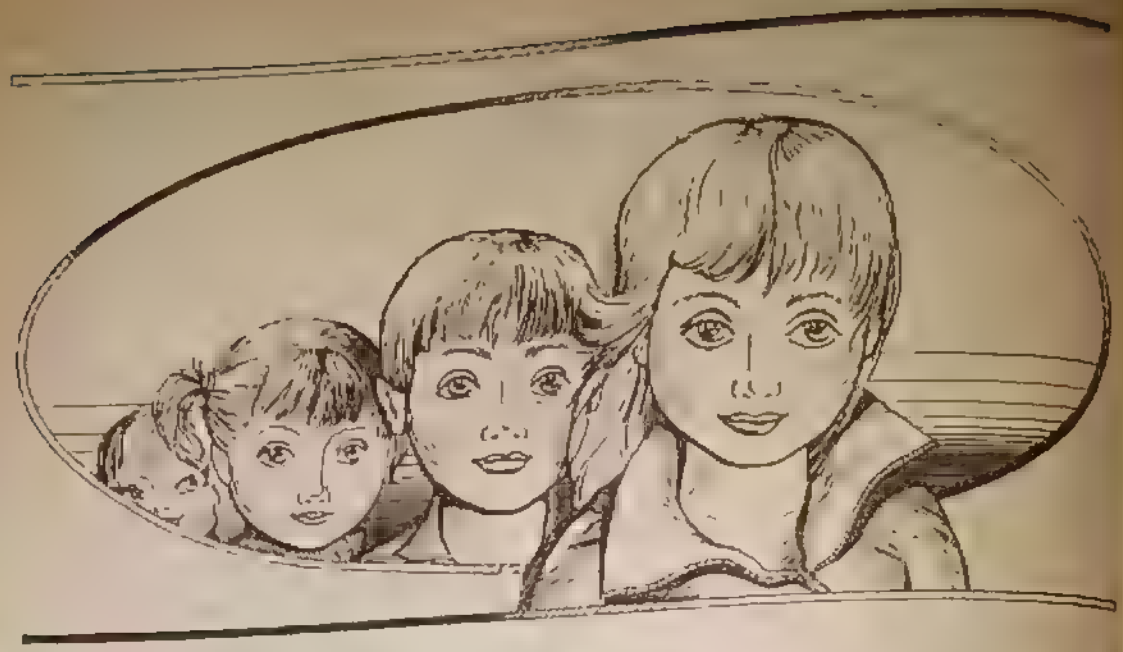
По данным американских специалистов, депрессия в
последние 15—20 лет стала настолько распространенным
заболеванием, что ее теперь даже называют «простудой
среди психических заболеваний». Этот вывод подтвержда-
ет профессор А. С. Тиганов. «Дело заключается в том,—
пишет он,— что в настоящее время значительно улучши-
лось распознавание и выявление депрессий не только вра-
чами-психиатрами, но и врачами других специальностей.
Хотелось бы добавить к этому, что так называемые мас-
кированные депрессии стали широко диагностироваться
лишь в последние десятилетия».

Причина возникновения депрессии окончательно

установлена, но большинство специалистов отвергают возможность появления ее в результате неправильного питания или заражения вирусом. Сейчас ее рассматривают как одну из болезней цивилизации, в том же ряду, что и гипертоническую болезнь, язву желудка или инфаркт миокарда. К депрессии приводят эмоциональные стрессы и особенно дистрессы, гиподинамия, отчуждение членов семьи друг от друга, душевная черствость (особенно родителей по отношению к детям), одиночество фактическое (единственный ребенок в семье) и относительное («одиночество в толпе»). А ведь многое из этого возникает вследствие ошибок воспитания, о которых говорилось в данной главе.

Депрессией преимущественно заболевают девочки. Чаще она встречается у детей, родители которых (оба или хотя бы один) страдали или страдают депрессией. Согласно американской статистике, до 65 –70 % больных составляют лица, получившие ее по наследству.

Таким образом, случаи плохого настроения у детей, апатии нельзя рассматривать как каприз или прихоть. Нельзя бороться с ними приказами, окриками, наказанием. А как можно? Прежде всего — все-таки не доводить детей до депрессии. Как и любую другую болезнь, ее легче предупредить, чем потом лечить. И главное — «не загонять детей в угол». Ну, а если этот этап уже позади, если не сумели своевременно перестроиться — обращайтесь за помощью к специалистам-психологам, а там, где их нет,— к врачам-психиатрам.



Глава девятая

ЕСЛИ В СЕМЬЕ ЕДИНСТВЕННЫЙ РЕБЕНОК

С одним поленом
В очаге
Не разведешь огонь.
С одной рукою
Не ударишь
Ладонью о ладонь.
С одной ногой
Не выйдешь в пляс,
В игре не пошалишь.
А хорошо ль, когда у вас
Всего один малыш?

Ф. Алиева

Семей, в которых всего один ребенок, много — более 35 млн. Условия же жизни и воспитания в таких семьях настолько отличаются от тех, где детей двое, трое и больше, что будет вполне оправданным посвятить этой теме специальную главу.

Для начала немного цифр.

В 1989 году в СССР насчитывалось примерно 72 млн супружеских пар. Из них в силу наследственных, врожденных и приобретенных причин примерно у 15 % семей (10 млн в абсолютных цифрах) детей нет вовсе. По одному ребенку у 57,4 % (36 млн) семей, по два — примерно у 32 (20 млн) и свыше двух — у 10 % (6 млн). А чтобы население страны хотя бы не уменьшалось, каждая семья должна иметь 2,15—2,20 ребенка. Но ведь надо думать и о

РЕБЕНОК

нь.

,

ь.

а у вас

?

Ф. Алиева

много — боле
в таких семьях
ое, трое и боль
тить этой тем

ерно 2-3 млн
венных, прож
1,5 % сем
но у 1,5 % сем
. Но одно
примерно
. А чтобы
семь
ли

...ьем государства, т. е. о росте населения. А для этого необходимо, чтобы в каждой семье было не менее трех детей.

Резко колеблется рождаемость в отдельных союзных республиках. Так, на Узбекистан, Туркмению, Киргизию и Таджикистан, численность населения в которых составляет десятую часть жителей страны, приходится более 33 % всего прироста населения и 20 % всех рождений за год. В то же время в РСФСР, на Украине, в Белоруссии, Литве, Латвии и Эстонии среднее число рождений не достигает двух детей на семью.

Есть свои закономерности в соотношении между числом детей и тем, кто их родители, где они живут. Выборочное обследование, проведенное в 1984 году, показало, что среди многодетных (три и более детей) семей колхозников — 8,1 %, рабочих и служащих — 1,9 %. Семей с одним ребенком в два раза больше среди горожан.

Какие последствия влечет за собой снижение рождаемости? К сожалению, отрицательные и для семьи, и для единственного ребенка, и для общества в целом.

Если уровень рождаемости, характерный для городов (1,5 ребенка на семью) распространится на всю страну, то общее количество населения у нас снизится наполовину через 53 года. Если же все семьи будут иметь по одному ребенку, то это снижение произойдет за 24 года. Причем в этом расчете, произведенном демографом В. Борисовым, условно принимается, что бездетных семей нет совсем. Таким образом, для того чтобы «во всех семьях было по одному ребенку», надо 10 млн семей иметь по два.

Ну, а чем страшна малодетность для семьи? Какие беды несет она с собой? Несчастий этих много. Самое большое из них начинается с того, что женщине часто приходится соглашаться на аборт. И пусть прерывается не первая беременность (после аборта именно первой, как правило, наступает бесплодие), пусть операция проводится в первоклассной клинике высококвалифицированными специалистами — все равно беда для женского организма огромная. Любая женщина после аборта стареет минимум на 5 лет — нарушаются функции многих желез внутренней секреции, которые перестраивали организм, готовя его к материнству. Иногда, правда не после единичного аборта, возникает такой гормональный дисбаланс, что развиваются злокачественные новообразования. Но если даже и не рак, то и дисфункция яичников, воспалительные про-

цессы значительно ухудшают здоровье, нарушают сексуальное желание, способствуют появлению аноргазмии... А отсюда — всего один шаг и до сексуальной дисгармонии в семье, и до развода.

Аборт не безразличен и для психического состояния женщины, и для психологического климата в семье. В одном из стихотворений А. Вознесенского есть такие строки:

Когда ты была во мне точкой
(Отец твой тогда настаивал),
Мы думали о тебе, дочка:
Оставить или не оставить?..

Рассыпчатые твои косы,
Ясную твою память
И эти твои вопросы:
«Оставить или не оставить?»

Речь в стихотворении идет о ситуации, когда на аборт не согласились, когда решили «оставить». Но разве меньше переживаний у супругов после того как они согласятся «не оставить»?

Весьма серьезной для современной семьи является проблема разводов. В СССР в 80-е годы ежегодно распадалось около 1,4 % семей. И одним из условий, облегчающих развод, можно считать малодетность семей. Женщина уверена, что с одним ребенком она и без мужа не пропадет. Для мужчины потеря четверти зарплаты не слишком скажется на бюджете. Другое дело, если бы детей было 2–3 или еще больше. Тут бы и одна и вторая стороны серьезно задумались — а стоит ли спешить с разводом? У ученых-социологов в обиходе появился даже такой термин — «испытание родителей малодетностью».

Конечно, наивно утверждать, что все малодетные семьи обязательно распадутся или что все семьи с 3—4 детьми безусловно прочные и счастливые. Исключения бывают. И тем не менее среди распадающихся пар большинство семей с одним ребенком. (Если всего однодетных семей 57,4 %, то среди разводящихся — более 90 %.)

Единственный ребенок чаще всего, даже можно сказать — закономерно, менее здоров, чем последующие дети и чем первый, но не единственный. Не будем приводить медицинские аргументы, доказывающие этот вывод. Справедливость его может подтвердить каждый.

Плохо в семье с единственным ребенком и самому ребенку. Плохо не в материальном смысле, не из-за недостатка внимания — этого, возможно, он имеет и больше, чем нужно. Плохо в социальном плане. Ведь человек — существо общественное, он должен общаться с себе подобными не только по виду, но и по возрасту. В каждой

социальной группе тем или иным путем устанавливается определенная иерархия отношений. Она дисциплинирует каждого члена общества (по другому нельзя, наступит анархия), помогает ему лучше выполнять свои функции. Если же в семье всего один ребенок, то он волей-неволей постоянно общается со взрослыми и никак не может понять, где же его место. Он может быть даже своеобразным центром в этом небольшом коллективе, что не обеспечивается объективными данными. Когда такой ребенок приходит в детский сад, школу или потом на работу, ему нечем подтвердить своих притязаний на эгоцентризм. Отсюда – депрессии, меланхолия, склонность к алкоголизации и наркомании.

Каждый ребенок, особенно девочка, с самых малых лет в игровых ситуациях осваивает свои будущие роли в собственной семье. Польза от таких игр несомненна и огромна. Но играть-то дети должны друг с другом. Конечно, и взрослым необходимо играть с детьми, но ролевые игры с родителями практически невозможны. Представьте, как неестественно звучит в устах девочки условие: «Я как будто мама, а ты (матери!) как будто дочка». И совсем другой разговор, если играют две сестрички.

Малодетность (в пределе — семья из трех человек — мама, папа и единственный ребенок) отрицательно сказывается на ребенке и когда он вырастет. Единственной дочери труднее выйти замуж. Почему? Ответ лежит, как говорится, на поверхности. Сегодня, когда большинство семей неплохо обеспечено, а родители еще сравнительно молодые люди и поэтому о наследстве потенциальному жениху думать не стоит (как ни прискорбно, но это один из возможных мотивов брака в наш рационалистический век), многие молодые люди не без основания побаиваются, что единственное чадо окажется «безруким» и им придется самим выполнять всю женскую работу по дому, включая приготовление яичницы.

Почему же сегодня в «моде» семьи с одним ребенком? И вообще, чего здесь больше — на самом деле «моды» или каких-то объективных (экономических, демографических и др.) факторов? Боюсь быть категоричным, но думаю, что при решении вопроса, сколько же иметь детей, муж и жена руководствуются прежде всего «модой», общественным мнением. Подтверждением этому могут служить некоторые моменты как из отечественной, так и зарубежной истории, но я остановлюсь именно на последней, что, как будет

понятно из дальнейшего, позволяет быть более объективным. Вот, например, как обстояли дела с числом детей в семье в США — богатейшей стране мира, на территории которой не было ни одной войны и, следовательно, результаты могут считаться почти экспериментально «чистыми».

Был период (в начале века), когда низкая рождаемость рассматривалась в штатах как пагубная для нации и 26-й президент Т. Рузвельт заявил даже, что из-за нежелания женщин рожать может наступить «самоубийство расы». Тем не менее законов, стимулирующих деторождение, принято не было и все ограничивалось призывами и созданием общественного мнения. Постепенно общественное мнение стало довольно серьезной силой и к середине века в Америке появилась «мода» на семью с четырьмя детьми — наступил период так называемого «бэби-бума».

Бум продолжался лет 15—20, но и за этот непродолжительный срок население страны резко возросло. Например, с 1940 по 1950 год родилось 40 млн детей, а уже за следующее десятилетие — 60 млн. Со всей остротой перед правительством стал вопрос о том, что если так будет и дальше, то к концу столетия число американцев достигнет 320—325 млн человек и будет превышать оптимальную численность примерно на 100 млн. Возникнут трудности с обеспечением всех работой, жильем, больницами... Потребуется больше продуктов питания, автомобилей...

И в конце 60-х годов правительство США принимает решение заменить «моду» [illegible] по ограничению числа детей в семьях. Но именно заменить «моду», а не предпринимать каких-либо санкций, допустим, экономического плана, как в Китае и Индии. Была создана специальная сенатская комиссия, которая внесла ряд предложений, направленных на формирование общественного мнения. В частности, стали печатать статьи и издавать книги, призывающие ограничить деторождение, отменили национальный праздник «День матери», учредили национальную организацию неродителей, которая ежегодно присуждала премии бездетным парам, способным иметь детей, но добровольно отказавшимся от этого. Об этих премиях (достаточно скромных в денежном исчислении) широко сообщалось всеми средствами массовой информации именно с целью создания общественного мнения. Организация неродителей ежегодно присуждает в [illegible]

...похвальные грамоты самому знаменитому старому ...ластику и наиболее выдающейся старой деве.

Ну, и каковы результаты? Вполне обнадеживающие. Если среди женщин 1942 года рождения к 22 годам на каждую тысячу приходилось 976 детей, то спустя 5 лет только 657, в то время, когда в целом брачный возраст снизился.

В нашей стране количество детей в семье в значительной степени тоже определяется «модой». Но, в отличие от США, подкрепляется мероприятиями, направленными на повышение благосостояния не только всех советских людей, но прежде всего многодетных семей. Все это позволяет смотреть в будущее с оптимизмом.

Чтобы больше не возвращаться к экономическим, материальным и бытовым вопросам, рассмотрим влияние именно на эти стороны нашей жизни количества детей в семье. Начнем с экономики. Специалисты установили, что в 1985 году расходы на [illegible] семьи в связи с рождением второго ребенка в [illegible] десять лет его жизни снижались всего на 9 % (с 80 до 73,3 руб.). И я не думаю, что ситуация существенно [illegible] в будущем. Конечно, в абсолютных цифрах количество рублей может изменяться, ибо заработки [illegible] процентное отношение должно остаться таким же или даже уменьшиться, поскольку государство планомерно осуществляет ряд мер по повышению благосостояния населения. Если же говорить конкретно о детях, то к таким мерам относится и увеличение продолжительности оплачиваемого послеродового отпуска, и оплата больничных листков по уходу за ребенком за большее число дней, и строительство новых дошкольных учреждений — ведь за пребывание в них родители вносят почти символическую плату, а малообеспеченные и вообще освобождаются от нее.

Бесспорно, на каком-то этапе, когда ребенку исполняется 10—12 лет, расходы возрастают более чем на 9 %. Но, как правило, к этому времени увеличиваются и доходы семьи — родители становятся более квалифицированными специалистами, у них уже есть все необходимое... Главное, когда решается вопрос «оставить или не оставить», экономические проблемы будущих десятилетий большинство молодых супругов не волнуют.

В еще меньшей степени ухудшает материальное положение семьи рождение не второго, а третьего — пятого, шестого и седьмого ребенка. В «Книге для родителей»

У Макаренко от имени одного из героев, бухгалтера п
профессии (обсуждается вопрос — можно ли просчитать
экономику последующих детей), утверждает: «Просчет
в таком случае вполне возможен. Главное здесь в дополни
тельном коэффициенте. Если у тебя один ребенок, а вти
рой, так сказать, в проекте, то ожидается прибавление
ста процентов. Расчетливый человек и задумается: сто
процентов, сильный коэффициент. Ну, а если у тебя пя
теро, так шестой: что же, всего двадцать процентов, —
пустяковый коэффициент, человек и махнет рукой: была
не была, рискую на двадцать процентов!»

Самый серьезный недостаток при воспитании единст
венного ребенка в семье заключается в том, что такой
ребенок вырастает эгоистом. У психологов есть специаль
ный термин для обозначения складывающейся в одно
детной семье обстановки — «кумир в семье». Именно —
кумир! А ведь стало крылатым выражением предупреж
дение «Не сотвори себе кумира».

Доктор философских наук А. Зацепин описывает, как
происходит превращение в кумира: «В семье у родите
лей Я — ребенок. Самый главный — Я! Самый главный —
Я! Самый деспотичный — тоже Я! В ребенке становится
нередко диктатором, буквально деспотом. Попробуйте
«вдраву его прекословить — тут же бросается на пол,
лакатывает истерику. Он всюду с пренебрежением его пра
и свобод, дискриминацией его личности. Как правило,
слабый не только одерживает победу, но при этом овладе
вает наукой побеждать...»

Почему же возможно такое. И к чему в результате это
приведет? Вот что пишет по данному поводу Макаренко:
«...Лично мне если и приходилось встречаться с самым
разнузданным эгоизмом, разрушающим не только роди
тельское счастье, но и успехи детей, то это были почти
исключительно единственные сыновья и дочери.

В буржуазной семье единственный ребенок не пред
ставляет такой общественной опасности, как у нас, об
там самый характер общества не противоречит качествам
воспитанным в единственном отпрыске. Холодная жест
кость характера, прикрытая формальной вежливостью
слабые эмоции симпатии, привычка единоличного эгои
ма, прямолинейный карьеризм и моральная увертливость
и безразличие ко всему человечеству — все это естестве
но в буржуазном обществе и патологично и вредно в обще
стве советском.

В советской семье единственный ребенок становится недопустимым центром человеческой ячейки. Родители, если бы даже хотели, не могут избавиться от вредного центростремительного угодничества. В подобных случаях, только противоестественная слабость родительской «любви» может несколько уменьшить опасность. Но если эта любовь имеет только нормальные размеры, дело уже опасно: в этом самом единственном ребенке заключаются все перспективы родительского счастья, потерять его — значит, потерять все.

В многодетной семье смерть ребенка составляет глубокое горе, но это никогда не катастрофа, ибо оставшиеся дети требуют по-прежнему и заботы, и любви, они как бы страхуют семейный коллектив от гибели. И, конечно, нет ничего более горестного, чем отец и мать, оставшиеся круглыми сиротами в пустых комнатах, на каждом шагу напоминающих об умершем ребенке.

Его единственность поэтому неизбежно приводит к концентрации беспокойства, слепой любви, страха, паники.

И в то же время в такой семье нет ничего, что могло-бы в том же естественном порядке этому противополагаться. Нет братьев и сестер — ни старших, ни младших,— нет, следовательно, ни опыта заботы, ни опыта игры, любви и помощи, ни подражания, ни уважения, нет, наконец, опыта распределения, общей радости и общего напряжения — просто ничего нет, даже обыкновенного соседства».

Первый том «Книги для родителей» Макаренко писал в 1936—1937 годах. Может быть, за прошедшие 50 лет ситуация с воспитанием единственного ребенка в семье так резко изменилась, что сегодня его мысли уже устарели, стали неактуальными? К сожалению, нет, о чем свидетельствует, например, почта журнала «Семья и школа». Главный редактор журнала Н. Монахов в одном из обзоров этой почты приводит выдержку из письма, присланного четырнадцатилетней Галей С. из Куйбышева.

«Все заботы моих родителей сводятся к тому, чтобы я была сыта, одета, хорошо училась, чтобы дома были ковры, хрусталь, импортный гарнитур...» Казалось бы, чего еще надо? Оказывается, Гале обязательно нужна большая собака. Именно большая, так как маленькую они ей готовы приобрести даже за сто рублей. И девочка на семи страницах пишет в редакцию журнала — поливает грязью своих «жестоких и бездушных» родителей и просит помочь ей, «повоздействовать на стариков», чтобы они все же согласились с приобретением.

Заканчивается послание весьма характерно: «Если будете меня уговаривать на маленькую собачку, письмо выброшу»...

Письмо, как замечает Монахов, весьма выразительное. В нем нет и намека на непредвзятую оценку родительских аргументов против «большой собаки» (это свойственно эгоистам — кроме собственных желаний, их ничто не интересует, они ничего не принимают во внимание), отсутствует и объективная оценка родителей (думаем, они совсем не бездушные и жестокие, как пишет о них Галя). Как могло такое случиться? Потворство капризам привело к тому, что девочка просто не в состоянии понять — как это ее просьба может быть не выполнена. Кстати, последняя фраза письма показывает, что рамки семьи для этой девочки уже тесноваты, он распространяется и на окружающих, даже незнакомых людей (в данном случае — на редакцию журнала).

Еще одна причина неправильного воспитания единственного ребенка заключается в том, что родители не замечают (или не оценивают) его развития и взросления. Единственные сын или дочь проходят все необходимые этапы физического и социального роста — детский сад, школу, институт, а для родителей постоянно остаются маленькими. Многие мамы и папы, даже понимая неправильность такого отношения к ребенку, ничего не могут с собой поделать, поскольку для этого необходимо пересмотреть свою биологическую установку. Ведь инстинкт продолжения рода — один из сильнейших в природе человека. Этот инстинкт находит для себя подходящую «нишу», «выход», если родится второй, а затем и третий ребенок. С рождением каждого следующего ребенка совершается естественный, подсознательный пересмотр отношения к нему, что наилучшим образом соответствует требованиям воспитания.

На первый взгляд это кажется парадоксальным, но единственный ребенок сам родителей почти не любит, любит значительно меньше, чем дети, взрослые имеют с братьями и сестрами. Почему? Вероятно, из-за этой неправильной оценки моральных критериев. Но факт остается фактом. Монахов приводит выдержки из нескольких писем одиноких престарелых людей, которых собственные единственные дети выгоняют из дома, лишая возможности общаться с внуками, годами не оказывая никакой помощи... Вот наиболее типичное письмо.

«...Я беззаветно любила свою единственную дочь, отказывала себе во всем, чтобы удовлетворить ее желания и прихоти. Все домашние дела делала сама: она не знала, что такое стирка, уборка в доме, работа на приусадебном участке... Все сама и сама — жалела ее.

Что же получилось? Выросла дочка, вышла замуж и оказалась никудышной хозяйкой: наряды, удовольствия — вот и все интересы... Умер мой муж. Дочь к этому времени со своим мужем развелась, уговорила меня продать дом и купить на ее имя кооперативную квартиру. Так я и сделала...

Теперь пожинаю горькие плоды. Дочь угрожает выселить меня, чуть что, не дает ложку в домработницах. При малейшем протесте оскорбляет. Дочь и своего сына, моего внука, которого я вырастила, настраивает против меня. И он берет пример со своей матери. Эгоистичного человека я вырастила, приходится это признать. У дочери моей — и высшее образование, и должность, и квартира. Только сердца у нее нет, она считает, что так и надо обращаться с больной матерью, потому что старые матери «портят жизнь детей».

Вот какая у меня горькая старость. Ошибки, которые я допустила в воспитании, и привели к таким результатам. Хочу предупредить других родителей: оберегая детей от настоящей жизни, не приучая их трудиться, потакая капризам, мы только вредим им и себе...»

Иногда родители ограничиваются одним ребенком, думая, что одного легче и проще сделать «большим» человеком — ученым, артистом, общественным или политическим деятелем. Макаренко приводит пример таких родителей, вернее отца, который убеждает свою жену отказаться от второго ребенка: «...В большой семье можно воспитать только среднюю личность; так и воспитываются массы обыкновенных людей, так редки поэтому великие человеческие характеры, счастливое исключение из серой толпы. <...> Воспитать большого человека можно только тогда, если подарить ему всю любовь, весь разум, все сообщности отца и матери. Нужно отбросить обычное сытое представление о семье: семья — толпа детей, беспорядочная забота о них, забота о первичных потребностях: накормить, одеть, кое-как выучить. Нет, нужна глубокая работа над сыном, филигранная, тонкая работа воспитания. Нельзя делить это творчество между многими детьми. Надо отвечать за качество. А качество возможно только в концентрации творчества.

— Ты представь себе, Нина, мы дадим только одного человека, но это не будет стандарт, это будет украшение жизни...»

У Антона Семеновича была возможность [illegible] долго наблюдать за этой семьей, быть свидетелем [illegible] гического финала. Вот лишь наиболее [illegible] описания Макаренко: в пять лет сын [illegible]

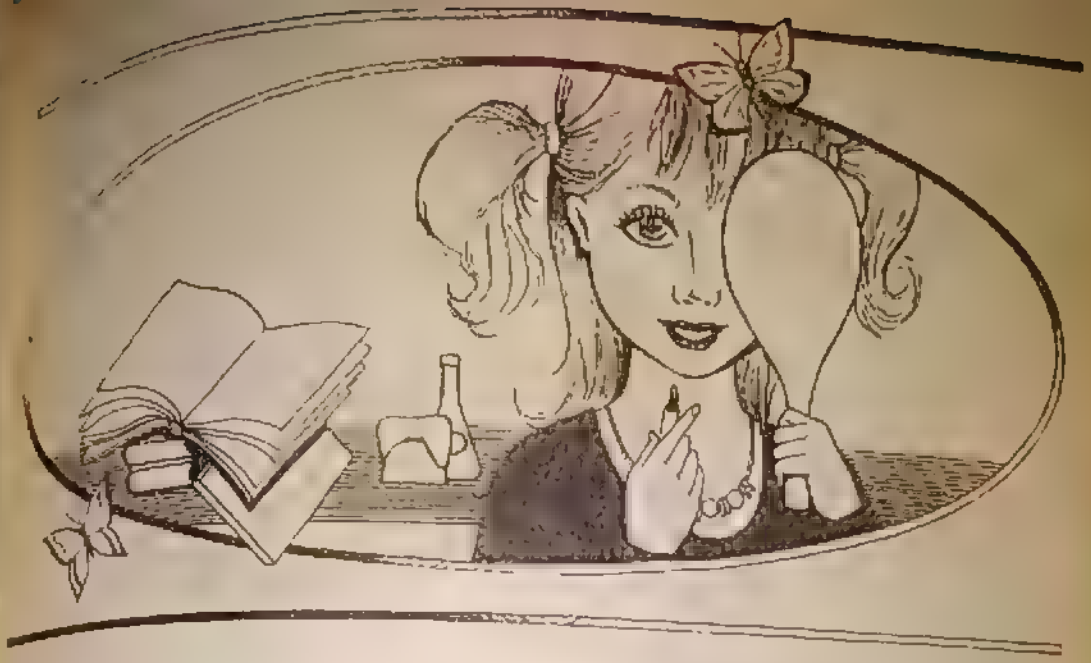
по-русски и по-немецки, в десять начал знакомство с клас
сиками, в двенадцать читал в подлиннике Шиллера...
«Перепрыгнул» через 9-й класс. В семнадцать был принят
на математический факультет университета. После окон
чания вуза его должны были оставить для подготовки
к профессорскому званию...

Параллельно «его глаза рано потеряли блеск первич-
ной человеческой непосредственности... в движениях рта
появилась у него понимающая усмешка «про себя»... он
признал закономерность событий: родители вращались вокруг
него как безвольные спутники... в семье поселилась рацио-
нальная упорядоченность чувств, избыток словесных вы-
ражений... он механически выбыл из комсомола... давно
перестал быть ласковым, у него теперь не бывает привет-
ливых слов для родителей... у него два новых костюма, в то
время как у отца один поношенный... мать готовит для него
ванну и убирает за ним, а он никогда не говорит ей «спа-
сибо»... не пошел на похороны товарища-одноклассника...»

Рассказ об этой семье Макаренко заканчивает такими
словами: «Между горем и радостью появился неожидан-
ный и непривычный знак равенства». И подводит итог:
«Миллионы примеров — именно миллионы — можно при-
вести, утверждающих огромные успехи детей из большой
семьи. И наоборот, успехи единственных детей страшно
эфемерная вещь».

Короче говоря, ни с каких позиций, ни с какой точки
зрения единственный ребенок в семье не может считаться
благом. И поэтому логичным заключением главы должен
быть призыв — не ограничивайтесь единственным ребен-
ком, рожайте второго, третьего, пятого... Тем не менее
призыв этот далеко не всеми будет услышан, а некоторые
даже услышав, не смогут принять его как руководство к
действию. Жизнь сложна и многообразна. И кто-то, даже
искренне пожелав, в силу разных причин второго ребенка
родить не сможет. Следовательно, семьи с одним ребенком
будут всегда.

Какие же советы можно дать родителям единственного
ребенка? Постарайтесь как можно раньше осознать опас-
ность, как можно четче представить ее размеры. И побольше
больше думайте, учитесь, читайте...



Глава десятая

НУЖЕН ЛИ НАМ ОБРАЗОВАННЫЙ ЧЕЛОВЕК?

Люди перестают мыслить,
когда перестают читать.

Д. Дидро

Отношение к образованию, культуре значительно меняется в зависимости от многих факторов. Скажем, до революции в России тяга к образованию, интеллигентности была необычайной, хотя, естественно, возможности у большинства населения реализовать ее не было. После революции положение резко изменилось — поскольку многие интеллигентные и образованные люди революции не приняли, а часть из них выступила против нее, интеллигентность стала подозрительной. С известной долей презрения и недоверия начали относиться и к тем рабочим и крестьянам, которые высказывали желание приобщиться к культуре, образованию. То время, как говорится, кануло в прошлое, но отголоски его, к сожалению, слышатся и сейчас. Правда, сегодня никто открыто против образованности, культуры не выступает. Но стоит провести элементарное тестирование (на знание литературы, мифологии, иностранного языка), попытаться обсудить даже не слишком узкую проблему из смежной специальности, как становится очевидным — выступает человек против или нет, но сам к культуре не стремится.

Так, может быть, нам на самом деле не нужны обра-

зованные люди? Может быть, и правда хорошо, что инже-
нер не в состоянии назвать три любые книги А. Грина
или две оперы П. Чайковского, а филолог или музыкант
(врач, биолог, аптекарь...) не видит никакой разницы
между синхрофазотроном и МГД-генератором? И что и
инженер и врач последний раз были в театре лет десять
назад и то по принуждению?

Нет, это не так. Сегодня наука, образование, культура
стали производительными силами. Специалисты утверж-
дают: феномен чудесного экономического взлета Японии
обусловлен не только их национальными особенностями
и совершенными формами организации труда, но прежде
всего самым высоким в мире уровнем образования. По
состоянию на 1 января 1987 года в Японии на тысячу жи-
телей было самое большое в мире число людей с высшим
образованием. Конечно, речь в данном случае идет о спе-
циалистах, о профессионалах. А по отношению к ним наи-
более употребителен эпитет «узкий». Такова, по-види-
мому, природа профессионализма — чем он выше, тем
уже. Но когда много узких специалистов, среди них чаще
встречаются люди образованные и здесь закономерность
противоположная — чем выше образованность, тем она
шире. Высокообразованные люди сейчас необходимы лю-
бому коллективу профессионалов.

Средние и высшие учебные заведения, по крайней
мере пока, только учат человека профессии, семья вос-
питывает образованность. И если с первой задачей мы
хуже-лучше, но все-таки справляемся, то с воспитанием
образованности пока еще отстаем. И только начинаем
прилагать усилия, чтобы это отставание преодолеть. При-
чины? Одна уже была названа — исторически сложившее-
ся подсознательное негативное отношение к интеллиген-
ции. Но есть и другая. В частности, отсутствие четкого
понятия — что такое образованность. Однажды в «Лите-
ратурной газете» за «круглым столом» обсуждалась дан-
ная проблема и у каждого из девяти участников было по
этому поводу собственное мнение.

Но прежде чем познакомить вас с мнениями ученых,
выскажу несколько своих мыслей. В частности, я убежде-
что есть такие признаки, которые характеризуют имен-
человека необразованного, некультурного. В качестве при-
мера приведу только два из них — неаккуратность и упот-
ребление бранных слов.

Нежелание быть точным, безответственность в обеща-

...ность, необязательность выполнения данного слова — все эти пороки закладываются и укореняются в детстве. И виновны в этом в первую очередь родители. Теперь часы имеют даже младшие школьники и в принципе, если они не «для красы», это хорошо. Плохо, если, несмотря на наличие часов, дети все равно опаздывают и на уроки, и на тренировки, и на свидания...

Ну, и второй признак — чистота речи, отказ от употребления матерных слов. Не знаю почему, но звучат они, к сожалению, очень часто, причем не только среди определенной категории взрослых (пьяницы, хулиганы, осужденные), но и среди тех, кто по крайней мере сам себя считает человеком культурным. Полвека назад Макаренко с горечью писал: «Очень культурные люди, ответственные работники, прекрасно владеющие языком, находят иной раз в матерном слове какой-то героический стиль и прибегают к нему по всякому поводу, ухитряясь сохранить на физиономии выражение острого ума и высокой культурности. <...> Матерное слово... выражает молодечество, «железную натуру», решительность, простоту и презрение к изящному. Теперь это своего рода кокетство, цель которого поправиться слушателю, показать ему свой мужественный размах и отсутствие предрассудков».

Не знаю, как ваш, уважаемые читатели, личный опыт, но мой свидетельствует — к лучшему положение за это время не изменилось. Ругаются (т. е. я не могу даже утверждать, что ругаются, поскольку не раз был невольным слушателем — идут двое-трое молодых людей, никаких между собой размолвок, а мат звучит через слово, а то и вовсе вместо слов) или, точнее, употребляют ругательства теперь и мужчины, и женщины, и дети. А уж подростки, так те совсем без них разговаривать разучились. Но ведь это же очень страшно.

Если для взрослых непристойное слово только оскорбительно, то для детей оно чрезвычайно вредно. И дело здесь вот в чем. Взрослый человек — мужчина ли, женщина, услышав матерное слово, воспринимает его как абстрактное ругательство, он не соотносит его ни с какими конкретными половыми представлениями. Да, оно режет слух, оскорбляет, вызывает обиду... Но когда такие слова слышит ребенок, они несут в себе определенное половое содержание. Вот что говорил Макаренко по этому поводу: «Сущность этого несчастья не в том, что обнажается перед мальчиком половая тайна, а в том, что она обнажается в

самой безобразной, циничной и безнравственной форме. Частое произношение таких слов приучает его к усилен ному вниманию к половой сфере, к однобокой игре вооб ражения, а это приводит к нездоровому интересу к жен щине, к ограниченной и слепой впечатляемости глаза, к мелкому, надоедливому садизму словечек, анекдотов, ка ламбуров. Женщина приближается к нему не в полном наряде своей человеческой прелести и красоты, не в пол ном звучании своей духовной и физической нежности, таинственности и силы, а только как возможный объект насилия и пользования...»

От выслушивания ругательств из уст «культурных начальников» наши дети, слава богу, освобождены. А от выслушивания их от нас самих, от наших соседей?.. Не ужели ничего нельзя сделать? А если мы все объединимся в борьбе с этим гряным, недостойным образованных лю дей конца XX века явлением? Думаю, победим.

Ну, а теперь вернемся к «круглому столу» в «Литера турной газете» и прочтем, какие требования предъявляют ученые к человеку, который может претендовать на звание образованного. Первый заместитель главного редактора Ю. П. Изюмов сформулировал их следующим образом: «Он должен быть безукоризненным специалистом в своей области, при этом свободно владеть несколькими языками, хорошо знать отечественную и мировую историю и лите ратуру, философию, социологию, уверенно ориентировать ся в других сферах науки и культуры».

Доктор исторических наук Л. Н. Гумилев предложил свой эталон образованности: «Образованный человек дол жен уметь логично излагать свои мысли, мысли оппонента и аргументы, на основании которых он предпочитает одно мнение другому».

Доктор филологических наук С. А. Макашин, призвав на помощь словарь В. И. Даля, доказывал, что «помимо умственного развития и внешней воспитанности, образо ванность предполагает еще и запас нравственности. В са мом деле, можно ли назвать истинно образованным чело века, пусть и обладающего многими знаниями и объектив но с пользой их применяющего, но вместе с тем социально не воспитанного, эгоистического, подверженного власти демона тщеславия и саморекламы, стремящегося к лидер ству во что бы то ни стало?»

Доктор философских наук В. М. Межуев дополнил выступление коллеги: «Можно, конечно, от образованного

человека требовать и воспитанности, и высокой нравствен
ности, и широкой осведомленности во всех областях, но,
по моему, это еще ничего не определяет. Я, к сожалению,
очень часто встречаю людей, которые много знают, но мало
что умеют. И главным критерием образованности я бы
выбрал способность человека продуктивно работать в той
или иной сфере знаний, производства, социальной жиз-
ни.»

Своя точка зрения на проблему у доктора филологических наук В. Я. Лакшина: «Образованность - это, по-моему, не память или не только память. Что же? Методичность и интуиция, воспитание знаний, т. е. свободное ориентирование в мире духовных богатств. Широко образованный человек, в отличие от эрудита, может забыть дату, подробности или имя, но он не перепутает эпох и стилей, знает, где что искать. Тем более, он не перепутает ценностей моральных...»

Итак, если мы не знаем, чем отличается образованный человек от необразованного, то как же воспитывать образованность? И где взять таких родителей, которые бы не только хотели, но и могли заниматься подобным воспитанием? Ведь, по словам Ильмова, «мы бы хотели иметь больше таких людей в редакции нашей газеты, но найти их совсем не просто». А если не хватает образованных людей всего для одной газеты, то можно ли найти их для всех 72 млн семей в нашей стране? Получается порочный круг — нет образованных родителей, не станут образованными и их дети. Так ли это?

К счастью, не совсем. Порочный круг, о котором сказано в предыдущем абзаце, может быть разорван. Более того, он должен быть разорван. Самостоятельная работа с книгой, самообразование - не единственный, но надежный путь к настоящей образованности. Все истинно образованные люди — от Ломоносова до наших современников (причем не только в России, но и во всем мире) становились такими именно благодаря чтению, самостоятельному повышению своего образовательного уровня. Мы, жители Минска, можем искренне гордиться своим земляком Я. Б. Зельдовичем — академиком, трижды Героем Социалистического Труда, который кроме средней школы ничего не кончал, а всему научился самостоятельно. Если человек приучен читать с детства, то при любом исходном (наследственном) уровне интеллекта он обязательно поднимется до значительных (выше определенных природой)

высот. И наоборот — что бы ни было заложено в челове
при рождении, но если он не читал, не работал над собо
образованным человеком ему не быть.

Академик И. М. Франк по этому поводу сказал: «На
чинающему можно и нужно помочь учиться, и все же на
учиться он может только сам». Собственно, эти две идеи —
Д. Дидро, которая помещена в качестве эпиграфа, и эту
выдвинутую Франком, хотелось бы донести в данной глав
до читателя. А уж кого считать образованным человеком
сколько языков он должен знать, умеет ли излагать логич
но свои мысли — это все-таки вторично. Главное, чтоби
человек был не просто грамотным — знал буквы и законы,
по которым они объединяются в слова, а хотел и умел
читать, понимать прочитанное, умел, как говорят, «рабо-
тать головой». А для этого ребенка надо приучить к книге.
Но здесь и начинается самое трудное. Ибо наши дети н
хотят не только самостоятельно работать с книгой, они
просто не хотят читать. Даже то, что задают в школе по
литературе, они предпочитают «ухватить» из критики или
«получить представление» из экранизации.

Когда и как был потерян интерес к чтению? Еще в 50–
60-х годах чтение было самой устойчивой «модой» — чи
тали и на уроках, и после них, а иной раз — и ночами
спрятавшись с фонариком под одеялом. Что читали? Был
какой-то, если так можно выразиться, обязательный набор
книг, не прочитав которых, не было бы по чувствовать себя
уютно в любой компании. Ну и, естественно, были какие-то
открытия, какие-то «свои» книги. Наверное, среди них
попадались и «серенькие», и непонятные (или непоня-
тые). Суть в другом — читали. И родители не только не
поощряли (ведь все хорошо в меру. Действительно, чтение
при плохом освещении, за едой, в трамвае; чтение вместо
приготовления уроков; чтение запоем, когда за воскрес
ные «проглатывались» «Три мушкетера» или «Граф
Монте-Кристо», приносило, кроме пользы, много и вреда)
но порой и препятствовали этому.

А вот в 70-е годы в печати начали появляться вопл
ма родителей — «научите, как привить ребенку интерес к
чтению?» Родители еще читали много, еще за отдельными
книгами выстраивались очереди, а дети уже читать не
хотели. Прошло еще несколько лет, дети подросли и сами
стали родителями, а интерес к чтению у них (не у всех,
конечно) так и не пробудился. Определенную роль в
том, что наши молодые современники читают мало, с

...ции и объективные факторы. Мы стали жить богаче, у нас появились новые интересы и возможности. Около 90 % семей имеют теперь телевизоры, а программы день ото дня становятся интереснее. Совсем не редкость сегодня и автомашина, у миллионов советских людей есть садовые участки... И, в общем то, это хорошо, к этому и к дальнейшему повышению благосостояния мы все стремимся. Но... что-то очень важное, даже жизненно необходимое, на этом фоне утрачено. Да нет, не что то, а вполне конкретное — любовь к чтению. Не читая, мы отстаем в своем интеллектуальном развитии.

Читатели могут возразить — так что же, в 50—60 е годы уровень образованности был выше? Нет, не был. Но сейчас он значительно отстает от того, каким должен бы быть. Здесь нет парадокса. Сразу после войны читали люди, имевшие за плечами редко среднюю школу, — вспомните, какой поток сельских жителей хлынул в города на восстановление разрушенного. И то, что они много читали, много над собой работали, в значительной степени маскировало недостаточность систематического «официального» образования. Если бы такая же тяга к чтению, к самосовершенствованию была у современных молодых людей с их техникумовскими и вузовскими дипломами, поверьте, Изюмову бы не пришлось со страниц газеты признаваться в невозможности укомплектовать штат образованными людьми.

Книга была написана, когда я узнал цифру, позволяющую точно оценить «степень любви к чтению». На районном семинаре пропагандистов лектор привел данные — из 2008 проверенных инженеров, работающих в одной из отраслей промышленности, были записаны в библиотеки и брали научно-техническую литературу по специальности только 14 %. Представляете? Только один из семи читал, условно скажем — следил за новинками... Стоит ли после этого удивляться тому, что многие наши машины и станки значительно уступают зарубежным аналогам.

Ну, а кто виноват, что дети потеряли интерес к чтению? Мы, взрослые, сомнений нет. И происходило это разными путями, а привело к одному: во главу угла своей жизни многие поставили материальное благополучие. При этом я не имею в виду тех, кто делал это с помощью нетрудовых доходов. Нет, честные люди, великие труженики, в погоне за рублем они перешагнули ту грань, которая отделила их от мещан. И — омещанились. И теперь не только что

ние – вообще, ничего, кроме денег, их не интересует. Ну и, естественно, такими становятся их дети.

В 12-й главе будут приведены результаты социологического обследования старшеклассников в четырех городах нашей страны. Многое в их ответах настораживает. Но самое, на мой взгляд, страшное — полнейшее безразличие к будущей профессии. Из нескольких сотен опрошенных практически ни один не произнес слов: «интересная работа; возможность творчества; перспектива роста»... Нет, только «оклад», «прогрессивка», «тринадцатая зарплата»... Все рубли, рубли, рубли... Будут ли они читать, совершенствоваться, стараться повысить свою образованность? Очень сомневаюсь.

За «круглым столом» была высказана и такая мысль: у нас очень легко получить работу и тяжело — высшее образование, путь к которому, в нарушение Конституции и принципов социальной справедливости, перекрыт многими барьерами. А по логике должно быть наоборот: учиться может каждый, а вот работать – только тот, кто научился, кто способен воплотить теорию в практику. Если бы такое направление восторжествовало, произошли бы многие позитивные изменения и в учебе, и в работе. Зная, что настоящий конкурс будет не при поступлении, а по окончании вуза, большинство студентов не только стали бы серьезно относиться к занятиям, но, возможно, когда-нибудь открыли бы книгу для самостоятельной работы с ней.

Однако это из области даже не научной фантастики. А реальная ситуация такова – если не на семью, то в вопросе приобщения ребенка к чтению, повышения образованности и рассчитывать не на кого. Это надо четко себе уяснить.

Как же приучить ребенка к чтению? Одни специалисты рекомендуют уже 2–3-летнему малышу давать возможность общаться с книгой, причем разрешая ему рвать ее, и разрисовывать (естественно, подбирая для этого соответствующие книги). По их мнению, такое «фамильярное» отношение к книге способствует тому, что в будущем у ребенка не возникает подсознательного страха перед общением с ней. Другие предлагают прививать ребенку благоговейное отношение к книге: не разрешать загибать страницы, слюнявить палец при перелистывании, закладывать между листами цветы... Третьи советуют больше читать детям вслух, а когда ребенок станет

пастарине и сам научится складывать буквы в слова, пре-
рывать чтение на интересном месте (по – по уважитель-
ной хотя бы внешне причине). Понятно, что книгу при
этом ребенку надо оставить. Четвертые рекомендуют ис-
пользовать психологическую особенность человеческого
характера, которая выражается пословицей: «Запретный
плод сладок». Иначе говоря, надо не заставлять читать,
а наоборот, создавать дополнительные трудности для чте-
ния — прятать книги, ограничивать время, отпущенное
на чтение, и т. д.

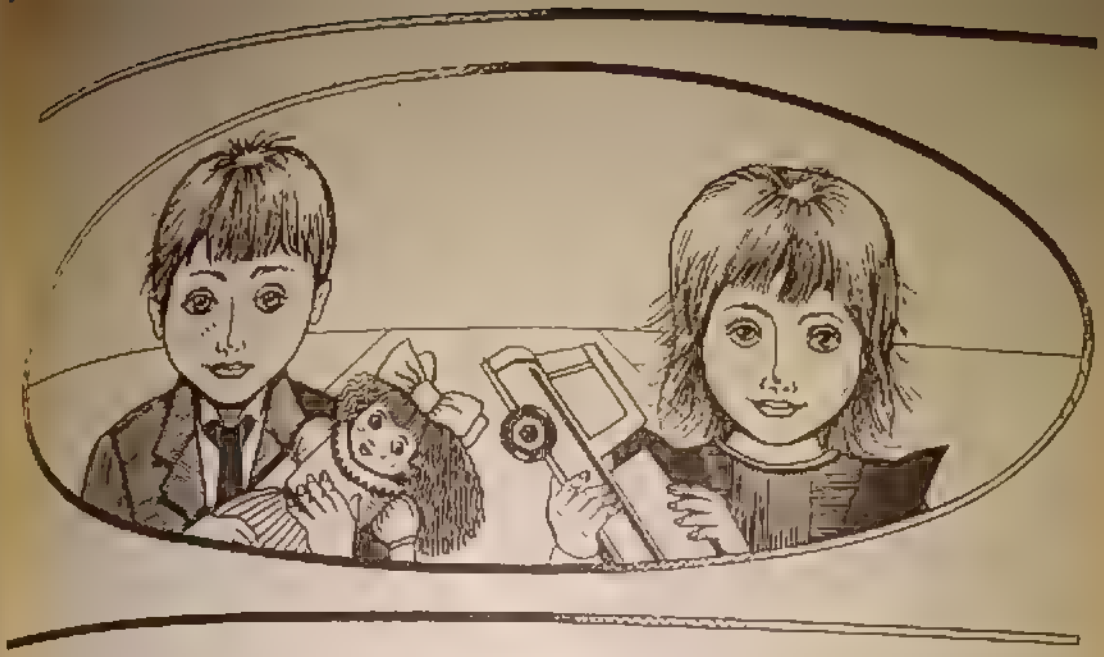
К сожалению, не стал помощником в приучении к ра-
боте над книгой и телевизор. Дальше наоборот, предостав-
ляя возможность усваивать информацию без всяких уси-
лий, он отбивает охоту брать в руки книгу вообще. Ведь
для того, чтобы представить себе обстановку или при-
роду, вообразить, как выглядит тот или иной герой в по-
вести или рассказе, надо напрячься, надо заставить себя
потрудиться. На экране же телевизора все это преподно-
сится в готовом виде, как протертая кашица — только
глотай. И глотают. И взрослые, и дети. Не ограничивая
себя ни временем просмотра, ни качеством передач.

Между прочим, в научной и публицистической лите-
ратуре уже много лет назад появился термин «телема-
ны», образованный по тому же принципу, что и «нар-
команы», «токсикоманы»... И признаки, позволяющие
отнести того или иного зрителя в разряд «просто употреб-
ляющих» или людей «с болезненным пристрастием»,
страдающих от абстиненции и переносящих месяц в тур
походе с выраженными явлениями раздражения или угне
тения, практически одинаковы как при алкоголизме и
наркомании, так и при неумеренном потреблении теле
видения. Да и все остальное если не одинаково, то весьма
похоже. Быстрее и сильнее заражаются телеманией дети,
подростки. Глубже свои корни она пускает у детей умст-
венно отсталых, инфантильных, с задержкой психиче
ского развития (а затем и усугубляет это состояние, уси-
ливает отставание). Но попробуйте отказаться от каждо
дневного просмотра, ежевечерней порции теленаркотика.
Вряд ли это удастся даже нам, взрослым, не говоря
о детях.

Заканчивая обсуждение проблемы образованности,
внутренней культуры, интеллигентности, логично задать
вопрос: а как связаны малодетность семьи и уровень обра-
зования? Оказывается, связь здесь несомненная и доволь

но однозначная — чем меньше детей, тем ниже образованность. Младшие дети, глядя на старших, подражая им, обучаясь около них, раньше и полноценнее развиваются физически и психически. Вторые и следующие дети раньше начинают писать и читать, им легче дается устный счет, они быстрее запоминают стихи, правила.

Конечно, разница в возрасте сказывается обязательно. Если она не превышает 2–3 лет, отмечается именно то, о чем я только что сказал. Но и при значительно большей разнице — в 6–8 лет, тоже наблюдаются положительные сдвиги: происходит существенная интеллектуализация младших братьев и сестер. Причем в последнем случае имеет место наложение друг на друга двух действующих в одном направлении факторов — влияния старших детей на младших, а также то, что чем старше отец, тем чаще его дети оказываются талантливыми.



Глава одиннадцатая

РАСТИТЬ НЕ МАЛЬЧИКА, НО МУЖА

Сейчас, когда мужи, увы, на баб похожи,
А женщин мужество сама эпоха множит —
Давно пора учиться молодцам
Рожать детей, да и кормить их тоже.

М. Бедиль

Индийский поэт М. Бедиль, слова которого взяты в качестве эпиграфа к этой главе, жил с 1644 по 1721 год. Но, думаю, это не дает нам, мужчинам конца XX века, повода для утешения – мол, и триста лет назад мужчины были мало похожи на мужчин. У каждой эпохи свои требования к членам общества и, вероятно, мнение поэта уже тогда было обоснованным. Сегодня же явление феминизации получило необычайно широкое распространение.

В последние годы в печати проблема феминизации общества и, как следствие, инфантилизма сильной половины человечества обсуждается часто. Вот и мое внимание привлек диалог «рядового учителя, более того — матери инфантильного сына» Н. Лебединской из Новороссийска и писателя Л. Жуховицкого. Попытаюсь вкратце воспроизвести их разговор.

Лебединская пишет, что все они (юноши, мужчины),

здоровые и красивые, умные и дерзкие, больные и застенчивые, женатые и холостые, страдают этим самым пресловутым инфантилизмом. Разные семьи, разное воспитание, разное образование, а болезнь одна. Кто же ее выдумал?

«Ищите женщину, как говорят французы. А ее и искать не надо, она вездесуща – от пеленок до зрелых лет — все женщина и женщина. Мужчин (отцов) или вовсе нет — в бегах, в другой семье, или они есть лишь номинально, но воспитанием не занимаются. Показателем этого (т. е. того же инфантилизма, только в другой возрастной категории) является посещение отцами родительских собраний. Как правило, на такие собрания приходят одни женщины и несколько мужчин — военнослужащих.

Женщина же хлопочет, боится всякого проявления независимости, думает за тебя, пугается резких поворотов, выбирает тебе друзей, защищает от несуществующих опасностей, опутывает сетью всевозможных «нельзя», стреноживает и лишает воли к действию.

Идешь в поход — ах! Садишься на мотоцикл — ах! Едешь в колхоз — мешок с продуктами, играешь в футбол — не поломай ногу и т. д. <...>

...Вот и получается, что к семнадцати годам зацелованный, засахаренный, напуганный маминым словами и мольбами юноша не проявляет никакой инициативы, а катится по утрамбованной дорожке, с которой убраны все препятствия... <...>

...Только сейчас, прожив довольно долгую жизнь, я понимаю, что между мужчиной и женщиной лежит психологическая пропасть. И было бы прискорбно, если бы они поменялись местами. Не надо ломать мужчину, подстраивать под себя, укорять — пусть остается внутренне свободным (это у него в крови), пусть не всегда уютен, удобен, предсказуем. Главное, чтобы охранял ваш дом. А если он будет вязать носки по вечерам и плакать над сгоревшими котлетами, смело кладите его у входа и вытирайте о него ноги.

Сыновьями должны заниматься отцы – дома, в школе, в спорте, в кружках. Вопрос этот стоит очень остро, если мы хотим вырастить поколение мужчин, отвечающих своему предназначению... Но мужчины, как правило, к этому не готовы, ведь нынешние отцы тоже воспитаны женщиной, они привыкли к ее авторитету в вопросах воспитания и вполне смирились с этим. <...>

...Но есть и другие органы, ответственные за воспитание. Школа, например... которая в нынешнем ее виде является мощным аппаратом нивелировки личности. Единственным оправданием учителей является их зависимость от приказов и циркуляров, часто не продуманных и не отвечающих требованиям реальной действительности... <...>

...Несколько слов о трудовом воспитании.

Ребята могут, хотят и должны работать по мере своих сил хотя бы с четырнадцати лет. Для этого нужны объявления: «Требуются подростки...». И сколько бы мы ни говорили: «Пойди заработай сам», все это звучит как пожелание здоровья самому себе.

Еще проблема: далеко не везде у нас есть спортивные залы. А ведь спорт таит в себе невиданный воспитательный потенциал. Но для этого его нужно сделать поистине массовым, престижным, неизбежным для каждого... <...>

...А пока я смотрю и вижу своих инфантилов (реальных). Это ребята со двора, из моего класса (9-й), из класса сына (10-й). Они сидят на ломаной скамейке (и никогда ее не починят), щелкают семечки, курят, изредка обмениваются словами... Идешь с ними в поход — ни одной песни не знают... Попросишь нарисовать праздничную газету — скопируют открытку. Нужно написать статью в стенгазету — спишут из календаря. Всюду вторичность, подделка, фальшь. Вот так вырастает поколение, которому ничего не нужно, которое ничего не умеет и не ценит. Эти инфантилы не глупы, но невежественны, здоровы, но не тренированы, деятельны, но не честолюбивы. У них есть взгляды, но нет убеждений, есть интересы, но нет идеалов, есть желания, но нет принципов...»

Если учительница «ставила диагноз», то писатель в своем ответе старался обосновать причину возникновения заболевания.

В частности, со ссылкой на авторитеты, Жуховицкий утверждает, что забота о потомстве делится на две половины — выращивание и воспитание. Выращивать должна женщина, воспитывать — мужчина. Не обязательно отец — его может и не быть, он может оказаться ленивым, неумелым, излишне занятым. Не отец — но мужчина. И так было на Руси испокон веку. В трудовых семьях воспитывал, готовил себе работника, замену отец, или дед, или дядя. Если не было в доме мужчины, мальчишку отдавали в обучение мастеру (вспомните Ваньку Жукова, Алексея Пешкова...). В аристократических, дворянских семьях сыновей также довольно рано отправляли в лицей, кадетский корпус, юнкерское училище, разнообразные закрытые школы, куда материнские ласка и страх доступа не имели.

И даже царских сыновей лишали на время контакта с матерью и в воспитатели определяли только мужчин. По этому поводу вспоминается история о том, как Ж. Ж. Руссо предложили пост воспитателя сына французского короля. Ученый согласился, выставив всего лишь одно условие — «не отвечать за его жизнь». Король условие принял, поскольку оба они понимали — воспитать мужчину, ограждая его от опасности сломать ногу или даже шею, невозможно. Фантастика!

Я много раз работал в пионерских лагерях — вожатым, старшим вожатым, врачом. Работал врачом в детском саду. Короче говоря, с работой воспитателей (не учителей) я знаком неплохо. И когда прочитал об условии Руссо, понял, чего недостает нашим детям — не столько воспитателей с уровнем знаний энциклопедиста, сколько (и

прежде всего!) родителей, понимающих, что вырастить из мальчика мужчину, оберегая его от царапин, ушибов, опасности сломать руку или даже голову,— невозможно.

С какого возраста воспитывается инфантилизм? Б. Спок пишет: «Годовалый ребенок как будто сознает, что не предназначен быть игрушкой родителей до конца жизни, что он человек, личность, что у него есть желания и мысли... Представьте себе на минуту, что бы с ним стало, если бы у него не было желания сказать «нет». Он стал бы роботом. Вы бы не смогли удержаться от искушения постоянно командовать им, и он перестал бы развиваться и узнавать новое. Когда он вырастет и пойдет в школу, а позже на работу, все вокруг будут пользоваться его неумением говорить «нет» и он всегда будет никчемным человеком».

Спок не дает в этом отрывке понятия «инфантил», но показывает, как родители могут сломать собственное «я» ребенка и воспитать его инфантильным. Далее Спок отмечает: «Бывает, что кого-то слишком много ругали и наказывали в детстве. Они соответственно выросли внутренне неуверенными в себе людьми, что внешне часто выражается в нетерпимости к критике и в стремлении постоянно утверждать свою незаменимость». А неуверенность в себе — один из характерных признаков инфантилизма.

Часто родители, исходя из совершенно законного желания видеть своего ребенка лучшим, постоянно подгоняют его, критикуют медлительность, излишнюю склонность к фантазиям или, наоборот, отсутствие воображения. Спок советует: «Любите ребенка таким, какой он есть, и забудьте о качествах, которых у него нет... Ребенок, которого любят и уважают таким, какой он есть, вырастет человеком, уверенным в своих силах, любящим жизнь. Если родители так и не смогли принять ребенка таким, какой он есть, если они постоянно дают ему почувствовать, что в нем все не так, как надо, то он вырастет человеком, неуверенным в себе, он никогда не сможет воспользоваться в полной мере заложенными в нем умом талантом или физической привлекательностью... Подгоняя ребенка, вы заставляете его чувствовать себя некомпетентным, неумелым, что приносит только вред».

Отрицательно влияет на ребенка (и не только в плане данной главы) отстранение его от исполнения трудовых обязанностей в семье. Вместо того чтобы с раннего воз-

рета приучать ребенка к труду (вымыть посуду или пол, вынести мусорное ведро, прополоть грядки на садовом участке и т. д.), многие родители, видя, что выполняет он работу медленно и некачественно, раздражаются, ругают его и делают все сами. Но ведь научиться чему-нибудь можно, если что то делать. Не приучая ребенка к труду, не вменяя труд в обязанность, мы растим тех же инфантилов.

С. Долецкий, известный детский хирург и воспитатель, в книге «Мысли в пути» пишет: «В общении с ребенком существует твердо сложившийся трафарет. Поскольку вечерами родители заняты — мать хозяйством, а отец разбирает служебные бумаги, — то, естественно, преобладает деловая обстановка. Резким, раздраженным тоном произносятся фразы: «Тебе говорят!», «Нет, и не рассуждай», «Скорее, не копайся», «Что ему объяснять — он все равно не поймет», «Хоть сто раз повторяй — как горох о стену!», «Не твоего ума дело!», «Не болтай, почисть зубы и — спать!..»

Именно внешний вид, мимика, тон разговора, ритм отдыха и работы, отношение к дисциплине и долгу и составляют ту семейную вечь, в которой выплавляются будущие характер и поведение ребенка. Свойства свои он приносит в коллектив и довольно будет ими заражать своих товарищей по детскому саду, школе, институту, колхозу или производству».

К словам Долецкого надо добавить лишь, что ребенок, став взрослым, эти свойства принесет и в будущую семью. Таким образом, произойдет накопление негативных последствий воспитания, поскольку, как правило, своих детей мы воспитываем по тем же принципам, по которым растили и нас самих.

Инфантилизм взрослых проявляется многообразно, в том числе и в семейной жизни. Нежелание и неумение принимать решения, планировать и отвечать за свои поступки приводят к тому, что мужья добровольно уступают женам право быть главой семьи. И поэтому феминизация является частой спутницей мальчиков даже в тех семьях, в которых отец есть, где он не пьяница или алкоголик, а вполне добропорядочный человек, но инфантил.

Ленинградский психиатр В. Гарбузов описывает ситуацию, с которой он столкнулся в одном из городских детских садов. ... Воспитательница читала детям сказку о том, как некий отец поехал выручать из беды своего

сына. Он преодолевал одно препятствие за другим, но никак не мог доехать до терпящего бедствие мальчика. И тогда Саша заявил: «Надо было, чтобы поехала мама, – она бы сразу нашла, всех победила и спасла сына». Да, наши женщины целеустремленны и напористы, выносливы и изобретательны, – делает вывод Гарбузов. Они невольно, не задумываясь над этим, с самого раннего возраста внушают ребенку мысль о превосходстве женщин над мужчинами.

В апреле 1986 г. в «Комсомольской правде» был описан трагический случай. Автор статьи В. Юмашев в предисловии к ней пишет: «Я расскажу историю, которая произошла в одном южном городе, не для того, чтобы дать какой-то совет... Просто, мне кажется, нужен предупредительный знак, не красный — все запрещающий, не зеленый – все разрешающий, а именно такой, желтый, предупредительный, говорящий — Внимание! Осторожно! — для всех, кто оказался в подобной ситуации: и для родителей, и для ребят, и для тех, кто стоит рядом и наблюдает».

Суть статьи такова. Десятиклассник Руслан, круглый отличник, заместитель секретаря комсомольской организации школы, влюбился в девушку Зою, тоже десятиклассницу. Юношеская любовь обычно вспыхивает как порох. Так было и в этом случае. Правда, Руслан не стал хуже учиться, но от многого (самостоятельного изучения арабского языка, чтения академических книг по истории, географии, литературе) отказался. Если раньше у него было только одно – учение, то теперь появилась еще и Зоя. И с какого-то момента она стала важнее для него, чем все остальное.

Против Зои, еще не зная ее, просто в принципе против того, кто мешает ее мальчику учиться (!), восстала мама. Она постоянно скандалила дома, потом пошла в школу и попросила, чтобы Руслану, если ему надо задержаться после уроков, учителя и члены комитета комсомола давали справку, во сколько он ушел домой. Кроме того, ежедневно либо мать, либо отец, кому как позволяла работа, подходили к школе после уроков, встречали сына и конвоировали его домой.

Представляете зрелище — парень выше метра восьмидесяти, без пяти минут выпускник, а через год — солдат, идет домой в сопровождении родителей. И подумайте, что он должен был испытывать, доставая из кармана

сумку, на которой расписались члены комитета комсомола, и отдавая ее матери, которая скрупулезно изучала их закорючки — нет ли подлога.

Дома мама стала обыскивать его карманы и сумку. И однажды нашла листок с таким отнюдь не математическим уравнением: «Руслан + Зоя = любовь». Это было во вторник. В среду мама вновь была в школе. А в четверг отец избил сына и тот пошел на уроки с синяком под глазом. В пятницу Руслану надо было идти в военкомат. И в школе, и в военкомате знали, откуда у него синяк. Все знали — за что. Вы можете представить себе состояние Руслана?

Из военкомата Руслан домой не пошел, а три часа гулял с Зоей. Мама же все это время обрывала телефоны и в школе и в военкомате, и когда он возвратился, была настолько взвинчена, что устроила очередной, но большей продолжительности, скандал.

Наступила суббота. Все в этот день пришли в класс, кроме Руслана. Утром, встав как обычно, умывшись и позавтракав, он зашел в кладовку, зарядил ружье и выстрелил. В себя. Почти сутки врачи боролись за его жизнь...

Итак, наши мальчики — юноши — мужчины инфантильны. Что же это за состояние такое — инфантилизм? В Советском энциклопедическом словаре (СЭС) о нем сказано коротко: особенность психического склада личности, обнаруживающей черты, свойственные более раннему возрасту: эмоциональную неустойчивость, незрелость суждений, капризность и подчиняемость.

Бывает ли инфантилизм у детей? Да, бывает, когда, например, пятилетний сюсюкает как двухлетний или десятилетний капризничает как пятилетний. Но речь сейчас пойдет об отставании в развитии юношей и молодых мужчин. Во-первых, причина этого отставания кроется в неправильном воспитании детей. Во-вторых, последствия инфантилизма в этом возрасте более печальны.

Если же расшифровать приведенные в СЭС краткие понятия, то вырисовывается такая картина. Вследствие крайней неустойчивости и трудности сосредоточения внимания восприятие у инфантилов поверхностное, виденное и слышанное они воспроизводят не точно (часто не вникают в суть происходящего, не задумываются о причинах и движущих силах явлений, к тому же при передаче информации допускают искажения). Представления у них

и в качественном и в количественном отношении недостаточны; общие понятия расплывчаты; затруднены выявление главного, дифференциация между ним и второстепенным; суждения неглубоки, поспешны; процессы анализа и синтеза неполноценны, поэтому умозаключения малообоснованны, наивны. Память в связи с неустойчивостью и малой концентрацией внимания нередко снижена. Кругозор ограничен. Черты беззаботности и легкомыслия сочетаются с эгоцентризмом. Настроение крайне неустойчиво. В других руководствах инфантилизм характеризуется как неспособность планировать свои поступки и предвидеть их результаты...

Инфантилизм отличают повышенная чувствительность, обидчивость, робость, застенчивость, неуверенность в себе и своих силах, страх перед испытанием, непостоянство интересов. Инфантильный человек часто страдает от депрессии, лишен самостоятельности, внушаем и может легко подпасть под отрицательное влияние, стремится к развлечениям и смене впечатлений, не любит и не хочет трудиться, плохо адаптируется к новым условиям и не умеет преодолевать препятствия, пасует перед серьезными задачами, иногда на протяжении десятилетий остается неприспособленным к жизни и нуждается в помощи близких.

Инфантил может правильно видеть свои слабые стороны и, страдая от сознания неполноценности, становиться на путь гиперкомпенсации. В таком случае возникает «жизнь в мечтах», в воображении реализуется то, что не удается в действительности. Будет неправильным утверждение, что все инфантилы пристрастятся к наркотикам (токсинам), но, бесспорно, значительная часть, если даже не абсолютное большинство, наркоманов — инфантилы. Дело в том, что хотя ядовитые соединения, принимаемые этой категорией лиц, действуют на центральную нервную систему разрушающе, все-таки одного-двух приемов их для возникновения тяги недостаточно. Именно инфантилизм служит определяющим фактором - захочет подросток принимать яд и в третий раз или ему хватило двух первых проб. Вот и получается, что пробуют тысячи, продолжают нюхать — десятки.

Иногда инфантилизм проявляется пунктуальностью в исполнении чужих указаний, в отдельных случаях — и собственных обязанностей. Повышается, доходя до пе дантизма, аккуратность в одежде, письме. Устанавливает

ся своеобразная манера разговора (сентенции как бы с заранее заученными интонациями).

Важно подчеркнуть и такую деталь — психическим инфантилизмом страдают только лица мужского пола. Почему? Видимо, потому, что их воспитанием занимаются исключительно женщины. Ну, и потому, что природа предъявляет к девочкам — девушкам — женщинам более строгие требования — быть продолжательницами человеческого рода.

Сейчас уже никто не сомневается, что первопричиной инфантилизма является феминизация общества, а проще говоря — отсутствие мужчин там, где им положено быть, т. е. прежде всего среди воспитателей. Почему же их там нет? Ведь после войны выросло уже два поколения, в каждом из них на 100 девочек приходилось по 105—106 мальчиков, следовательно, теоретически общее число мужчин в обществе вроде должно было равняться числу женщин. Однако не равняется. Уже с возрастной группы 30—34 года количество мужчин резко снижается, и в конце 1987 года это неравенство выражалось цифрой 16,9 млн. Иначе говоря, даже при условии, что все мужчины женаты, почти 17 млн женщин не имели бы мужей.

Но ситуация гораздо хуже, чем кажется на первый взгляд. Ибо статистический мужчина далеко не всегда оказывается тем мужчиной, который может играть роль воспитателя. Сколько тысяч или миллионов мужчин пьют и употребляют наркотики (разве можно их допускать к воспитанию?), сколько мужчин изолировано не только от семьи, но и от общества за различные преступления? Демографы, возможно, и знают эти данные, но они не публикуются в открытой печати. Я же знаю другую цифру — сегодня около 13 млн несовершеннолетних детей воспитывается в неполных семьях, без отцов. Следовательно, такое количество детей подвергается прессу феминизации в семье. Ну, а в дошкольных учреждениях все 17 млн воспитанников феминизируются. И почти в два раза большее количество детей и подростков в школах.

Установив причину и следствие, могу ли я дать рекомендацию — как преодолеть инфантилизм (поскольку предотвратить его, очевидно, пока невозможно)? Да, могу. Дело в том, что хотя его и называют болезнью, на самом деле это все-таки не болезнь, а результат неправильного воспитания. Поэтому, естественно, он может «поддаться»

перевоспитанию. Другой разговор, что у этого перевоспитания есть важная особенность – инфантил должен перевоспитываться сам.

Когда то И. Ильф и Е. Петров «изобрели» гениальную формулу: «Спасение утопающих – дело рук самих утопающих»... Мы привыкли употреблять ее как негативную, осуждающую какую-то порочную практику. Но в данном контексте я призываю признать ее полностью отвечающей интересам инфантилов. Да, только сами, только проявив желание и настойчивость, они могут выбраться из болота инфантилизма. Что для этого надо делать? Если коротко и немного утрируя – то, чего делать не хочется. А если развернуть эту формулу в программу действий на ближайший день, неделю, месяц, то можно дать такой совет: начинайте выполнять предстоящие дела (домашние задания, уборку квартиры – короче, любые) с самых трудных и нелюбимых. И еще. Обязательно доведите начатое дело до конца. Наконец, позволяйте себе развлечения лишь после того, как выполните все намеченное на этот день, неделю или месяц.

Бедиль рекомендует: «Пора учиться молодцам рожать...» Какой сарказм, какая едкая насмешка над мужчинами. Неужели за столько лет мы, мужчины, не стали мудрее, неужели согласимся с рекомендацией и станем выполнять совет? Или все же найдем силы, соберем в кулак волю и попытаемся, как барон Мюнхаузен, вытащить себя из трясины инфантилизма.

Итак, инфантилизм – однозначно отрицательное явление? Да, несмотря на то, что внешне похожее состояние – способность помнить о своем детстве – одно из условий творчества писателей, композиторов, художников. Доктор психологических наук М. Ярошевский в одной из своих бесед с журналистами так ответил на реплику корреспондента: «Сейчас за рубежом имеет хождение концепция, согласно которой наличие инфантильных свойств в психике человека – необходимое условие его пригодности к творчеству, в том числе – научному...

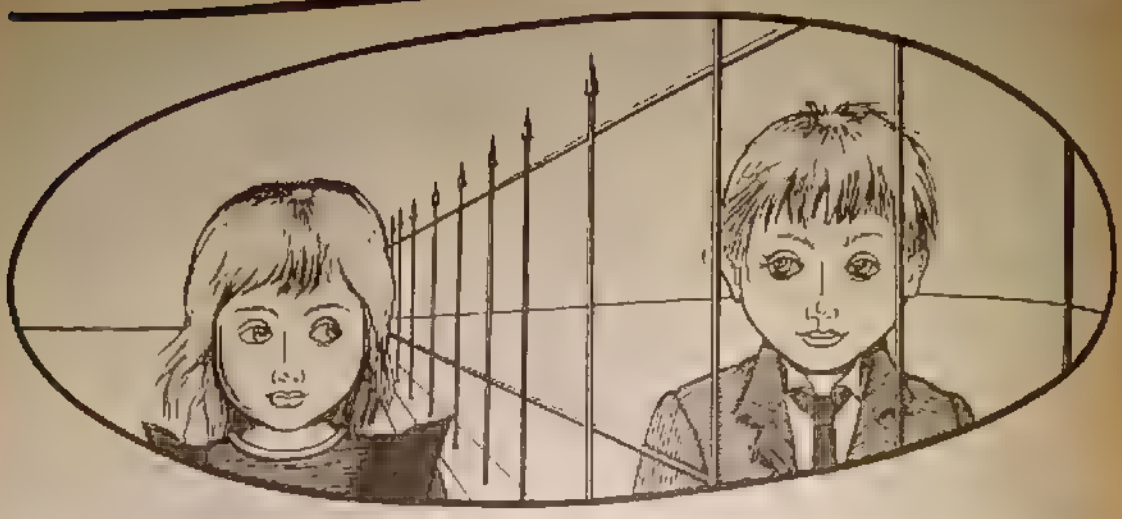
– Еще раз подчеркну, что инфантильность и детскость не идентичны. Первая означает личностную недоразвитость и, как дефект, не может играть положительную роль. От нее нужно избавляться. Другое дело – те свойства детства, которые придают ему неповторимую прелесть, делают человеческую душу богаче. Непосредственность восприятия и неуемная любознательность, не-

лет фантазии и изобретательность, чистота помыслов и чувств — все эти ценнейшие качества рождаются в детстве. Без них нет и подлинной творческой личности.

Он награжден каким-то вечным детством, сказала Ахматова о Пастернаке. Но не только людям искусства — многим ученым также удавалось сберечь золотые россыпи детства...

Правомерно ли на этом основании призывать: «Не будьте как взрослые!»? (Под таким заголовком американский журнал «Психология сегодня» опубликовал недавно беседу с известным специалистом по изучению поведения Э. Монтегю.) С автором можно согласиться в том, что следует развивать, а не изживать такие присущие каждому нормальному ребенку качества, как любопытство, восприимчивость, жизнерадостность. В этом смысле сохранение «вечнодетского» в личности отнюдь не означает ее инфантилизацию. Но это не означает также, что условием истинного творчества является возврат к генетически ранним ступеням психического развития».

К этим словам ученого вряд ли можно что-нибудь добавить.



Глава двенадцатая

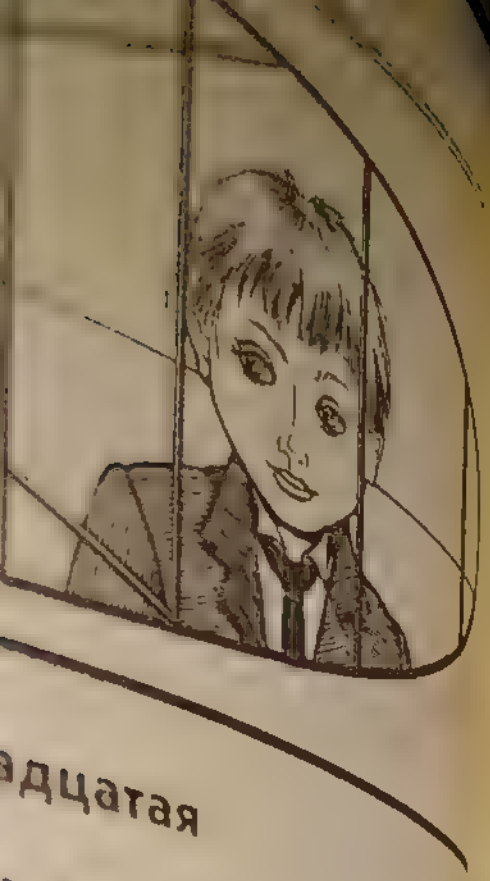
ДАВАЙТЕ МЫ ИХ РАЗЛУЧИМ

Человек может вынести бесконечно много: болезни, потерю близких, неудачи, лишения, но он не переносит унижения, когда его лишают возможности уважать самого себя. Это может толкнуть его на самоубийство и даже на преступление.

Ж. Сименон

В одной из своих книг я написал: совместное обучение мальчиков и девочек в старших классах приводит к целой серии негативных последствий. Каких именно - объясню чуть позже, а сейчас о другом. Рецензент той книги выступил категорически против оставления в тексте подобного заявления. И мотивировал свое возражение тем, что «в настоящее время в стране осуществляется школьная реформа, но вопрос о раздельном обучении не рассматривается». Иначе говоря, логика, факты, аргументы — это все мелочи, о которых не стоит и говорить. Единственный критерий истины — рассматривается вопрос вышестоящими организациями или нет.

Да, школьная реформа внедряется в жизнь. Да, она пока не предусматривает такого революционного нововведения, как создание мужских и женских школ. Но достаточно ли этого, чтобы отказаться от обсуждения проб-



адцатая

К РАЗЛУЧИМ

Человек может вынести бесч
нечно много: болезни, поте
близких, неудачи, лишения, к
он не переносит униже
гда его лишают возмож
уважать самого себя. Это мо
толкнуть его на самоубий
и даже на преступление.

Ж. Симен

писал: совместное обу
классах приводит к
Каких именно — объя
ецензент той книги
вления в тексте пов
возражение тем, ч
ществляется школьная
обучении не рассма
факты, аргументы —
говорить. Единств
вопрос выз

ется в жизнь. Д
педагогическ
школ

земы, административной властью наложить вето на право иметь свое мнение не только специалистам, но и всем нам — чьи дети и внуки должны учиться в школе?

Помимо школьной реформы, в стране идет невиданная по масштабам перестройка всей нашей жизни. В ходе ее вскрыты многие негативные явления, одно из которых — недостатки обучения и воспитания. Поэтому возникла необходимость принимать экстраординарные меры по оздоровлению обстановки и в качестве одной из них (не панацея, нет, но способной все же внести положительную лепту) я и предлагаю вернуться к «старым добрым временам» — раздельному обучению.

В литературе этот вопрос не поднимается. Ученые, учителя, писатели и журналисты попросту его игнорируют. Складывается впечатление — или им неизвестно, что детей можно учить в раздельных школах, или положение кажется настолько стабильным, что изменить его в принципе не удастся.

Поскольку я не преподаю в школе, то, естественно, не могу привести конкретных примеров из собственной практики. Ну, а так как я учился в мужской школе, то не могу сослаться на свои наблюдения в школе смешанной. Поэтому примеры и аргументы взяты мной из книг, статей и писем читателей.

Вернемся еще раз к случаю, описанному Паничем и приведенному в предисловии. Десятиклассник ударил ножом учительницу. Поступок, бесспорно, дикий, оправдать его нельзя. Однако понять можно и необходимо. И можно гарантировать, что если бы школа была раздельной, если бы учительница оскорбила ученика в присутствии только юношей, преступления бы не было. История вышла за стены школы и стала известна всей стране. Но сколько аналогичных, различающихся лишь финалом историй происходит ежедневно и ежечасно. Кто подсчитывал их? Кто оценивал урон, наносимый нравственному здоровью юношей и девушек?

«Здравствуйте. Вряд ли Вы сможете мне помочь, но пишу, чтобы излить душу. Не знаю, как мне быть, что делать. Извините, не представилась. Я кандидат технических наук, старший научный сотрудник одного из НИИ. Мне 40 лет, замужем — муж тоже научный сотрудник, но физик. У нас есть сын, Дмитрий, ученик 8-го класса...

Сегодня мне на работу позвонил Димин классный руководитель — преподаватель английского языка и, даже не поздоровавшись, велел срочно явиться в школу. Дима, мол, совершил преступление, и стоит вопрос о передаче его в милицию. Если у Вас есть дети, Вы сможете

представить себе мое состояние. Даже забыв отпроситься, я на такси помчалась в школу. Пока ехала, проанализировала десяток ситуаций, но все равно не могла вообразить сына преступником. Конечно, любая мать хвалит своего ребенка, но наш Дима и объективно хороший парень. Любит животных, возится с малышами, честный и отзывчивый. Единственное, что я допускала,— Дима, не желая, мог нанести травму кому-нибудь из ребят — он занимается спортом и физически очень сильный.

Приехала. Кинулась в учительскую — классного руководителя нет, но обстановка спокойная, к директору — вообще никого нет. Подошла к классу — слышно, идет урок, но шум деловой, никакого возбуждения (а я ждала — случилось такое ЧП, что и уроки отменили). Наконец прозвенел звонок — перемена. Ученики высыпали в коридор, вместе с ними и мой сын. Увидел меня, побледнел и просит: «Иди домой, я потом все объясню». Я не послушалась, не ушла, а тут и Петр Петрович, классный руководитель, идет — мужчина лет 23 -24. И прямо в коридоре, в присутствии нескольких десятков учеников, начал на меня (или мне?) кричать: «Я этого бандита из школы вышвырну, по этому уголовнику колония плачет...» Ну, и дальше в таком же духе.

Я не стала слушать, пошла к директору. Через минуту и классный туда примчался. Не буду описывать его поведение, но самое страшное — директор учителя поддержал, оправдал... А дело было в следующем. На уроке Петр Петрович позволил себе, как он сказал, неудачно выразиться по поводу одной из учениц (потом, дома, Дима сказал определеннее — оскорбил ее честь). Дима и еще три ученика потребовали, чтобы он извинился перед девушкой.

Однако Петр Петрович категорически отказался. И тогда мальчики ушли с урока. И сказали, что не будут считать классного человеком, пока тот не извинится.

Директор, выслушав все это, заявил: «Так и быть, я разрешу Дмитрию закончить восьмой класс, но при условии — после школы он уйдет в ПТУ».

<...>

Вечером муж позвонил родителям девушки и спросил, намерены ли они подавать иск в суд. Оказалось — нет. Считают, что учителя все равно оправдают, а дурная слава о дочери пойдет.

Что же делать? Как быть? Отказаться от всех идеалов, разрушить все, что столько лет вкладывали в сознание сына? Согласиться, что хамство восторжествует?..»

— В письме нет и намека на необходимость разъединить обучение мальчиков и девочек. Более того, и в чисто мужском коллективе может найтись грубиян, с ним и там трудно будет справиться. Однако, думается, душевная психическая травма у восьмиклассников была бы гораздо меньше, если бы инцидент происходил без свидетелей другого пола.

Но даже если учитель умен, великодушен и тактичен, гарантирует ли это нормальную атмосферу в классе? Увы, нет. Вот что пишет, например, В. Шаталов: «Можем ли мы, положа руку на сердце, сказать, что каждый

выпускник средней школы получает прочные знания? Мы уже свыклись с мыслью, что с первого класса существует деление учеников на сильных, средних и слабых. Это деление сохраняется до десятого класса. Только уменьшается количество сильных, увеличивается — слабых и средних».

Таким образом, даже при оптимальном варианте в классе обязательно будут двойки и двоечники. Следовательно, юноши и девушки будут принимать позор в присутствии не просто представителей противоположного пола, но на глазах у любимых. И если кто-то усомнится в том, что любовь у старшеклассников существует, при чем (по крайней мере, так должно быть и бывает) более чистая, светлая и крепкая, чем в любой другой период жизни, — это сомнение необоснованно.

Но, к сожалению, умных, великодушных и тактичных учителей не слишком много. Так, известный педагог Е. Ильин признает: «Не раз замечал, как иные из нас на уроке, экзамене словно наслаждаются бледными, лихорадочными лицами ребят. Вот, мол, все вы у меня в руках! Это хорошо, что «в руках», и хорошо, что «все». Но зачем рушить саму основу успеха — здоровье ученика? Дерзающие в этом смысле и есть терзающие: и себя, и ребят, и их родителей. Иной наставник столько двоек наставит, что поневоле руки опускаются».

И Шаталов и Ильин не обсуждали проблему совместного или раздельного обучения, они выступали по другому поводу. Но вывод из их высказываний можно сделать такой — учеников, получающих двойки, в средней школе много и число их закономерно возрастает от младших классов к выпускному. Следовательно, учитель вынужден ставить двойки, и, естественно, сопровождать это определенными комментариями ежедневно большому числу учеников.

Но ведь ученик — это не что-то аморфное, бесполое, это не существо среднего рода (к сожалению, часто усилия школы увенчиваются успехом и он таким в конце концов становится) — это живой человек. Личность. И имеет право требовать к себе уважения.

Прочитайте еще раз эпиграф, вдумайтесь в него. И вспомните, кто помоложе, свои школьные годы, а кто постарше — какими были ваши дети в школьном возрасте. Как вспыхивала беспричинная злоба, как возникали

акты вандализма даже у «приморных» подростков, с ка-
кой жестокостью девочки порой избивали свою подружк-
ку, как стремились унизить, оскорбить друг друга, как
издевались над бессловесными кошками или голубями.
Вам кажется, все это случайно, не связано между собой?
Нет, связано.

Подростки, юноши, вынужденные молча сносить мо-
ральные поощрения учителя в присутствии любимой де-
вушки – да можно ли выдумать экзекуцию страшнее. И
что останется мужского, рыцарского в душах романтиков
и фантазеров (а все мальчики в возрасте от 12 и старше –
романтики и фантазеры), если в их присутствии учитель
обижает любимую девушку...

Надо иметь в виду, что в принципе в нашей школе
(смешанной ли, раздельной) не удалось создать обста-
новку, когда бы двойка сама по себе считалась чем-то
постыдным. Иначе говоря, оценка «два» отрицательных
эмоций в старших классах почти не вызывает по пред
ставлению большинства учеников, мерилом интеллекта
она не является (в лучшем случае – плохой усидчиво
сти, неаккуратности, забывчивости). Способствует такому
отношению к ней и поведение многих учителей. Как пи-
шет Ильин: «Зашумел — два, молчит — два, пересказал –
два, подсказал — два...» Следовательно, стрессором (и
учителя это прекрасно осознают) является не сама двой
ка, а именно комментарий к ней педагога. И педагоги
в таких комментариях изощряются.

Ну, ладно, скажут некоторые, разделим мы школу
или хотя бы классы на мужские и женские — что, сразу
станет меньше плохих учеников, улучшатся знания? Очень
может быть, по крайней мере, логично этого ожидать.
Ведь никто не станет отрицать, что умственные способ
ности мальчиков и девочек не тождественны. Первые
более склонны к точным наукам, поисковой активности
логике, вторые – к предметам, где важнее абстракция
эмоции. Имея перед собой более однородный коллектив
учитель несколько по-иному (в пределах программы, ра
зумеется) сможет объяснять материал, приводить при
меры, останавливаться на деталях, интересных всему
классу.

Однако главное не в этом. Пусть даже двоек останет
ся столько же. Но они перестанут быть стрессором, пер
станут (вспомним утверждение Ильина) «рушить само
основу успеха — здоровье ученика». Перестанут ранить

калечить душу, не посягнут на заложенное в каждого от рождения чувство собственного достоинства.

Помимо двоек, в смешанной школе существует и множество других способов унизить ученика. Так, Шаталов пишет: «Заканчивается последний урок. С несколькими учениками необходимо провести дополнительные занятия. В большинстве случаев вопрос, как наиболее тактично назвать фамилии ребят, с которыми предстоит работать, никого не смущает.

— Головин, Карулин, Платонов, Суслова...

А думаем ли мы при этом, что Платонову оставаться после занятий не хочется, а Суслова, услышав свою фамилию, заливается краской стыда?»

В статье Шаталова я выделил слова, характеризующие распространенность явления — «в большинстве случаев», «никого»... Следовательно, ежедневно десятки или сотни тысяч детей заливаются краской стыда. И никого это не смущает, не останавливает...

Есть еще одна отрицательная сторона в совместном обучении. Давно доказано и не вызывает сомнений утверждение — чтобы быть взаимно привлекательными, мужчина и женщина должны иметь свои тайны. Психологи и сексологи говорят, что даже супруги должны скрывать друг от друга какие то интимности — это если и не гарантирует счастья в браке, то способствует его достижению, усиливая взаимное влечение. Но разве возможно подобное в классе, где поровну мальчиков и девочек? Короткие платья (вследствие акселерации) не прикрывают того, что должны были бы прикрывать, а всякие мелкие «аварии» — от сломавшейся застежки бюстгальтера до пятна на форме из-за внезапно начавшейся менструации — нельзя скрыть от десятков любопытных глаз. Учеными установлено - женщин в абсолютном большинстве случаев обнаженное мужское тело практически не возбуждает. Им недостает фантазии делать из предметов мужского туалета сексуальный фетиш. Но у мальчишек-то, у мальчишек все по-другому...

Смешанная школа оказывается провоцирующим фактором в возникновении и такого негативного явления, как вещизм. До какого-то возраста мальчики и девочки если и уделяют внимание своей одежде, наличию тех или иных материальных ценностей, то весьма скромное. Но вот в 12—13 (девочки) или 13—14 (мальчики) лет все резко изменяется. Пойти в школу в запятнанных колгот

ках? Ни за что. Надеть рубашку, о которой кто-то высказался пренебрежительно? Да лучше прогулять урок. Ну, а поскольку, как уже было сказано, отметка ценится школьниками весьма низко и рассчитывать, что даже «круглые» пятерки могут привлечь чье-то внимание, заслужить чью-то благосклонность, не приходится, престижными становятся импортная одежда, сверхмодные магнитофоны, играющие турецкий марш электронные часы...

О том, каковы масштабы вещизма, как наши дети ориентируются в возможностях «достать» деньги и как относятся к различным способам этого, дает представление социологическое исследование, проведенное в 1987 г. лабораторией молодежных проблем АН СССР и «Литературной газетой» в Москве, Ленинграде, Ереване и Ашхабаде. В исследовании и обсуждении результатов принимали участие доктора и кандидаты наук, учителя, писатели, другие специалисты.

Старшим школьникам и учащимся ПТУ задавали такие, например, вопросы: Какой доход они считают для себя достаточным? Кто в нашем обществе имеет много денег? Какие доходы можно считать «левыми»? Приходилось ли им лично участвовать в «фарцовке»?

Исследование показало, что старшеклассники великолепно умеют считать деньги. Например, на вопрос о зарплате родителей большинство из них указывало две цифры — без вычетов и с ними. Они знают цену практически всех продуктов питания и промтоваров. Знают цены государственные и спекулятивные. Но, как отмечают исследователи, они «ориентированы только на трату денег, на пользование готовыми деньгами». И совсем не знают, каким трудом деньги достаются.

В комментарии к одному из разделов исследования доктор философских наук В. Ядов пишет: «Более двадцати лет мы наблюдали сдвиги в отношении к труду молодых рабочих Ленинграда (это, правда, не школьники, но вчерашние учащиеся школ и ПТУ). Сдвиги эти весьма существенные. Общественное мнение 60-х годов осуждало стремление к деньгам, к материальному благополучию. Это считалось мещанством, даже если речь шла о вознаграждении за труд. Например, я помню статью в журнале «Звезда» 1962 года, где разоблачалось «слепое увлечение прикрывать свое тело возможно более красивыми одеждами». Сегодня жизненные установки мало

дых, в том числе семнадцатилетних, более рациональны. Они вполне осознанно рассчитывают на материальное вознаграждение и мало кто едет «за туманом»...

В определенной степени типичным ученые считают следующий вариант ответа: «Сейчас ценят человека не по уму, а по внешнему виду, одежде, отчасти вульгарному поведению, силе. Учеба не ценится и не будет цениться. Стремления человека сводятся к деньгам, одежде». Под это утверждение подводится «теоретическая база»: «В наше время очень нужны деньги, особенно нам, молодым. Нам хочется как бы выделиться, и на это уходит много денег. Хорошие вещи можно купить только с рук, за сногсшибательные цены, а в наших магазинах их нет. Поэтому мы и переплачиваем. А зарабатываем мы деньги «фарцовкой» и сексом, за одну ночь можно заработать 100—150 рублей»...

Кандидат философских наук Г. Погосян в своем комментарии пишет: «Будем реалистами. В крупных городах, где мы проводили опрос, подросткам без денег делать нечего: кино, кафе, аттракционы и прочие соблазны. Современный старшеклассник, отданный большую часть дня самому себе, вправе требовать от вечно занятых родителей своего рода «откупных». Интересны их представления о будущем заработке. Юноши предполагают зарабатывать в среднем 147 рублей, девушки — 177... Вспомним несколько десятков копеек карманных денег и несколько рублей «сбережений» в нашем детстве, да еще добавим к этому первые заработанные своим трудом 70—80 рублей, чтобы представить размеры и масштабы «финансового прогресса» за последние 15 -20 лет. Жаль только, что прогресс этот задел не столько душу, сколько «тело»...

Кто же виноват в том, что молодежь теперь значительно больше уделяет внимание материальной стороне бытия в ущерб моральной? Виноваты все — родители, воспитатели, учителя, писатели... Мне близки слова партийного и государственного деятеля К. Т. Мазурова, сказанные им в одном из интервью: «Молодежь — это всегда продукт своего времени. Мое поколение — дети Октября, нас родители и страна так воспитали. Мы стремились к знаниям, мы хотели работать. Я учился в техникуме, а на товарной станции зарабатывал деньги на штаны и ботинки. На все свое поколение не помню ни одного молодого человека, который бы ничего не делал. Бездельников не было.

Настрадавшись, мы сдували пылинки со своих детей. Это серьезный фактор, который способствовал позднее появлению негативных явлений. Появилось поколение, которому все положено, даже положено жить при коммунизме. У миллионера сын идет зарабатывать на жизнь, а мы, первый раз поев досыта, сразу стали беспокоиться, как бы не переработались наши дети. Это вина моего поколения... Не было повсеместной ориентации молодых на труд. Не как на романтический праздник, а как на постоянное, будничное, жизненно необходимое дело.

В итоге, какая самая острая молодежная проблема последних лет? Увы, досуга... А попробуй развесели человека, который только тем и занят, что отдыхает...

Общеизвестно, что отдых надоедает быстрее, чем самая монотонная работа. Ну, может не отдых, а ничегонеделание. Вот тут и возникает желание «как бы выделиться»... А для этого нужны деньги.

Практически никто из опрошенных не говорил о любви к профессии, интересной специальности, возможности творчески трудиться. Будущую работу оценивали только (выделено мною.— *В. В.*) по размеру возможного заработка. В этой связи интересны ответы на вопрос: «Кто имеет много денег, где их можно легко заработать?»

Всего было дано 340 ответов о занятиях и профессиях, позволяющих легко и много зарабатывать. Вот как они расположились по частоте упоминания: фарцовщик — 47 раз; спекулянт — 39; военный — 28; работники автосервиса, ресторана, Совтрансавто, пункта приема стеклотары, служащие за границей — 27, министр — 23; шахтер — 19; парикмахер — 13; директор, продавец, проститутка — по 11; артист, мясник, профессор — по 4.

Вот что говорит по этому поводу кандидат философских наук Ф. Ильясов: «Действительно, представление о формах получения денег порождает внутренний конфликт. То, что деньги рассматриваются как одна из ведущих ценностей, полностью приемлемо, когда их источником является труд. Однако представление о том, что много денег можно получить только «левым» путем, означает противоречие между декларируемым и реальным. Семнадцатилетние неплохо знают, кто имеет много денег. Фарцовщик и спекулянт упоминаются чаще всего, а министр, директор, дипломат и профессор, вместе взятые, называются почти в два раза реже. Шахтер и летчик набрали приблизительно такое же количество «голосов»

что и парикмахер с продавцом. Если эти высказывания ранжировать по числу упоминаний, то проститутка оказывается на седьмом месте, а артист — на одиннадцатом. Вместе с артистом «почетное» одиннадцатое место разделит профессор с мясником (последний вид выделится среди прочих продавцов). Если ответы разделить на две группы по признаку «трудовые — нетрудовые доходы», то это позволит сделать вывод, который не назовешь неожиданным. Должности, позволяющие иметь много денег за счет нетрудовых доходов, упоминаются в полтора раза чаще, чем высокооплачиваемые профессии. В сознании юношей и девушек укрепилось представление: много денег можно иметь при занятиях, связанных с получением «левых» доходов. В их числе «фарцовщик», спекуляция, проституция. Профессии, парикмахер, продавец, таксист, мясник».

Конечно, хорошее знание конъюнктуры и даже увлечение к перечисленным профессиям не свидетельствуют о том, что сами школьники хотели бы (собираются) зарабатывать себе на жизнь именно таким образом. По крайней мере, планируя свой путь, 92 % из них ответили, что мечтают о поступлении в институт, 3 — в техникум и лишь 5 % намеревались после школы пойти работать. Да, становиться парикмахером, мясником или проституткой они еще не думают. Но, потерпев фиаско при поступлении, останутся ли они на тех же позициях? Тем более, если уже сейчас, в школе, никакого внутреннего протеста представители названных профессий у них не вызывают.

Доктор философских наук Б. Докторов дополнил И. Ильинова: «Ученый и фарцовщик, политобозреватель АПН и мясник, дипломат и проститутка... В жизни они разделены жесткими статусными перегородками. И вдруг они воссоединились в замкнутом пространстве социологического вопросника. Единственное, что свело их вместе, это неумолимый всеобщий эквивалент — деньги. Все они — люди денежные. И это не просто выдумка малоопытных недорослей. Здесь действуют стереотипы массового сознания, и, к сожалению, они недалеки от действительности»...

Чтобы закончить эту тему, приведу слова доктора исторических наук Л. Гордона: «Результаты исследования с очевидностью свидетельствуют: пелена «тайны» в детском королевстве. Действительно, молодежная экономика имеет спекулятивно-теневую тенденцию, и бо

роться с ней надо умело, никакие запреты и заклинания не помогут»...

Еще одна проблема, которую необходимо рассмотреть в этой главе, - коллективная дружба класса. В смешанных классах возникает гораздо больше различных форм отношений друг с другом, чем в раздельных. Симпатии и любовь, ревность и зависть, желание понравиться или обратить на себя внимание... А сколько обид, конфликтов... Они препятствуют зарождению дружбы. К тому же составы классов постоянно изменяются.

Правда, идея дружбы, желание дружить современной молодежи присущи. По крайней мере, в упоминавшемся выше социологическом исследовании на вопрос «какие жизненные ценности и устремления имеют наибольшее распространение среди молодежи?» от 93,6 до 98,5 % опрошенных ответили: «Иметь верных друзей».

Можно было бы назвать и другие стороны проблемы. Но уже рассмотренных достаточно, чтобы если не перестать сомневаться в необходимости разлучения мальчиков и девочек в школе, то хотя бы попытаться обсудить этот вопрос.

Да, в ряде случаев о введении раздельного обучения речи быть не может - нет объективных условий. Но в городах, городских поселках, где учеников много, особых трудностей в этом быть не должно. А контакт между мальчиками и девочками, юношами и девушками, конечно, необходим. Это могут быть совместные вечера отдыха, межшкольный драматический коллектив, хор и др. Встречаясь же от случая к случаю, не в повседневной, а в несколько даже приподнятой, праздничной обстановке, молодые люди будут относиться друг к другу более возвышенно, романтично.

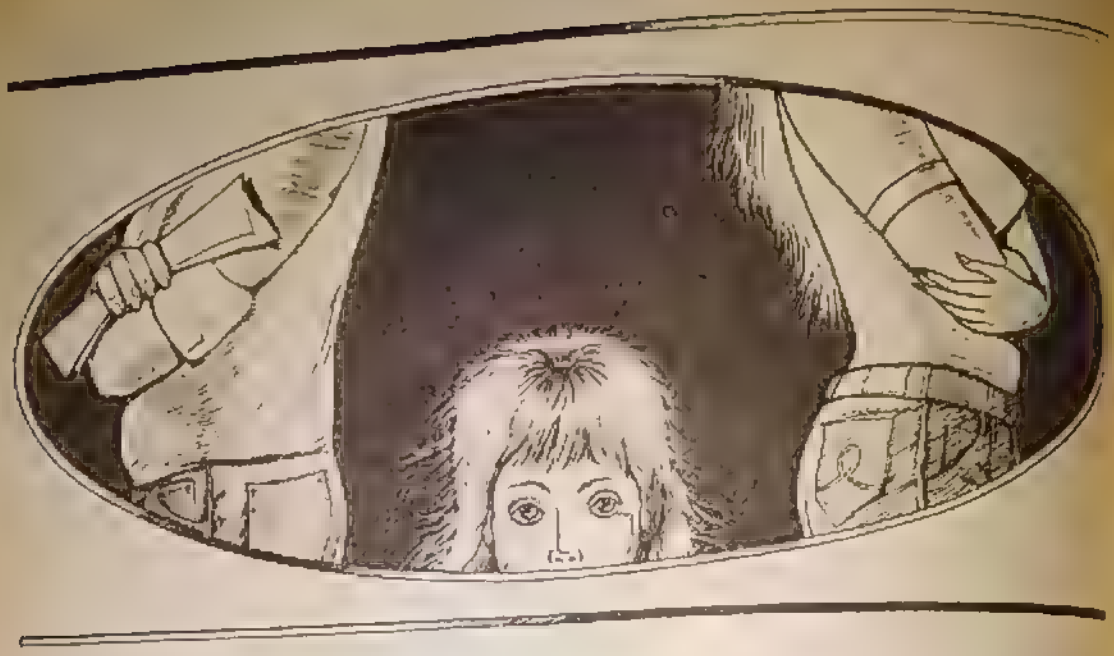
Думаю, разделение школ по половому признаку будет способствовать также укреплению семьи, уменьшению числа разводов. Юноши перестанут смотреть на девушек как на товарищей, равных с ними во всем, будут острее осознавать свою мужскую роль в обществе. Девушки, не видя, как ежедневно унижают любимого, как попирают его достоинство, будут выше ценить мужские качества — великодушие, мужественность, смелость, умение постоять за себя.

Сегодня вопрос о раздельном обучении пока не поднимается. Но в одном из августовских (1987 г.) номеров «Правды» в передовой статье указывалось: «Дискуссия

лавшаяся в педагогической среде, вышла за ее пределы, затронула широкую общественность. Школьная тема громко зазвучала в производственных коллективах, научных учреждениях, творческих союзах, она обрела заметное место в прессе, на радио, телевидении. Проблемы народного образования стали предметом серьезного, обстоятельного изучения партийных комитетов, Советов народных депутатов...»

Школьные проблемы волнуют каждого из нас. Сегодняшние школьники станут главной производительной силой страны в XXI веке, от их моральных качеств, степени их профессиональной подготовки будет зависеть в самом прямом смысле жизнь нас, их родителей, судьба нашей Родины. И поэтому нельзя отказываться от любого предложения, от любой идеи, направленных на совершенствование обучения, улучшение воспитательного процесса.

Поэтому включение в книгу апробированного длительным опытом предложения о раздельном обучении можно считать вполне оправданным.



Глава тринадцатая

ВИНОВАТЫ ЛИ РОДИТЕЛИ В НАРКОМАНИИ ДЕТЕЙ!

Есть целый мир в душе твоей.
Ф. Тютчев

Отчеты о нескольких судебных процессах, которые проходили в последние годы, письма в газетах и журналах матерей подростков, ставших наркоманами, личное знакомство с семьей, в которой дочь стала токсикоманкой, долго не позволяли мне начать разговор — есть ли вина родителей в этом пагубном для детей увлечении. На первый взгляд родители детей, ставших наркоманами, вели себя по крайней мере не хуже, чем в большинстве других семей, однако это не уберегало их сыновей и дочерей от возникновения пристрастия. В работах же психологов, психиатров, юристов конкретных объяснений долго не было. Теперь ситуация проясняется. В последних (к времени написания этой книги) публикациях точки над «и» расставляются достаточно определенно.

Вот, например, что пишет известный специалист в области детской и подростковой психиатрии кандидат медицинских наук М. И. Буянов («Неделя», 1987, № 24): «Мы родимся равноправными, но не равносильными. А современная медицина (и с каждым годом все успешнее) спасает при рождении многих детей, которые сравнительно недавно были обречены на смерть или инвалидность из-за тяжелой родовой травмы, наследствен-

цатая

НАРКОМАНИИ ДЕТЕЙ

ть целый мир в душе ре

Ф. Гете

ных процессах, кото
сьма в газетах и жу
х наркоманами, ли
чь стала токсикоман
разговор — есть ли ве
етей увлечени. На
щих наркоманов.
м в большинстве
их сыновей и до
работах же психо
к объяснений дол
ется. В последних
публикациях точк
ределению.
стный специалист
натрии клинич
Неделя». 1987. №
равнодушие
по своим
в себе

...психогенетической несовместимости или иных биологических особенностей организма. Сегодня таких детей лечат, ставят на ноги и пускают в мир, при этом родителей почти не готовят к тому, как их растить и воспитывать. А у детей накапливается слабость, утомляемость, непонимание и неприятие сложностей окружающего мира. К подростковому возрасту у некоторых это переходит в агрессивность, осознание своей неполноценности, стремление уйти в свой, доступный и понятный подобному подростку мир. Начинается социальный протест против трудновыполнимых и потому утомляющих и раздражающих общественных норм. Так появляется стремление уединиться и забыться среди равных и понятных, среди «простых». Мы называем таких ребят «дети риска», ибо они больше и как бы охотнее остальных детей рискуют сорваться и погибнуть».

Из этого объяснения становятся понятными по меньшей мере два момента — в наркомана превращается не любой и каждый ребенок или подросток, а тот, у которого это в какой-то степени предопределено. Понятно и почему раньше, лет 20 или даже 10 назад, наркоманов было значительно меньше, чем теперь. Да, бесспорно, наркоманы встречались, но почти исключительно среди взрослых — тех, кто получал наркотические препараты в качестве обезболивающих средств при ранениях, некоторых тяжелых заболеваниях. Иначе говоря, детская и подростковая наркомания — это своеобразная плата за успехи в здравоохранении, особенно в акушерстве и педиатрии.

Ну, а распущенность? Имеет ли она место? Вот что пишет по этому поводу врач-нарколог Ф. Плоткин: «Сегодня мы отошли от примитивного понимания пьянства, алкоголизма, наркомании как дурной привычки или «мрачного наследия прошлого», осознали, что далеко не последнюю роль здесь играют социальные факторы. Так, часть молодежи с детства воспитывается без забот, ведет сытую, спокойную жизнь под крылом родителей, не умеет разумно использовать свободное время. У некоторых отсутствуют активная жизненная позиция, стабильные социально-направленные интересы, проявляется нравственный инфантилизм, а социальная зрелость личности отстает от ее физического развития.

Молодые люди легко усваивают стиль поведения некоторых взрослых — брать от жизни все, ничего не от-

давая взамен. По данным грузинских социологов, которые проводили исследования среди молодых наркоманов одной из основных причин употребления наркотиков стал гедонизм, т. е. гипертрофированное желание получать удовольствие. Вчерашний отпетый двоечник и прилежная отличница сегодня неожиданно объединяются в компании «металлистов» и «панков», «хиппи» и «рокеров», проповедуя чуждые нам идеалы ухода от реальности, борьбы за сомнительные права, создавая себе кумиров из откровенных наркоманов и ставя целью своего существования «вечный кайф». Не потому ли вся эта панкующе-хиппующе-фарцующая братия зачастую становится питательной средой для распространения наркотиков?»

Таким образом, достаточно аргументированной выглядит и вторая точка зрения, согласно которой наркомания — болезнь, а приводит к ней гедонизм.

Но вернемся к мнению Буянова. Нам предстоит ответить еще на один чрезвычайно важный вопрос — насколько наследственная предрасположенность и другие названные этим специалистом факторы фатальны? Есть ли хотя бы теоретическая возможность уберечь «детей риска» от наркомании (токсикомании)? Ведь если есть — надо бороться за них, не жалея ни сил, ни средств, если нет, все наши потуги будут напрасны и время на них тратить не стоит.

Так вот, ответ на этот вопрос один — есть. Предрасположенность к наркотикам не фатальна. Здесь уместна такая аналогия. Сегодня хорошо известно — алкоголиками становятся далеко не все из употребляющих (даже достаточно регулярно и в больших количествах) алкоголь. И с помощью биохимических анализов можно точно определить кто просто пьяница, а кто в результате пьянства станет (или уже стал) алкоголиком. Различия между этими категориями пьющих имеются на молекулярном уровне их организмов. Но миллионы людей, хотя в их организме и есть предрасполагающая к алкоголизму особенность, алкоголиками не становятся. Потому что живут они в странах, исповедующих ислам, а эта религия запрещает употребление алкоголя. Сотни миллионов человек, населяющих страны Ближнего и Среднего Востока, живут долгой полноценной жизнью (это, кстати, еще одно доказательство, что алкоголь не требуется нашему организму, что введение «сухого» закона не выловет ущерба здоровья, как некоторые пытаются доказать). Не

...разу не попробовав и глотка спиртного, и заложенная в них предрасположенность не реализуется.

Следовательно, фатальности нет. Нет до тех пор, пока ребенок, подросток или даже взрослый не попробует ради любопытства ли, за компанию или из иных побуждений спиртного либо наркотика. Если бы удалось сделать так, чтобы ни один ребенок, ни один подросток никогда не могли попробовать наркотика, то можно было бы дать гарантию — даже тот, у кого ярко выражены биохимические сдвиги, генетически запрограммированная тяга к наркотику, наркоманом не стал бы.

Можно ли добиться этого? От кого это зависит? Как ни банально это звучит, зависит не от учителя в школе, не от врача в наркологическом диспансере или поликлинике, не от участкового милиционера, а только от родителей. А учитель, врач, участковый могут внести свою лепту в борьбу с наркоманией, но не более того.

Нужны ли для этого какие-то героические усилия, сверхбольшие напряжения? Судите сами. А я приведу такой пример. Однажды на заседании общешкольного родительского комитета мне пришлось разбирать преступление, совершенное двумя шестиклассниками. Воспользовавшись секундной отлучкой ответственного лица, они украли ящик коньяка с машины, разгружавшейся у ресторана. Занесли свою добычу в подвал дома и каждый вечер, перед сном, ходили туда «причащаться». К моменту, когда это было обнаружено, они успели опорожнить шесть бутылок. За раз выпивали граммов по 100, т. е. пьяными приходили домой не менее 15 вечеров. И что же? А ничего. Ни отец с матерью в одной семье, ни мать (отца нет) во второй ни о чем не догадывались.

Скажите, какие героические усилия нужны, чтобы пообщаться с сыном, поцеловать его перед сном, да хотя бы накормить? Оказывается, не просто героические, а сверхгероические — ведь надо оторваться от кресла перед телевизором.

— Пришел? Ступай на кухню — картошка в кастрюле, колбаса в холодильнике...

Еще один пример.

Молодые мама и папа (оба инженеры) смотрели интересную передачу по телевизору, а шестилетний сын путался под ногами — то приставал с домашним заданием (учился в нулевом классе), то заводил игрушечную машину. Папа не выдержал и поставил его в угол в темном коридоре.

Спохватились родители часа через два — сына нет. Нет и шапки (дело было зимой), и шубки. А время — около 23 часов. Заволновались. Оделись. Выбежали на улицу, заглянули за забор новостройки — нет. Постучали в несколько соседних дверей, где, по их расчетам, тоже были мальчишки примерно такого же возраста. Сына нигде не было. Около полуночи, собравшись с духом, позвонили матери отца - бабушке ребенка. Жила она в противоположном конце города, добраться до нее можно было только с двумя пересадками, часа за полтора. Мальчик уже был у нее несколько раз с родителями, адрес знал.

...Внук сладко спал (хотя кто знает, какие сны ему виделись), когда раздался этот долгожданный звонок. Можете представить, что пережила бабушка за долгие полтора два часа после того, как замерзшим обиженным воробышком впорхнул он с плачем в ее квартиру. Никак не могла поверить, что не разыгрывает ее, что приехал один, что вот-вот не постучат в дверь дети. Но нет, не постучали. У сына телефона не было, сообщить ему не могла, но не могла и поверить, что не спохватятся, не кинутся искать. Однако спохватились не сразу...

Может быть, и в этой ситуации от родителей требовались героические усилия? Что-то сверхъестественное? Если и да, то в очень небольшой степени.

Возможно, родители так относятся к детям во многих семьях, тем не менее наркоманов (токсикоманов) сравнительно мало. Потому что дети все разные. И для одного травма окажется несерьезной и быстро забудется, а другого как раз и толкнет к наркотикам. А поскольку внешне предрасположенность к наркомании незаметна (т. е. может и заметна, но глазу специалиста), родители не должны забывать о возможности такого исхода. Лучше, как говорится, перестраховаться и отнестись с вниманием к каждому ребенку, чем рассчитывать на «авось»...

Значительно труднее выдержать правильную линию в воспитании, преодолевая распущенность, вседозволенность. Благими пожеланиями здесь ничего не добьешься. Да разве устоим мы, взрослые, даже перед 11—12-летней дочерью или 13—14-летним сыном, которые устраивают истерики из-за отказа купить им дорогие вещи (магнитофон, мопед, украшения и т. д.)?

Мода, а хуже того вещизм, весьма заразительны. И пусть всего одна на всю школу мама, имеющая возможность тратить деньги не считая, купит дочери дорогие сапоги, это вызовет страшную по своим последствиям цепную реакцию. А папа, подаривший сыну полутысячерублевое фоторужье или импортный магнитофон, заставит многих мальчишек буквально плакать от зависти. Не виноваты-то в этом мы, родители, а вовсе не дети.

Дети были завистливы всегда. Но сейчас для нас важно не только это их врожденное свойство, но и то, чему они завидуют. Одно дело, если это полная тарелка на столе (было время, когда такая тарелка ценилась выше, чем сегодня импортный магнитофон), и другое — именно магнитофон, электрогитара или фирменные вещи. Приобретение необходимых вещей, сколько бы они ни стоили (например, пианино для занятий музыкой), почти никогда не бывает причиной хвастовства и если и вызывает зависть, то оправданную.

Труднее бороться с развращающим воздействием денег потому, что если проявление внимания к ребенку зависит прежде всего от самих родителей, то с вещизмом должны бороться все мы, взрослые, единым фронтом. Но объединить свои усилия, договориться до единого плана действий не удается. Различные уровни культуры, разные представления о престижности, неодинаковые возможности... Но трудно — не значит нельзя. И хочется верить, что наступит время, когда благоразумие победит и мы не будем развращать своих детей изобилием.

Еще одна причина, которая приводит к наркомании, — скука. По словам писателя Г. И. Успенского, это не столько безделие, сколько бессмыслие. Главное — работа мысли, а то, что в это время человек не производит видимых движений, вторично. Собственно, так же как и противоположная ситуация — человек может не просто двигаться, а даже судорожно дергаться — строгать, ломать и т. д. Но при этом ни о чем не думать, не творить. Такие действия не освобождают от скуки и не могут порвать паутину серых будней.

Почему же подростки и молодые люди не думают? Почему их ничто не интересует, не волнует, не беспокоит? Не хотят думать или не могут? Ленятся или не способны?

Во все времена были люди, которые не хотели, не умели, не могли думать. Но никогда их не было так много, как сейчас. И это, к сожалению, объективная реальность. Главная причина снижения интеллекта — алкоголизация населения.

С середины 60-х годов количество продаваемого через торговую сеть и пункты общественного питания (подчеркиваю — продаваемого. А сколько в эти годы пили украденного, самодельного, суррогатов) алкоголя стало резко увеличиваться. В пересчете на чистый спирт на

душу населения в 1965 году приходилось 4,8 л, 1979—10, 1983 году — 12 л.

Это отразилось на всех сторонах нашей жизни — снизилась производительность труда, меньше стало научных открытий, возникли негативные тенденции в управлении...

Алкоголизация населения сказалась и на продолжительности жизни (она значительно сократилась), и на физическом здоровье (резко увеличилось число травм и инвалидов), но больше всего — на умственном развитии детей. Если в 50-е годы на тысячу новорожденных было менее 10 дебилов, имбецилов и олигофренов, то сегодня, по неполным данным, 35—50, а в некоторых регионах — гораздо больше.

Ученые установили, что пагубное действие алкоголя на организм проявляется не везде одинаково и в значительной степени зависит от преимущественной температуры воздуха, а проще говоря, климата. Так, чем климат суровее, тем употребление спиртного недопустимее. У нас же чуть ли не официально признавалась правильной противоположная точка зрения — мол, если где и можно пить, то прежде всего на севере. И допились — есть места, где на 1000 детей приходится 100—150 человек с той или иной степенью умственного недоразвития.

В художественном фильме «Дожить до понедельника», фильме страстном и не стареющем, хотя и снят он был еще в конце 60-х годов, есть небольшой эпизод — приходит к учителю мать и просит не ставить сыну двойку. Учитель говорит, что он и так совершил преступление против совести и поставил тройку, но добавляет, что у мальчика плохая память и что он мало думает. И тут мать взрывается — а откуда взять ее, эту память, если отец у мальчика хронический алкоголик. Он и в физическом развитии отстает — головку до полутора лет не держал, сейчас худой и бледный и все во дворе дразнят его доходягой...

Сегодня, безусловно, этот мальчик ни во дворе, ни в классе не был бы исключением — отцов алкоголиков хоть пруд пруди. Кстати, и диагноз такой — хронический алкоголик — теперь уже не ставится — не хронических алкоголиков просто не бывает.

Можно ли помочь умственно отсталым, психически неполноценным детям? Да, если конкретно сформулировать задачу — чего мы хотим добиться. Ребенку нас-

найти занятие, взять под контроль, который бы не позволил попробовать наркотика. Но осуществить это можно только в семье, что уже мало реально. Отец — алкоголик или пьяница — не интересуется сыном. Мать физически не успевает.

Пусть и много их, умственно неполноценных, но все же не большинство. А как дела у большинства? К сожалению, с мыслительной, творческой деятельностью тоже не слишком хорошо. Одна из причин — раннее пристрастие к телевизору. Как правило, родители поощряют многочасовой просмотр всех передач подряд. Им спокойнее — ребенок дома, под контролем, не надоедает с вопросами. А то, что у него от этого постоянный стресс, что он не начинает или перестает читать, родителей волнует мало.

Без чтения же, без постоянного умственного труда атрофируются даже те способности, которые были заложены в человека отроду. И получается порочный круг: не думает — скучно, а думать разучился или не умел. Остается единственное развлечение (впрочем, не единственное, есть еще и такое, как издевательство над животными) — прием наркотических или токсических веществ.

Еще об одной причине, способствующей развитию наркомании, говорит Буянов: «Наше время — время сильных женщин, для них, к сожалению, характерны неполные семьи.

И если ребенок в такой семье один, да еще и мальчик, в подростковом возрасте в нем крайне обостряется тяга к эмансипации: хочу быть свободным, что хочу, то и делаю. Лишенный отцовского контроля подросток порой добивается полной свободы, а пользоваться ею не умеет. И начинается бунт, который разрушает прежде всего личность самого ребенка...»

Ф. Достоевскому принадлежат слова: «Человека делают человеком светлые воспоминания детства». Думаем ли мы об этом, когда с необыкновенной легкостью соглашаемся на развод, а после него используем ребенка то как меру наказания строптивого бывшего супруга, то как приманку для получения дополнительных льгот. За последние годы были проанализированы специалистами из сотен и тысяч бракоразводных процессов, которые всех остальных случаях на первое место выступали интересы супругов. Логично ли это? Да, но только для тех,

кто воспитан эгоистом, кто думает больше о себе, кому глубоко безразлична судьба даже своего ребенка. Какие «светлые» воспоминания» останутся у тех 13 млн сегодняшних мальчишек и девчонок, от которых ушли (или были изгнаны женами) отцы, которые сначала несколько лет убеждают сверстников, что папа «уехал в Антарктиду», а потом вдруг понимают: командировка на край света — обман...

Конечно, каждый человек имеет право на счастье. Но нельзя в погоне за собственным счастьем растаптывать счастье других, в том числе и счастье своего ребенка. К сожалению, многие об этом не думают. И происходит это опять-таки потому, что сами сегодняшние супруги были единственными детьми в семье, ну, и еще потому, что родители их в ряде случаев не очень стремились быть честными, жить честно. Вот так все переплетается, причины и следствия меняются местами, а в результате — небывалый для нашего общества расцвет наркомании.

Все мы — родом из детства. Эту ставшую афористической фразу привел в одном из своих выступлений драматург В. Розов. И продолжил: «Честность, доброта, принципиальность, стремление к справедливости, стойкость против житейских соблазнов рождаются в отчем доме, формируются его атмосферой...

Конечно, с малыми детьми проще — для них родительский авторитет, как правило, непререкаем, юности же свойственны скептицизм, бескомпромиссность в суждениях, максимализм, склонность к разочарованию. А кругом так много соблазнов и несправедливостей тоже еще немало. Если в душе нет противовеса, то легко возникают и обиды, и зависть, и злоба».

Могут ли родители справиться со своими обязанностями по воспитанию детей, если атмосфера в доме характеризуется скорее словами «неустойчивая» или даже «взрывоопасная»? Не удивительно, что дети из этих семей склонны к наркомании.

Наконец, еще одна часто встречающаяся причина тяги к наркотикам — одиночество. Оно многолико и, по словам доктора философских наук И. С. Кона, не все под этим термином понимают одно и то же. Часто, утверждает он, «подростки называют одиночеством вульгарную скуку, неумение занять себя, отсутствие «своей» компании. Мрачное настроение чаще всего возникает у них в

конце недели, в периоды незанятого досуга или при переходе в новый учебный или производственный коллектив».

Не всякое одиночество — зло. Иногда человеку надо побыть одному, сбросить с себя маску (а всегда, общаясь с другими, мы надеваем ее на себя). Масок этих много — на разные случаи жизни своя...

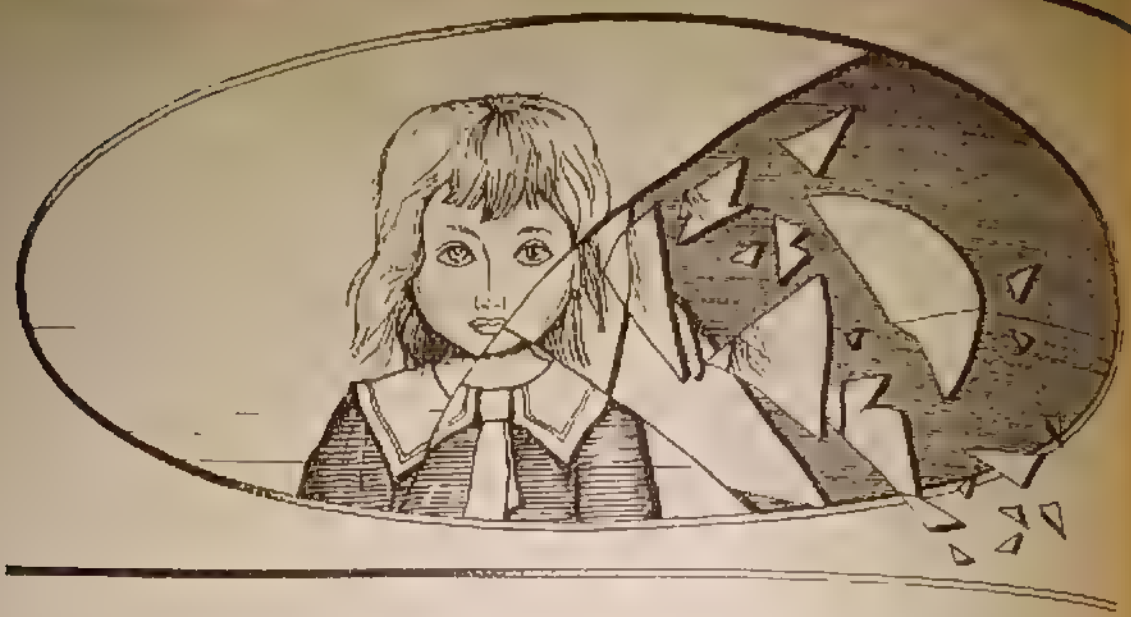
Но необходимость побыть одному не исключает потребности человека, особенно подросткового и юношеского возраста, в общении с себе подобными и равными. К сожалению, нередко эта потребность не реализуется. Почему? Да хотя бы потому, что значительная часть молодых людей страдает застенчивостью. Порой эта застенчивость обоснована, например, физическими недостатками (заикание, излишнее количество веснушек, избыточная масса тела, деформации костной системы), невозможностью модно одеваться и т. д. Но иногда ничего подобного нет и в помине, а человек просто по характеру застенчив, не уверен в себе.

Застенчивые дети трудно вступают в контакт со сверстниками. В результате возникает чувство одиночества или даже комплекс неполноценности. Если в это время не прийти на помощь, не понять состояния ребенка, очень может быть, что дефицит общения приведет к употреблению наркотиков.

В последние годы (мы не станем обсуждать причины этого) обострилась проблема религиозности определенной части населения и прежде всего — молодежи. Все больше юношей и девушек, даже с комсомольскими значками на груди (но не с убеждением в сердце), начинают увлекаться «богоискательством». На первый взгляд это кажется странным: в пору всеобщего материалистического среднего образования вера в потусторонний мир — нонсенс. Но вспомним известное определение: «религия — опиум для народа», а опиум — сильное наркотическое вещество. И все становится на свои места. Кто-то ищет настоящий опиум или заменяет его близкими по эффекту веществами, кто-то впадает в религиозное забвение.

Если подходить к явлению с чисто медицинских позиций, то религиозный опиум менее вреден. Если с социальных - вряд ли религия и наркотики так уж сильно отличаются друг от друга. Ведь и в том и другом случае человек для общества фактически не существует.

Есть ли рецепты от наркомании? Есть один универсальный — любовь и внимание к своему ребенку.



Глава четырнадцатая

ЧЕСТЬ И ЧЕСТНОСТЬ — СЛОВА ОДНОГО КОРНЯ

О, первая любовь —
Любовь любвей,
Манящий призрак юности твоей,
Неповторимый, памятный
и милый.
Пусть та любовь до гроба
греет грудь,
Пусть долго-долго светит,
но не будь
Ты осквернителем ее могилы...

В. Федоров

В середине XX в. во всех развитых странах мира людей поразила неведомая раньше «болезнь» — акселерация. В каждое послевоенное десятилетие дети становились все выше и тяжелее, у них все раньше стало наступать половое созревание.

Не будем рассматривать причины, приводящие к акселерации, - они многообразны. Бесспорно, здесь имеет значение и улучшение питания, прежде всего увеличение в нем доли жиров и витаминов, и полное неключение детского труда, и занятия физкультурой и спортом, а возможно, как считают некоторые, широкое распространение алюминиевой посуды и лами дневного света, в спектре которых есть лучи, близкие к солнечному излучению... Для нас это не столь важно. Главная проблема, которая появилась в последнее время,— раннее половое созревание и, как следствие, раннее начало половой жизни

адцатая

ОВА ОДНОГО КОРНЯ

, первая любовь —
юбовь любвей,
анящий призрак юности...
еповторимый, памятный

усть та любовь до гроба
греет...
усть долго-долго свети
но не
осквернителем ее
В. Федор

К сожалению, акселерация совпала с тем, что как раз в эти же годы происходило (и происходит) отчетливое повышение возраста социального созревания. Это когда-то было достаточно 5—7 классов образования, чтобы приобрести профессию и стать на ноги. Сейчас даже обязательное среднее образование не гарантирует приобретения специальности и удовлетворительного трудоустройства. Надо еще окончить ПТУ или техникум, институт, аспирантуру. Но избыток половых гормонов в крови побуждает к ранним (не только по отношению к былым временам, но и к возрасту социальной зрелости) половым контактам, к беспорядочной половой жизни, подчас весьма интенсивной. У такого раннего начала сексуальной активности гораздо больше минусов, чем плюсов.

Понимая, что сами молодые (какие там молодые, юные еще) люди с этим утверждением не согласятся, попытаюсь привести некоторые аргументы.

Неопытность в вопросах секса, главным образом в способах предупреждения беременности, приводит к тому, что многие девочки, решившие «вкусить запретный плод», беременеют. В этой ситуации их ждет целый «букет» крупных неприятностей. Среди них — в 97 % случаев исчезновение любимого. Как бы ни была горяча и искренна любовь (а на первое в жизни половое сношение девочки чаще всего соглашаются именно с любимым человеком), достаточно маминого или папиного окрика, чтобы вся она сразу испарилась. Конечно, подобное свидетельствует не только о незрелости чувств, но и об инфантилизме любимого, однако девочкам-то от этого не легче.

Следующая неприятность — необходимость делать аборт. Как правило, из-за неопытности или страха признаться в грехопадении на операцию девушки попадают достаточно поздно, а чем позднее, тем, во-первых, больнее, а во-вторых, больше вероятность получить осложнение. Самое серьезное из них — бесспорно, бесплодие. Причиной того, что за последние десятилетия количество бесплодных семей возросло и составляет примерно 15 % общего числа браков, являются аборты первой беременности.

Проблема абортов настолько серьезна, что просто необходимо остановиться на ней подробнее. Конечно, аборты делают не только несовершеннолетние, не только не состоящие в браке, а наиболее часто замужние женщины. Однако доля несовершеннолетних среди всех подвергающих

щихся операции довольно высока — 5—7 %, а это тысячи девушек. Вот несколько цифр, характеризующих состояние проблемы в стране по сравнению с положением в некоторых зарубежных государствах. По данным Л. Ременник, на каждую тысячу женщин детородного возраста в 1978—1979 годы приходилось абортов: в ФРГ — 5,9; Англии — 11,4; США — 27,5; ЧССР — 28,9; Венгрии — 36,9; Болгарии — 68,3; Советском Союзе — 102,4. В 1985 году этот показатель только по РСФСР возрос до 123,2, т. е. почти в 25 раз превысил количество абортов в ФРГ.

Такая ситуация, отмечает Ременник, сложилась «потому, что в отличие от многих стран у нас не уделяют должного внимания современным средствам контрацепции. В результате рождаемость продолжает снижаться, но главным инструментом ее регулирования стал аборт». Ременник рассматривает вопрос под одним углом зрения, нас же интересует другое — моральная сторона. Лучше не выбирать из двух зол меньшее, а вообще жить и вести себя так, чтобы ни одно из них (ни контрацептивы, ни аборт) не понадобилось в юном возрасте.

Последствия аборта первой беременности — не только бесплодие, но и резко отрицательное влияние на здоровье: наступает дисбаланс многих гормонов, расстраивается иммунная и нервная система, увеличивается риск заболевания раком молочной железы, половых органов, в результате травмирования тканей в ходе операции появляются хронические воспалительные процессы. Однако это не все. Несмотря на то что аборт в нашей стране разрешен официально, до 80 % этих операций на некоторых территориях производится во внебольничных условиях. Такой криминальный аборт чаще всего делают незамужние девушки и женщины. В этом случае опасность для их здоровья и жизни возрастает. По данным В. И. Серова, ежегодно по РСФСР регистрируется около 600 смертельных исходов от абортов, 99 % которых — криминальные.

Кстати, возникновению онкологических заболеваний женских половых органов способствует не только аборт, но и раннее начало половой жизни. Недавно в зарубежной печати был опубликован отчет о многолетних наблюдениях группы специалистов института Л. Пастера в Париже, которые подтвердили вирусную природу рака, в частности шейки матки. На 480 женщин с первичным раком такой локализации у 320 был обнаружен папилло-

вирус. У здоровых женщин такого же возраста (контрольная группа) он выявлялся в сотни раз реже. Откуда же берется этот вирус? Исследование показало, что носителями его являются сексуальные партнеры больных женщин.

А при чем здесь раннее начало половой жизни? А при том, что выявлена достоверная зависимость — чем в более раннем возрасте вирус попадает в организм женщины, тем больше риск ракового заболевания. И еще — чем с бо́льшим числом партнеров сексуально связана женщина, тем чаще у нее развивается раковое перерождение тканей. Так не лучше ли не рисковать вовсе? Тем более, что такое, не связанное с риском, поведение полностью соответствует нормам нашей морали.

Концепция полового воспитания у нас в стране пока еще не создана. Одни специалисты цитируют А. Макаренко, который утверждал: «Будущая любовь наших детей будет тем прекраснее, чем мудрее и немногословнее мы будем о ней говорить с нашими детьми...» Другие, со ссылкой на зарубежный опыт, в частности таких социалистических стран, как ГДР и Чехословакия, считают, что чем раньше и подробнее объяснять ребенку сексуальные проблемы, чем точнее он будет знать о грозящих ему неприятностях в том или ином случае, тем правильнее.

Я не могу взять на себя ответственность и заявить — такая точка зрения правильная, а такая нет. Но предлагаю в качестве временной, вынужденной меры начать широкую пропаганду противозачаточных средств и методов контрацепции. Кроме того, отменить запрет на приобретение противозачаточных средств молодежью до 18 лет. И параллельно с этим энергично и безотлагательно приступить к половому воспитанию детей 10 – 13-летнего возраста, тех, кто сегодня еще не включился в «недетские игры» несовершеннолетних, но может сделать это через два-три года.

Наконец, к неприятностям, ожидающим девушку, можно отнести и ситуацию, когда беременность донашивается и заканчивается родами. Мало того, что для неокрепшего, незрелого организма это большое напряжение – девушка много проигрывает по сравнению со сверстницами. Тяжелее становится с учебой, сложнее потом выйти замуж, возникают и чисто материальные трудности...

Конечно, ни одна из этих неприятностей не является

фатальной, ни одна из них не должна сопровождаться таким пессимизмом, что, как говорят, хоть в петлю лезь. Трудно, но в принципе все же можно и выучиться, и выйти замуж, и создать благополучную семью. Но... может, лучше все-таки взвесить заранее — а стоит ли игра свеч, надо ли торопиться испытать все уже сейчас, в ранней юности, или правильнее отложить эти испытания на несколько лет?

Да, юности свойствен максимализм. Юность живет сегодняшним днем и мало задумывается о будущем. Но ведь сегодняшний день — это совсем небольшой отрезок того пути, который предстоит пройти. Средняя продолжительность жизни современных людей уже достигла в нашей республике примерно 70 лет. Тем же, кому сейчас 15—17, предстоит жить еще на десятилетие (как минимум!) больше. И эта долгая жизнь может быть или радостной и счастливой, или серой и несчастливой в зависимости от того, как повести себя сейчас, в юношеские годы. Стоит хорошенько задуматься — что же важнее.

Еще один немаловажный аргумент против раннего начала половой жизни станет понятным из следующих писем.

...«Здравствуйте, доктор. Помните, я один раз уже обращалась к Вам, почти 3 года назад. Я тогда написала слезливое письмо о том, что меня бросил парень. Вы посоветовали его забыть. Я так и сделала. Он теперь далеко и пишет письма слащаво-оправдательные.

А теперь об очередной неприятности. Дойдя до крайней степени опустошенности, я все же встретила человека, которого полюбила, хотя и не знаю, надолго ли. Он очень добрый, я таких раньше не встречала. Он служит последний год в армии.

Со мной что-то произошло. Что? Я полюбила. Я о нем ничего не знаю — откуда он, как его фамилия. Но не хочу его терять. Если только он не бросит меня первый, я за ним пойду на край света, стану его рабой на всю жизнь. Но я боюсь, что он этого не захочет. Ведь я предстала перед ним как грязная, падшая женщина, кто же захочет связывать с такой свою судьбу, кто подберет окурок, захватанный чужими губами, с панели?

Доктор, помогите, подскажите, как мне быть, как мне очистить свою душу от грязи. Ведь мне только 18 лет, я еще хочу быть просто девчонкой, а не многоопытной женщиной. Я хочу, чтобы кружилась голова от поцелуев, а не стакана водки».

Такое вот письмо пришло из Риги. А примерно за год до него — чем-то похожее из Ростова-на-Дону:

...«Я студентка университета, учусь хорошо — первую сессию сдала на «отлично». Я единственная дочь в семье достаточно культурных и интеллигентных родителей: отец — доцент в нашем же университете.

...муж — кандидат наук, преподает в медицинском институте. Если на них посмотреть внимательно, то можно сделать вывод — секс в семейной жизни не нужен вовсе. Они и спят порознь (а им всего чуть больше сорока), и не приласкают друг друга никогда, не говоря о поцелуях.

Я решила, что надо строить свою судьбу по-другому. У меня есть друг — мужчина возраста моего отца. Он недавно развелся с женой, преподает у нас на факультете. Мой друг говорит — и я с ним согласна — что удовольствие надо получать тогда, когда этого хочется, а не тогда, когда это разрешается. Зачем терять 2—3 года жизни, если уже сейчас, в 17—18 лет, я хочу (и могу) получать от жизни больше...»

Письма, пришедшие из разных городов, от разных людей, выстраиваются в логическую цепочку — сначала было так, как в Ростове, потом станет так, как в Риге. Но и в том, и в другом случае конец будет таким, как об этом написала гомельчанка.

...«Мне 20 лет, а я уже разочарована в жизни, хотя еще и не знаю, какая она, настоящая жизнь. А получилось вот что. Год назад я встретила парня, из-за которого потеряла голову. Я знаю, что нравлюсь ему, что он полюбил меня. Он был очень робким, застенчивым, не позволял себе никаких вольностей по отношению ко мне. В общем, мы с ним только целовались и он обнимал меня за талию или спину, но не больше.

А недавно, когда мы были в комнате одни (я живу в общежитии), он попытался завладеть мной, но я отказалась от близости. И услышала в ответ знаете какие слова? «Молодец! Какая ты молодец!»

Вы знаете, если бы эта наша встреча не совпала с менструацией, я бы согласилась на близость. Потому что живу (противно признаваться в этом, я готова задушить сама себя за это) регулярной половой жизнью с 16 лет. Но здесь все по-другому. Мне стало так стыдно за его похвалу, что я пошла пятнами, как будто плеснули на меня кипятком. Я не сдержала рыдания, со мной была настоящая истерика.

Он не сообразил, в чем дело, решил, что я обиделась за то, что он пытался добиться близости. Он встал на колени и просил прощения. А я рыдала все сильней. Ну почему, почему такой чистый, добрый, ласковый человек не может стать моим другом на всю жизнь?

Он уговаривал меня, как ребенка, восторгался моей гордостью и целомудрием, а все эти слова как ножом резали мое сердце. Ну почему, почему я не сберегла себя? Ведь если честно, то все эти десятки парней, которые были со мной, доставили мне так мало радости. Надо было постоянно скрываться, присобабливаться на каких-то пыльных чердаках, в вонючих подвалах, заплеванных подъездах. Почти каждая близость сопровождалась страхом быть увиденной, застигнутой...

Почему мне никто не сказал (хотя это неверно, говорила и мама, и тетя — мамина сестра — не спеши, — но знаете, слова у них были казенные, скучные, сухие. И я не верила им), что настоящая любовь — это такое огромное счастье, что ради него можно не то что 4, а 14 лет ждать...

Где-то я читала, что за все в жизни надо платить. Я поняла, что пришел час и моей расплаты. У меня сразу высохли слезы, я открыла дверь и сказала спокойным, как у робота, голосом: «Уходи. Уходи

навсегда. Я тебя не люблю и никогда не полюблю. Надеяться тебе не на что».

Сама-то я еще надеялась, что он все-таки останется. Но он такой честный, такой благородный. Он решил, что я его не простила, что оскорбил меня — и ушел.

Я металась по комнате как безумная. И решила, что мне лучше не жить. Вскрыла себе вены на обеих руках, но умереть не успела — пришли девчонки из кино, вызвали скорую помощь. Меня спасли. Зачем? Что ждет меня в жизни? Ведь, оказывается, жизнь такая длинная, что те 4 года, которые я, торопясь стать взрослой, прожила как женщина, всего одна пятнадцатая часть того, что мне еще предстоит прожить. Неужели они равноценны — четыре года чердаков и подвалов и 60 лет нормальной семейной жизни?..»

На вопрос, содержащийся в последней фразе, корреспондентка не ждет ответа. Он ей известен. Но — он стал ей известен сейчас, а не 4 года назад. Стал известен, когда поправить дело практически невозможно.

Молодая поэтесса В. Коростелева в стихотворении «Соседке» говорит о таких девушках:

Девчонка с подведенными глазами,
С ухмылкой на потрепанном лице —
Ты навсегда простилась с чудесами,
С сияньем незабвенным на кольце.

Решила ты, что жить легко и просто,
Когда на жизнь посмотришь без затей,
Из губ чужих хватая папиросу
И равнодушно глядя на детей.

Раба чужих вещей, чумного крика,
Ты катишься все дальше, глубже — вниз...

Кто же виноват, что так много стало в последнее время молодых проституток, что уже ни во что не ставится некоторыми девушками девичья честь, женская гордость и целомудрие? Акселерация была побудительной силой, но виноваты в подобном поведении прежде всего родители, ну, а так как речь идет конкретно о девушках,— то мамы. Излишне эмансипированные, избыточно загруженные, чрезмерно деловые, они забывают (или уже забыли окончательно), что главное предначертание их в этом мире — дать жизнь новой жизни, подготовить новую жизнь к самостоятельному существованию. А все остальное — постольку-поскольку, если останется на него время и силы.

У юношей в плане секса вопросов меньше. Для них получение сексуального удовлетворения с женщиной

в период взросления — не такая уж острая проблема. Во-первых, они, как правило, занимаются мастурбацией (цинизмом), которая является суррогатом половой близости и снимает напряжение. Во-вторых, вступая в половой контакт с женщиной, молодые люди ведут себя настолько эгоистично, что ни о каких разнообразиях, изощрениях не думают. А потому, закономерно, не может идти и речи о пресыщении, как это бывает у женщин. Вследствие эгоизма и остроты собственных переживаний парни не заботятся о своих партнершах. И их добрачные связи почти не сказываются отрицательно на семейной жизни, на сексуальной гармонии в браке. Гораздо тяжелее переживают они период занятий мастурбацией, считая ее причиной импотенции.

И тем не менее рано начинать регулярную половую жизнь юношам также нежелательно. Не говоря о непосильной для растущего организма физической нагрузке, возникающей при половых актах, у натур чувственных, честных, благородных почти обязательно появляется психологическая ущербность. Это сложный комплекс переживаний, обусловленных тем, что, вступая в интимные отношения, юноша опережает собственное социальное становление. Ведь даже если он сам в 16—17 лет считает себя уже взрослым, окружающие и прежде всего родители таковым его не видят. Не признают его личностью, имеющей право не только на интимные отношения, но даже на целомудренную юношескую любовь, и учителя. А ведь почти половину дня юноша проводит в школе...

Необходимость скрывать свои чувства, зависимое положение, подразумевающее готовность признать если не правоту, то право матери или отца (и не только девушки) в любой момент прервать свидание, выставить его за дверь, — это только наиболее частые причины того, что в значительном проценте случаев раннее начало половой жизни приводит к цинизму, утрате идеалов, душевной опустошенности.

Юношам, стремящимся к сексуальным контактам, часто с различными партнершами, следует помнить, что число венерических заболеваний, и прежде всего гонорей, все еще высоко. Немаловажен здесь и такой аспект: широкое и порой бесконтрольное применение по любому поводу антибиотиков и сульфаниламидных препаратов может замаскировать, сделать нетипичной клиническую картину гонореи. А нелеченая, она переходит в хро-

ническую форму, которая делает мужчину бесплодным.

Еще несколько слов надо сказать о так называемом провоцирующем поведении. В юридической психологии есть специальный термин — виктимология, которым обозначается раздел науки, изучающий своеобразную форму человеческих отношений, когда пострадавший в той или иной степени сам оказывается виноват в своем страдании.

Если говорить о конкретном предмете в плане этой главы, то ученые предложили такое название — синдром «красной шапочки». Суть его состоит в следующем. Не менее чем в 20 % случаев покушения на достоинство женщины выяснялось: поведение «без пяти минут потерпевших» было таким, что слово «достоинство» можно употребить достаточно условно.

В чем это проявляется? Здесь и согласие присутствовать в сомнительной компании, и соучастие в выпивках, и поддержание более чем скабрезных разговоров... Все это, особенно у выпивших юношей или мужчин (а алкоголь прежде всего блокирует те участки мозга, которые отвечают за сознательное человеческое поведение, поэтому у пьяных развязываются инстинкты и наиболее часто — половой), создает впечатление, что девушка сама желает близости. Настроившись на подобный исход, но получив отказ, многие для достижения цели применяют физическую силу. Однако подчеркну еще раз — повод так вести себя дала им сама девушка.

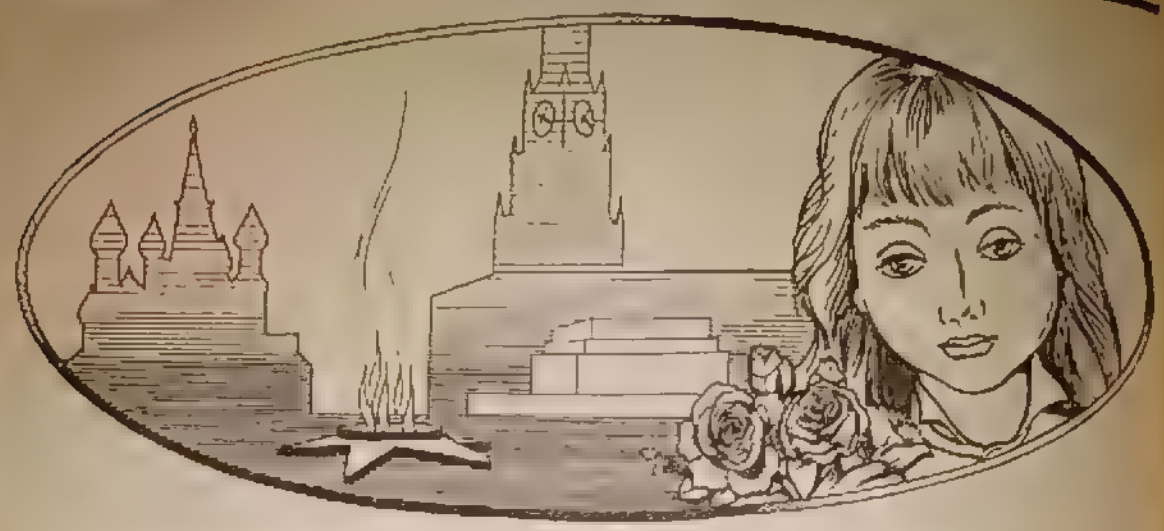
Все эти аргументы приводились для того, чтобы родители могли переадресовать их детям, использовать в половом воспитании. Но определенные требования предъявляются и к самим родителям. Вот что пишет по этому поводу А. Макаренко: «О каком можно говорить воспитании, если сын или дочь встают и ложатся, когда вздумается или когда придется, если по вечерам они «гуляют» неизвестно где, или ночуют «у подруги» или «у товарища», адрес которых и семейная обстановка просто неизвестны...<...>

С самого раннего возраста дети должны быть приучены к точному времени и к точным границам поведения. Ни при каких условиях семья не должна допускать каких бы то ни было «ночевок» в чужой семье, за исключением случаев совершенно ясных и надежных. Больше того, все места, где ребенок может задержаться на несколько часов даже днем, должны быть родителям хо-

рошо известны. Если это семья товарища, только родительская лень может помешать отцу или матери с ней познакомиться ближе.

Точный режим детского дня — совершенно необходимое условие воспитания. Если нет у вас такого режима и вы не собираетесь его установить, для вас абсолютно лишняя работа чтение этой книги, как и всех других книг о воспитании».

Но, бесспорно, не один режим дня обеспечивает правильное половое воспитание. Макаренко называет и другие условия. «В семье, где родители деятельны, где их авторитет естественно вытекает из их жизни и работы, где жизнь детей, их первые общественные движения, их учеба, игра, настроения, радости, огорчения вызывают постоянное внимание родителей, где есть дисциплина, распоряжения и контроль, в такой семье всегда правильно организуется и развитие полового инстинкта у детей. В такой семье никогда не возникнет надобности в каких-либо надуманных и припадочных фокусах, не возникнет, во-первых, потому, что между родителями и детьми существует совершенно необходимая черта деликатности и молчаливого доверия. На этой черте взаимное понимание возможно без применения натуралистического анализа и откровенных слов. И, во-вторых, на той же черте значительным и мудрым будет каждое слово, сказанное вовремя, экономное и серьезное слово о мужественности и целомудрии, о красоте жизни и ее достоинстве, то слово, которое поможет родиться будущей большой любви, творческой силе жизни...»



Глава пятнадцатая

РАСТИТЕ ДЕТЕЙ ПАТРИОТАМИ

...Кремлевская стена.
Не часто я бываю здесь,
Но как-то раз видал,
Что горсть промерзшую земли
Турист поцеловал.
И я спросил:
Откуда вы?
— О, я издалека!
Но будет смерть в чужом краю
Теперь не так горька...

В. Костров

Перемены, наступившие в нашей стране после XXVII съезда КПСС, всколыхнули все общество. Гласность выплеснула на нас сотни, если не тысячи, негативных фактов, происходивших в далеком и недавнем прошлом, отчетливо обрисовала фигуру бюрократа, всеми силами сопротивляющегося перестройке. Много у нас обнаружилось недостатков в экономике, управлении, образовании. К тому же выяснилось, что далеко не все благополучно и с решением национального вопроса, и с патриотическим воспитанием.

Конечно, неблагополучие это не появилось внезапно — в Якутии и Прибалтике, Азербайджане и Армении. Оно накапливалось, зрело, подогревалось западными радиоголосами не один год. Но, как сказал в выступлении на пленуме Союза писателей в марте 1987 г. А. Михайлов,

атая

ГРИОТАМИ

ремлевская стена.
часто я бываю здесь,
как-то раз видал,
горсть промерзшую зем-
ист поцеловал.
спросил:
уда вы?
О, я издалека!
будет смерть в чужом кр
ерь не так горька...

В Костром

нашей стране ...
и все общество Б.
ли не тысячи, поэт.
еском и недавно
ру бюрократы, вст
тройке. Много
нке. Управлены
о далеко не все бл
ого вопроса, и с

...национальные проблемы в многонациональном государстве решаются вполне гармонично, если народы объединены великой целью, охвачены общей страстью к ее достижению. Увы, эта великая цель оказалась в последние годы размытой и скомпрометированной...»

Национальный вопрос мы рассматривать не будем. Но что касается воспитания патриотизма, то надо прямо сказать – в последние полтора-два десятилетия, когда процветал выезд за границу людей еврейской национальности, у нас о патриотизме почему-то перестали говорить.

Вовсе не случайно и первая и последняя главы книги посвящены не только ошибкам в воспитании детей, но и проблемам нашей, взрослой, общественной жизни. Взрослой жизни не только в семье, но и на работе. Невозможно отделить воспитание ребенка от тех взглядов и убеждений, которые сегодня господствуют в обществе. Надо ли это аргументировать? Если надо — пожалуйста. Вот что пишет в журнале «Коммунист» (1988, № 1) профессор И. Кон: «Бюрократически-консервативные принципы проникли и в наш канон хорошего человека. Чтобы продвигаться по службе и быть любимым, надо быть скромным и не высовываться. Я не против скромности как таковой и различаю стремление реализоваться от карьеризма. И все же нелишне отметить, что исполнительность и послушание у нас ценятся порой выше инициативы и предприимчивости. Человек, много лет работающий на одном и том же месте, априорно вызывает у нас положительные эмоции, хотя, вполне возможно, это лишь следствие его общей пассивности. Напротив, тот, кто меняет работу, заранее вызывает подозрение, что он летун или карьерист... Формальные, усредненные оценки, начиная со школьной скамьи, благоприятствуют процветанию посредственности и серости в ущерб таланту...

...Снижая уровень своих социальных притязаний до минимума, он (человек.— *В. В.*) ищет каких-то других путей самореализации. У одних это будут какие-то экзотерические духовные поиски или увлечения, восточный мистицизм или просто хобби. У других – примитивный вещизм: дача, видеотехника и т. п. И хотя эти пути принципиально различны, их роднит одна общая черта: философия ухода, бегства от действительности, поиск самореализации не на путях общественных преобразований, а в стороне от них...»

Мог ли человек (в данном случае неважно отец,

мать), сам сидящий в своей «норке» и «не высовывающийся», воспитать ребенка инициативным, деятельным, бескомпромиссным? Конечно, нет!

Ну, а сейчас, в пору демократизации и гласности? Оказывается, сегодня проблеме патриотического воспитания надо уделять еще больше внимания. Мало того, пора, наконец, перестроить и стратегию и тактику такой работы. Почему-то получается, что мы (имею в виду весь идеологический аппарат нашего общества) все время оправдываемся, отвечаем на какие-то обвинения всевозможных эмигрантских и антисоветских формирований. А контрпропаганда должна быть наступательной, активной. И начинать ее надо с собственных детей, с молодежи.

Вообще молодежь (наше будущее!) — очень сложный контингент. Максимализм в суждениях сочетается с отсутствием опыта и знаний, инфантилизм значительной части молодых людей способствует тому, что они легко подпадают под чужое влияние, а недостаточная идеологическая закалка не позволяет увидеть враждебное социалистическому строю нутро в ярких обертках, например, рок-музыки.

Гласность дала право говорить всем. Но ведь имеется огромная разница между теми, кто выстрадал право говорить, и теми, кто говорит просто потому, что «имеет право». Бесспорно, в том, что молодежь не умеет говорить по-деловому, конструктивно, серьезно, виноваты мы, взрослые. Не научили. Запрещали. Запрещали учиться. Запрещали «сметь свое суждение иметь». Кон в том же номере журнала «Коммунист» пишет: «Творческое мышление всегда предполагает наличие вариантов, между которыми можно и нужно выбирать, будь то поступки или информационные модели. Именно этого катастрофически не хватает нашей системе воспитания. Мелочная опека сначала родителей, а затем учителей ограничивает возможности ребенка совершать самостоятельные поступки, за последствия которых он сам должен расплачиваться. Догматический стиль обучения, рассчитанного преимущественно на передачу и усвоение готовых знаний и ориентированного на такие модели (правила грамматики, элементарные арифметические задачи), в которых только один ответ, одно решение правильно, а все остальные — ошибочны, также формируют черно-белое мировосприятие»...

Какие же цели преследует патриотическое воспита-

ние и какие ошибки мы в нем (самые основные) допускаем? Главное — привить ребенку любовь к Родине, готовность защищать ее рубежи и завоевания Великой Октябрьской социалистической революции, стремление сделать свою страну богаче и могущественнее, воспитать подлинный интернационализм.

Ну, а наши ошибки? Прежде всего мы забываем дать ребенку самые элементарные, но являющиеся фундаментом будущей гражданственности сведения о том, в какой стране он живет, чем она отличается от других стран, почему ее называют социалистической, кто такой Ленин... Нам кажется все само собой разумеющимся. Мы считаем это настолько очевидным, что вроде бы и говорить о подобном не стоит. Нет, стоит. В общении даже с маленьким ребенком всегда могут найтись подходящие к случаю примеры, эмоционально окрашенные ситуации, которые просто необходимо использовать.

Плохо, если мы, родители, дедушки и бабушки, не собираем и не храним свидетельства собственной истории, не интересуемся своей родословной, биографиями своих предков. Конечно, очень немногие из живущих сегодня являются ветеранами революции или участниками Великой Отечественной войны. Но ведь были славные дела и у послевоенных поколений. Целина, БАМ, Нечерноземье, освоение Сибири... В 80-е годы тысячи юношей выполняли, проявляя героизм, интернациональный долг в Афганистане. Надо видеть и правильно оценивать наши будни.

Старшие дошкольники и младшие школьники уже должны знать, что обозначают слова «коммунистическая партия», «комсомол», «пионерия»... Им вполне под силу понять и запомнить рассказы о полководцах и легендарных героях гражданской и Отечественной войн, о выдающихся деятелях партии и государства, о героях труда. Правда, для того чтобы поняли и запомнили дети, это должны знать взрослые. Но все ли сами знают?

...Несколько лет назад я работал врачом в пионерском лагере. Вожатыми в нем были студентки факультета начального образования педагогического института — современные модные девушки, знавшие в лицо всех эстрадных певцов и различавшие на слух эстрадные ансамбли.

Не помню (а может, и не знал), по какой причине одна из вожатых вдруг решила уйти из жизни, вскрыв себе вены. Сделала она это, когда весь отряд был в кино.

но на ее счастье кто-то что-то в палате забыл, вернулся... Короче говоря: попала она ко мне в медпункт, где я лечил ее несколько дней.

Беседуя с ней, я однажды упомянул, что вот в «добрые старые времена моей юности» одна моя знакомая тоже резалась. Правда, не с целью самоубийства, а чтобы проверить себя — смогла ли бы она выдержать пытки, которым подвергали Улю Громову. Дело в том, поясняя, что моя знакомая в драмкружке получила роль Уля и вот таким жестоким способом проверяла свое право на эту роль...

Студентка с большим интересом выслушала мой рассказ, а потом буквально убила вопросом:

— А кто такая Уля Громова?

Самое печальное - она «проходила» «Молодую гвардию» и в школе, и в институте...

Я готов согласиться, что среди сотен студенток педагогического института бывшая моя пациентка — печальное исключение. Исключение, может быть, даже среди тысяч. Но никто не сумеет переубедить меня в том, что для нашего поколения, поколения переживших войну, пусть мы и были тогда детьми, имена молодогвардейцев. Зои Космодемьянской, Александра Матросова, сотен других героев — святы.

Правда, следует признать и другое. Среди тех, кто, уезжая из страны, совершал предательство, большинство тоже из нашего поколения, тоже пережившие войну. Хуже того — они родились и выросли при социализме, они достигли успехов только благодаря социализму. Увы, в их воспитании что-то просмотрели, допустили какие-то ошибки. И кто-то, кому надо было это знать, подобных ошибок не заметил, что позволило некоторым не только не оказаться среди подлежащих перевоспитанию, но даже пробраться в число тех, кто сам стал воспитывать. Я имею в виду нескольких писателей-предателей, некоторых крупных руководителей, артистов и т. д. Люди, выполняющие такие функции, обязательно кого-нибудь да воспитывают.

Чтобы подобного не повторилось в будущем, с самого раннего детства следует воспитывать у ребенка не только понятие «Родина», но и убеждение, что человек без Родины, как дерево без корней, прожить не может, что никакие материальные блага не могут заменить родной язык, родную культуру, общение с родной природой. Нельзя полагаться лишь на очевидные преимущества социали-

тического строя и считать, что они сами по себе сделают ребенка патриотом.

К патриотическому воспитанию относится формирование у ребенка осознания необходимости служить Родине, долга перед ней. Понятие «надо» — одно из наиболее трудно воспринимаемых молодежью. Часто оно вступает в противоречие с понятиями «хочу», «не хочу», но у правильно воспитанных людей должно неизменно побеждать. И внушить ребенку пафос и величие слова «надо», подтвердить это конкретными примерами — обязанность родителей.

К сожалению, ни родители, ни учителя ребенка на труд серьезно не настраивают. А ведь труд для абсолютного большинства наших сограждан должен быть не только источником средств к существованию, но и приносить моральное удовлетворение. Не воспитывая же подобного отношения, мы делаем труд повинностью, удовольствия от которой нет и быть не может. Ну как могут относиться к труду подростки, так описавшие в журнале «Юность» свое трудовое обучение:

...«Четыре часа в [illegible] отрабатывать «приносить пользу». Но что мы [illegible] этот несчастный кабинет каждую неделю с порошком, [illegible] это каждый день дежурные убирают. Это же бес[illegible]

...«Я слесарь сантехнических работ. Привели нас на завод, говорят: «Вот, ребята, ваш [illegible]. Здесь вы будете помогать Родине, докажите своим конкрет[illegible] трудом, на что вы способны». (Участок, кстати, очень ответственный, когда мы туда входили, у нас проверили все сумки, все карманы.) Приводят нас к такому старичку, классный мужик, получает кучу денег, передовик производства, и вот он говорит: «Ну, что, ребята, сегодня мы с вами позанимаемся слятлем: зауженец». Мы понимаем, надо, конечно, с азов начинать – напильник в руки брать... Спустя полтора года мы занимались тем же, что в первый день, и у каждого в кармане лежит свидетельство: «Слесарь четвертого разряда»...

Вне всякого сомнения к патриотическому воспитанию относится и забота об умножении материального богатства страны. И здесь нет мелочей, или, точнее, на копеечных мелочах только и можно научить экономить рубли.

Многие дети и подростки (а потом и взрослые) не понимают, что наносят материальный ущерб стране тем, что не экономят электроэнергию, воду, газ. Рассуждают примерно так.— если у меня есть возможность заплатить, то почему я не могу расходовать эти ресурсы в таком

количестве, в каком мне нравится. А отношение к хлебу... Конечно, деньги – эквивалент товара, но ведь сами они не дают теплоты, света, ими нельзя насытиться. О необходимости быть экономным и бережливым пишется много, но в семьях об этом говорится явно недостаточно.

Ребенок, подросток, патриотическим воспитанием которого занимались серьезно, по-видимому, никогда не станет хулиганом, нападать на прохожих, отдыхающих. И уж во всяком случае те, которые нападают, о патриотизме и не слышали, о чем я могу судить хотя бы по такому факту.

Мне как дружиннику несколько раз приходилось беседовать с «петушками» – так в первой половине 80-х годов называли подростков, носивших вязаные шапочки. Компании из 5–7 человек нападали на прохожих (как правило, мужчин) и избивали их, порой очень жестоко. Таких случаев было немного, но две или три компании нам удалось задержать и доставить в штаб. Так вот, не буду утверждать, что после беседы они исправлялись, но то, что впервые слышали [illegible] связи между своим хулиганством и ущербом [illegible] гарантирую. И если поздно говорить об «отца и [illegible]», то ребенку своевременно.

Любовь к Родине невозможна без ненависти, непримиримости к ее врагам. А кто сейчас враг нашей Родины? И многие родители становятся в тупик, услышав такой вопрос. Начинаются общие рассуждения об империалистическом окружении, о классовых противоречиях. Да, нам, дедушкам, ну еще в какой-то степени родителям, которым за 30, враги были известны – фашисты. И будучи детьми, подростками, мы не задавались вопросом – в кого стрелять в тире, на какие две группы разделиться при игре в войну.

А в настоящее время? И теперь есть и империалистические государства, и страны с фашистскими режимами, но народы мира не хотят войны, и потому считать американцев, чилийцев или западных немцев врагами нельзя. А объяснить ребенку, даже школьнику, что такое «военщина», «военно-промышленный комплекс», «ястребы», практически не удастся.

Так что же делать? Ведь игры «в Чапаева», в войну по-прежнему популярны и привлекают мальчишек. Что посоветовать? К сожалению, я не нашел даже уклончивого ответа на этот вопрос и в работах специалистов

Так, в пособии А. Д. Жарикова «Растите детей патриотами» сказано только следующее: «Одной из задач патриотического воспитания дошкольников является формирование у них активного положительного отношения к славным защитникам нашей Родины — к воинам Советской Армии. Героизм, мужество, стойкость, готовность совершить подвиг во имя Родины — эти черты советского воина понятны старшим дошкольникам, вызывают у них желание подражать воинам, быть такими же мужественными и смелыми...»

Конечно, можно было бы предпринять попытку научить детей ненавидеть истинных врагов нашего общества – воров, хулиганов, алкоголиков, бюрократов... (список продолжайте сами, вам-то, взрослым, они хорошо известны). Но, очевидно, этот путь ненадежен и чреват неприятностями. Ведь если «беляки», «фашисты» всегда были (я имею в виду для детей) безликими, абстрактными, то истинные враги имеют имя и фамилию, живут в одном подъезде, а то и в одной квартире... Нет, это не выход.

Еще один из парадоксов нашего времени (в сфере воспитания), имеющий отношение к патриотизму и гражданственности, касается воспитания совестливости. О том, как важно быть совестливым, «иметь совесть», говорить не приходится, это признается всеми. Но вот что пишет С. Соловейчик в одной из своих работ, посвященных этой проблеме: «Слово «совесть» уже и в газетные заголовки вышло. Без совести станки не крутятся и важные экономические цифры, которым надо расти, уменьшаются. Без совести в свекле падает сахаристость, в картошке – крахмалистость, в зерне - клейковина, в руде – металл, и жизнь приобретает характер неуклонной редукции, сокращения – того, что вчера еще было повсюду, сегодня уж нет нигде...»

В то же время, продолжает автор, анализируя, почему вдруг обнаруживается дефицит совести, надо признать, что это было следствием объективных причин. Ведь при частной собственности «само дело заставляет хозяина-собственника быть порядочным, а страх потерять место заставляет неимущего старательно, на совесть работать. Конкуренция делает человека совестливым, она же делает его и бессовестным. Порядочность – конкурентоспособный товар, и, торгуя на рынке, человек не обманет, но за место на рынке он перегрызет горло. С уничтожением же

частной собственности нераздельные прежде понятия «хозяин» и «собственник» разошлись. Это фантастическое по своим последствиям событие.

Вдумайтесь: теперь практически ничто не заставляет человека быть совестливым — ни собственность, ни выгода, ни нужда. Исчезло принуждение к порядочности...» И очевидно, что поскольку принуждения к совестливости нет, то на первое место выходит воспитание совестливости.

Теоретически это так, а практически дело обстоит гораздо хуже, поскольку совестливость никто не воспитывает. Если не принимать во внимание отдельных самоучек-родителей, которые стремятся вырастить детей совестливыми, по утверждению Соловейчика, нет ни одного документа, который бы обязывал, учил, подсказывал — как воспитать в детях совесть.

А отсюда серьезные недостатки. Вот пример. По телевидению показывают репортаж из колонии для несовершеннолетних преступников. Семнадцатилетний подросток объясняет интервьюеру, почему он с 14 лет обворовывает чужие квартиры. Конечно, сказал юноша, он знает, что делать этого нельзя, но у него слабая сила воли... Именно так многие и представляют себе воспитание ребенка, гарантирующее, что, став постарше, он не познакомится с милицией и заведениями для перевоспитания: твердо внушить понятие «нельзя», а потом укрепить волю, чтобы это табу не нарушалось.

Далее Соловейчик пишет: «Формула «нельзя плюс воля» столь глубоко вошла в наше общее педагогическое сознание, что мы не задумываемся ни о происхождении ее (а она из религиозного воспитания и имеет смысл лишь при искренней вере в высшее существо, наказующее за нарушение заповедей), ни о ее крайней несостоятельности, доказанной опытом, ни даже о ее безнравственности. Ведь в развернутом виде эта формула выглядит примерно так: «На свете есть много соблазнительных, сладостных занятий, которые тем не менее запрещены, и надо знать, что́ именно «нельзя», и надо уметь удерживаться от соблазнов». Получается, что, вообще-то говоря, воровать интересно и хорошо, каждый бы воровал, но нельзя. И накажут, если попадешься. Для человека, воспитанного по формуле «нельзя плюс воля», мир выглядит как собрание соблазнов, как райский сад с запретными плодами, куда

детству открыт только дерзким и сильным,— отсюда и так называемая воровская романтика».

Соловейчик приходит к убеждению, что воспитать совестливого ребенка трудно, но можно. Причем, подчеркивает он, проблема воспитания сводится к проблеме справедливости.

«Легко сказать... Ведь одни люди, кажется, от рождения справедливы — они-то и становятся хорошими родителями. А другие несправедливы в каждом слове, в каждом движении.

Несправедливо бранить ребенка в раздражении. Когда все справедливо, человек сердится, кричит, но не раздражается.

Несправедливо для ребенка растить одного ребенка, без братьев и сестер. Ребенку-одиночке так же трудно, как и матери-одиночке. Он требует больше внимания, мы раздражаемся, а это вдвойне несправедливо.

Несправедливы все фразы, начинающиеся со слов «У тебя на уме одни только...» — одни гуляния, тряпки, железки, танцульки, собаки, мальчишки, дружки.

Несправедливы все попреки: «Мы тебя кормим, одеваем, а ты...», «Тебе уже пятнадцать лет, а ты...», «Мы с отцом для тебя...»

Несправедливо ждать от ребенка того, чему мы его не научили.

Несправедливо... Составим список собственных несправедливостей по отношению к ребенку — это и будет наш личный учебник педагогики. Поймем, хотя бы поймем, в чем мы несправедливы, и в ближайшие пять-десять лет сын станет совестливым человеком. Только не торговаться, только не требовать сиюминутной отдачи!

«Так долго ждать?!»

Что делать? Совестливости не учат, совестливость взращивают, и она вызревает очень медленно».

Наконец, еще одна тема этой главы — воспитание сочувствия, милосердия.

Однажды меня поразила статья в «Литературной газете», которую написал известный в недавнем прошлом журналист-международник, потерявший зрение. Не буду пересказывать его вполне обоснованные обиды на нас, зрячих, претензии к множеству государственных учреждений и организаций. Даже официальные лица водители общественного транспорта, продавцы, сотрудники ГАИ — чаще всего не знают, символом чего является

белая трость в руках у пешехода. А она, оказывается, не только играет роль помощника при передвижении, но и призвана обратить внимание окружающих — человек нуждается в помощи. Окажите ему эту помощь, прохожие, водители, продавцы: переведите через улицу; скажите, какой номер автобуса или троллейбуса подошел к остановке; ответьте, сколько стоит тот или иной товар.

Конечно, не только слепые нуждаются в опеке, но и люди слабослышащие, с другими физическими недостатками, те, кому внезапно стало плохо, кто попал в беду. Например, писатель Д. Гранин описал случай, который произошел с ним. Шел по улице, поскользнулся, упал. Упал неудачно — сломал нос, разбил рот, вывихнул в плечевом суставе руку. Ну, естественно, кровь...

Упал он метрах в четырехстах от дома. Время — около семи часов вечера. Народа на улице много — центр Ленинграда, Кировский проспект. «...Навстречу прошли женщина с девочкой, какая-то парочка, пожилая женщина, мужчина, молодые ребята, все они вначале с любопытством вглядывались в меня, а потом отводили глаза, отворачивались. Хоть бы кто на этом пути подошел ко мне, спросил, что со мной, не нужно ли помочь...

Боль путала сознание, но я понимал, что, если лягу сейчас на тротуаре, преспокойно будут перешагивать через меня, обходить. Надо добираться до дома. Так никто мне и не помог...» И это в Ленинграде! Городе, который потряс весь мир своим мужеством и милосердием во время 900-дневной блокады!

Бесспорно, все мы постоянно заняты, вечно спешим, экономим каждую секунду, сокращаем каждый метр расстояния. Но все это не освобождает нас от необходимости быть людьми, более того, людьми милосердными.

Писатель Е. Богат анализирует сложившуюся в школах и семьях обстановку и пытается выяснить, почему мы и наши дети стали такими жестокими. Он приводит пример педагогического брака, который, к сожалению, самими педагогами так не оценивается.

...Два учителя отправились с учащимися не то 5-го, не то 6-го класса на экскурсию в лес. Экскурсия была рассчитана на несколько дней, взяли с собой все необходимое...

Вечером первого дня обнаружили, что отсутствует один мальчишка. Его пятеро друзей (по крайней мере, все считали именно их его друзьями) сказали, что в самом

...чале экскурсии их нагнала старшая сестра этого маль-
...ика и забрала его домой. Учителя поверили. И только
...когда через неделю вернулись, выяснилось, что никакая
...сестра за ним не приходила. Бросились на поиски. Нашли.
Оказалось, те самые пятеро «друзей» привязали его к де-
реву и оставили в лесу привязанным. И в таком положе-
нии он находился там десять дней...

Учительница, которая рассказывала об этом случае на дискуссии в библиотеке, замолчала. Богат пишет: «В зале стояла нехорошая тишина. Но учительница на трибуне первой попыталась разрядить напряжение: «Мы потом читали в этом лесу у костров «Мать» Горького, «Разгром» Фадеева, «Как закалялась сталь» Островского. Мы устроили конкурс на лучшее исполнение стихов В. Маяковского о революции»... Затем она перечислила темы сочинений, которые пишут ее ученики.

Это были,— свидетельствует писатель,— хорошие темы. О самом радостном дне. О самом хорошем человеке. О самом любимом писателе. О самом веселом... О самом... Это были хорошие темы о жизни... без страданий! Но ведь подобного чистого райского обитания не существует сегодня даже в литературе, не говоря уже о реальной жизни, где люди не только радуются, любят, наслаждаются работой, вносят в мир новизну, но и страдают от чувства вины, раскаяния, неразделенной любви, тоскуют, болеют, умирают...»

Как же могло случиться, что в нашем самом гуманном обществе вдруг оказался такой дефицит сострадания, жалости, человеческого отношения друг к другу? Гранин объясняет это следующим:

...«Милосердие убывало не случайно. Во времена раскулачивания, в тяжкие годы массовых репрессий людям не позволяли оказывать помощь близким, соседям, семьям пострадавших. Не давали приютить детей арестованных, сосланных. Людей заставляли высказывать одобрение суровым приговорам. Даже сочувствие невинно арестованным запрещалось. Чувства, подобные милосердию, расценивались как подозрительные, а то и преступные: оно де аполитичное, не классовое, в эпоху борьбы мешает, разоружает... Оно стало неположенным в искусстве. Милосердие действительно могло мешать безжалостно, жестокости, оно мешало сажать, оговаривать, нарушать законность, избивать, уничтожать. В 30-е годы, 40-е понятие это исчезло из нашего лексикона. Исчезло оно и из оби-

хода, «милость падшим» оказывали таясь и рискуя...»

Конечно, и в 30—40-е и последующие годы отдельные милосердные люди встречались в народе. К счастью, встречаются и сейчас (авария на Чернобыльской АЭС, трагедия «Адмирала Нахимова», землетрясение в Молдавии, сели на Кавказе и в Средней Азии, даже необычной густоты и продолжительности туманы над Москвой, заставившие несколько тысяч человек сутками сидеть в аэропортах). Во всех этих случаях находились милосердные люди, которые спешили на помощь пострадавшим, не ожидая призывов и вознаграждений. Но, согласитесь, число их все-таки невелико, по крайней мере гораздо меньше, чем нужно, чтобы можно было обо всем народе сказать — милосердный.

Сегодня, когда восстанавливаются демократические нормы и принципы, идет перестройка всей нашей жизни, появилась надежда, что люди задумаются о необходимости воспитывать в себе совестливость, милосердие и гражданскую активность — иными словами, патриотизм. И хотя перестройка психологии требует гораздо больше усилий и времени, чем перестройка экономики, все-таки она произойдет. Если мы все поможем — раньше. Если будем пассивными — позже. Если будем сопротивляться — может не произойти вовсе.

Как сопротивляться? Не могу забыть несколько горьких слов из документальной повести Ю. Шестака в «Юности» о чернобыльской аварии. ...В автобусе, которым отправляли детей из загрязненной местности в Артек, обнаружили девочку, которая никакого отношения к Чернобылю и прилегающим районам не имела. Ее родители (фамилия и должности их почему-то не указаны) привезли дочь из Полтавы и «подбросили» в автобус, правильно рассудив, что девочку не выгонят и на половине дороги не высадят. Думаю, что все самые высокие и убедительные слова о патриотизме, совести, милосердии будут для этой девочки словами на чужом, не достигающем для понимания языке.

Конечно, патриотическим воспитанием должны заниматься не только родители, но и школа, и комсомол. К сожалению, они в этом вопросе много недорабатывают. Факты? Вот два красноречивых письма, помещенных в журнале «Юность» (1987, № 9).

Пишет девятнадцатилетняя студентка медицинского института из Москвы:

...«Когда-то, когда мне было 14 лет, до чего мне хотелось заниматься общественной работой, как я верила в комсомол, в то, что он действительно «авангард», «активный резерв» и т. д.! Сейчас просто смешно вспомнить.

Потом я, правда, увидела, чего стоят лозунги, произносимые нашими учителями. Воспитание гражданственности, веры в коллектив и его силу подменялось «процентом вступивших за истекший год». Людей, не желающих вступать, заставляли, так как школа образцовая и «неохваченных» быть не должно. В 15—16 лет такие вещи воспринимаются болезненно, но, поскольку «активность» у меня еще не вышибли, я пыталась протестовать и в школе, и в райкоме (я там часто бывала по комсомольским делам). Какое там! Мне быстро объяснили, что лично для меня это ничем хорошим не обернется. В десятом классе мне выдали такую характеристику для поступления в институт, что мои родители обомлели, когда я принесла ее домой. Потом они отпечатали дома свою, диаметрально противоположную первой, и мой папа отнес ее в школу. И мои принципиальные педагоги подписали ее с тем же энтузиазмом, что и первую! У нас в классе это был случай не единственный. Мы потом сверяли свои характеристики и очень веселились по этому поводу.

Школа принесла мне первое, необыкновенно сильное разочарование в моей жизни. Своим двуличием, ложью, которой пропитано все, абсолютно все. А ученики, которые пытались с этим бороться или хотя бы говорить то, что они думают, а не то, что требуется, считались «строптивыми»... <...> Наши педагоги любыми доступными им средствами планомерно истребляли в нас эту самую гражданственность, о которой кричали на каждом шагу».

А вот письмо из Киева, автор его учится в политехническом институте.

«Считаю ли я себя личностью? Пока нет. В школе из меня попытки сделаться личностью слишком усердно выколачивались, и я еще не все успела забыть. Но, безусловно, я стремлюсь стать личностью. А школу я еще долго буду помнить. Я не могу простить ей главного: она умеет прививать отвращение ко всему, чего касается... <...> Чехов по капле выдавливал из себя раба, а на моих глазах в человеке этого раба воспитывали, по капле выдавливая его человеческое достоинство»...

* * *

Книга получилась невеселой. И, как считают некоторые, успевшие прочитать ее в рукописи, излишне тенденциозной. В одном месте на полях кто-то из читавших сделал приписку: «Не слишком ли большой враг для детей школа?» Не будем обсуждать этот вопрос и взвешивать аргументы «за» и «против»: слишком — не слишком. Даже если я проявил некоторую необъективность и не сумел уравновесить чаши весов, уверен — вреда это не принесет. Просто родители будут знать: особенно надеяться на школу (и детский сад) в вопросах воспитания нельзя. А потому надо самим находить время, проявлять инициативу, больше внимания уделять детям. Я же буду считать свою задачу полностью выполненной, если каждому из прочитавших книгу удастся избежать хотя бы одной ошибки...

Еще не поставив последнюю точку, я уже хотел бы переделать некоторые главы, включить новые примеры, дополнить отдельные мысли свежими фактами. Я понимаю, что это невозможно — нет предела для совершенства, и целой жизни не хватит на одну книгу. Но работу над этой темой я не прекращаю, поэтому если у кого-нибудь из вас, уважаемые читатели, появятся замечания, пожелания, предложения,— я их с благодарностью приму.

ЛИТЕРАТУРА

Веселая З. А. Игра принимает всех. Мн., 1985.

Данилов Г. Не убить Моцарта//Смена. 1987. № 5, 6, 8—10.

Жариков А. Д. Растите детей патриотами. М., 1980.

Жуковицкий Л. Воспитание навырост//Смена. 1987. № 7.

Зацепин В., Цимбалюк В. Мы и наша семья. М., 1985.

Кон И. С. Психология социальной инерции//Коммунист. 1988. № 1.

Кон И. С. Психология юношеского возраста. М., 1979.

Макаренко А. С. Книга для родителей. М., 1969.

Максимов М. Только любовь... Не мало ли?//Знание — сила. 1987. № 7.

Панич М. С. Путь к себе. Л., 1986.

Соловейчик С. Размышления о воспитании совести//Знание — сила. 1987. № 9, 10.

Шаталов В. Ф. Педагогическая проза. М., 1980.

Эльконин Д. Б. Психология игры. М., 1978.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Так что же начинается с детства? (Заметки рецензента)

От автора 3

Глава первая. Главные ошибки воспитания 20

Глава вторая. Учите детей рисовать, творить... 23

Глава третья. Что наша жизнь — игра! 35

Глава четвертая. Живой щенок или игрушка? 47

Глава пятая. Наш друг (?!) голубой экран 58

Глава шестая. Хватит ли «просто любить»? 65

Глава седьмая. Здоровье — всему голова 76

Глава восьмая. Не загонять в угол... 90

Глава девятая. Если в семье единственный ребенок 102

Глава десятая. Нужен ли нам образованный человек? 112

Глава одиннадцатая. Растить не мальчика, но мужа 123

Глава двенадцатая. Давайте мы их разлучим 133

Глава тринадцатая. Виноваты ли родители в наркомании детей? 144

Глава четырнадцатая. Честь и честность — слова одного корня 156

Глава пятнадцатая. Растите детей патриотами 166

Литература 176

191

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ВЫШЭЙШАЯ ШКОЛА"